3
К-18

Крупская Н.К.

ЛЕНИНСКИЕ УСТАНОВКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

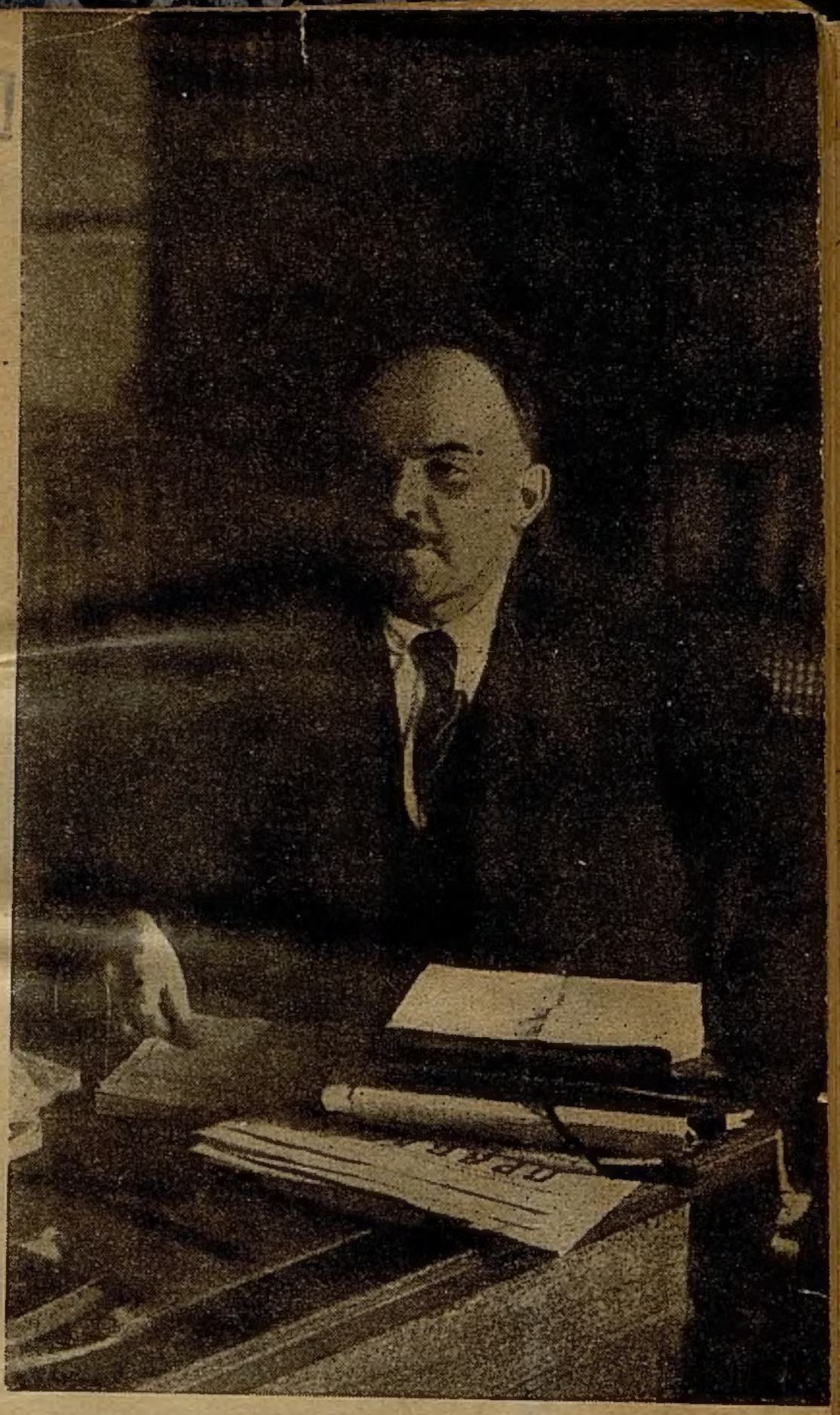
МОСКВА
1934

V

ЧИТ. ЗАЛ

ИНСТИТУТ
МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
при ЦК ВКП(б)

3
К-84



Н. К. КРУПСКАЯ

Ленин и Культура

ТО .....

.....

ошивки .....

.....

ость заказа .....

к .....

примерки .....

изготовления .....

Заказ принял .....

Заказ сдал .....

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. К. КРУПСКАЯ

ЛЕНИНСКИЕ УСТАНОВКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1948
БИБЛИОТЕКА ЦК ВКП(б)
Библиотека АП РФ
2 010003 18925 9

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Подготовлена к печати Е. И. ЛАКИДА под наблюдением Н. А. ПОДВОЙСКОЙ.
Техническая редакция: А. В. ДРУЖКОВ и И. Д. ГАЛАКТИОНОВ.
Книга сдана в набор 21/XI 1933 г. Подписана к печати 3/I 1934 г.
Инд. П-37 Партиздат № 1593/м. Тираж 50375. Ленгорлит № 32249. Зак. № 1287.
Формат бумаги 82×110 см. печ. л. 16 1/4 (123600 тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 4 1/16.
Вышла в свет — январь 1934 г.

2-я типография „Печ. Двор" треста „Полиграфкнига", Ленинград. Гатчинская, 26.

В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

С тех пор, как мы познакомились с Ильичем в 1894 г., в течение 30 лет не мало толковали мы с ним о культуре. Россия была страной отсталой в культурном отношении, и потому в ней все вопросы пропаганды и агитации тесно сплетались с вопросами поднятия культурного уровня масс. Я была учительницей. Когда мы познакомились с Ильичем, я учительствовала в вечерней воскресной школе взрослых за Невской заставой. Некоторые мои ученики были в кружке у Ильича, и мы бесконечно говорили с ним о рабочих, их быте, их уровне сознательности, о том, как пробуждаются они к новой жизни.

В период первой эмиграции и первой революции вопросы просвещения отошли несколько на задний план. Но к концу второй эмиграции эти вопросы опять ожили, стали опять занимать внимание Ильича. В период советской власти он уделял им очень большое внимание, вникал во все мелочи. В последнее время он говорил и думал много о культурной революции. Силы его уходили. Он сказал, чтобы я написала статью о грамотности как базе культуры, а он припишет немного. Статью я написала. Она долго стояла у него на пюпитре, но написать сам того, что он хотел еще добавить, он уже не смог.

После смерти Ильича я стала усиленно перечитывать вновь и вновь все его высказывания о культуре, и с тех пор я невольно связываю все статьи свои с тем, что говорил Ильич. Статей за эти 10 лет написано мною много, я отобрала лишь некоторые из них, те, где больше ссылок на Ильича, те, которые полнее, лучше, по-моему, отражают его взгляды. Сборник вышел очень неполный, но статьи помещались главным образом в педагогических журналах, их читал сравнительно узкий

круг, а хотелось бы, чтобы взгляды Ильича на вопросы культурного развития были ближе знакомы и не педагогам. Вопросы, касающиеся библиотечного дела, которому Ленин уделял особое внимание, вошли в переиздаваемую Институтом брошюру «Что говорил и писал Ленин о библиотеках» и в сборник моих статей «Библиотечное дело», изданный только что Соцэкгизом.

Н. Крупская.

30 октября 1933 г.

Заветы Ленина в области народного просвещения*

С тех пор, как пролетариат стал у власти, Ленин много писал и говорил о деле народного просвещения, и теперь надо внимательно вникнуть в то, что он говорил, и проверить, все ли, на чем он настаивал, проведено в жизнь, и если проведено, то так ли, как он хотел, посмотреть, что не доделано и что, может быть, надо переделать.

Остановимся прежде всего на том, что менее всего известно, что в силу традиции, установившейся с тех времен, когда коммунисты на школу влияния иметь не могли и потому ею мало интересовались, пропускалось мимо ушей, оставлялось без внимания.

В 1918 г. в своей речи на I Всероссийском съезде по народному образованию, сказанной им 20 августа, Ленин говорит: «Сейчас все земли, фабрики и заводы переданы рабочим и крестьянам. Рабочие ныне призваны не только стоять у станка и ходить за сохой, а и управлять имениями и орудиями производства — фабриками и заводами. И весьма естественно теперь стремление к науке, проснувшееся среди рабочих. Рабочие тянутся к науке и школе, и наша задача теперь дать им эту науку и школу.

«Иные нас упрекают в том, что школу мы делаем классовой. Но школа и была таковой во все время своего существования. Если сейчас мы видим саботаж со стороны учителей высшей школьной ступени, так это показывает, что эти учителя хотят монополизировать нашу школу, сделать ее орудием классовой борьбы, сделать ее оружием, направленным против рабочих и крестьян. Да чем же собственно и вызвана хотя бы эта

---

* Брошюра, изданная «Работником просвещения», написана в 1924 г.

продолжающаяся уже пятый год бойня, как не тем, что школа была использована врагами трудового народа в своих целях. В школах старого типа ребенку неминуемо внушаются национальные предрассудки; разжигается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности; юная мысль затемняется глупыми предрассудками. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии. Чувство ненависти к отдельным национальностям буржуазия как нельзя лучше использует в своих целях именно во время войны, которая дает ей колоссальные барыши.

«Взять хотя бы наше время. Сейчас у нас тысячи миллионеров, которые во время войны выросли, как грибы после хорошего дождя. Им нужна война, чтобы обогащаться, а потому и школу они, не задумываясь, использовали бы в своих чисто-империалистических целях. Но мы не должны допустить до этого. Мы говорим, что и наша школа будет классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения.

«Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобной той, что продолжается уже пятый год» (газетный отчет о речи Ленина в «Правде» № 184, 30 августа 1918 г.; Соч., 1-е изд., т. XV, стр. 386 — 387).

Мы видим, какое громадное значение придает Ленин школе.

Это та же идея, которую он бросает уже в 1913 г. в статье о «культурно-национальной автономии»: надо, «чтобы в школе подготовлялось то, что в жизни осуществляется» (Соч., т. XVII, стр. 93).

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП принята новая программа партии. Отдел, говорящий о задачах коммунистов в области народного образования, был выработан под непосредственным руководством Ленина. Отдел этот гласит: «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

«В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

«1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет.

«2) Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины.

«3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества.

«4) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства.

«5) Подготовление новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма.

«6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие «советов народного образования», мобилизация грамотных и т. д.).

«7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.).

«8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с общими политехническими знаниями.

«9) Открытие широкого доступа в аудитории высшей

школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой.

«10) Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров.

«11) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти» (Соч., т. XXIV, стр. 699 — 700).

В резолюции VIII съезда РКП о политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне, писанной Лениным, говорится: «Что касается школы, то вопрос об обновлении ее на началах единства и труда принципиально уже решен» (там же, стр. 708).

По поводу принятой программы Ленин в 1921 г. в статье от 7 февраля пишет: «В декабре 1920 г. состоялось партийное совещание по вопросам народного образования. Участвовало 134 делегата с решающим и 29 с совещательным голосом. Совещались пять дней. Отчет об этом совещании дает «Приложение к бюллетеню VIII съезда советов, посвященное партийному совещанию по вопросам народного образования» (издание ВЦИК, 10 января 1921 г.). Из резолюций совещания, из отчета о нем, из всех помещенных в названном «Приложении к бюллетеню» статей — кроме вводной статьи т. Луначарского и статьи т. Гринько — видна неправильная постановка вопроса о политехническом образовании, виден тот недостаток, на борьбу с которым директивы ЦК обращают «главное внимание» наркома и коллегии, именно: «увлечение» общими рассуждениями и абстрактными лозунгами.

«Вопрос о политехническом образовании решен, в основном, нашей программой партии, параграфы 1 и 8 в отделе программы, посвященном народному просвещению. На эти пункты программы директива ЦК и ука-

зывает. Параграф 1 говорит *о политехническом образовании* до 17 лет, параграф 8 — о «широком развитии профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста *в связи с общими политехническими знаниями*».

«Таким образом вопрос поставлен программой партии вполне ясно. Рассуждения о том, «*политехническое или монотехническое* образование» (именно эти взятые в кавычки и подчеркнутые мною слова, во всей их чудовищной нелепости, мы встречаем на стр. 4 названного «Приложения к бюллетеню»!) — эти рассуждения в корне неверны, для коммуниста прямо недопустимы, показывают и незнание программы и пустейшее «увлечение» абстрактными лозунгами. Если мы вынуждены *временно* понизить возраст (перехода от общего политехнического к профессионально политехническому образованию) с 17 лет до 15, то «*партия должна рассматривать*» это понижение возрастной нормы «исключительно» (пункт 1 директив ЦК) как практическую необходимость, как временную меру, вызванную «*нищетой и разорением страны*».

«Общие рассуждения с потугами «обосновать» подобное понижение представляют из себя сплошной вздор. Довольно игры в общие рассуждения и якобы теоретизирование! Весь центр тяжести работы должен быть перенесен в дело «учета и проверки *практического* опыта», в дело «систематического *использования указаний* этого опыта» (Соч., т. XXVI, стр. 160 — 161).

В своей замечательной речи, сказанной на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г., Ленин проливает яркий свет на то, какова должна быть школа в советском строе:

«И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

«Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы — чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование

новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должны исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом.

«Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества.

«Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она, действительно, хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

«Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

«Но этот ответ «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно или когда она понимается слишком однобоко.

«Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно.

«Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитав-

шись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

«Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это — полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги в большинстве случаев являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным.

«Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

«Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы во-время эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

«Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?

«Старая школа заявляла, что она хочет создать человека, всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии.

«В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

«Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию.

«Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но все-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

«Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм.

«Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

«Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального, социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма.

«И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому,

что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучавши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука.

«Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

«Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

«Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

«Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской диктатуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

«Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

«Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным

количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

«Нам не нужно зубрежки. Но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека.

«Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что я знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

«Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить ее, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей?

«Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

«Но вместо старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян,

которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, уменье и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое коммунистическое общество.

«Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на месте старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

«Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче научиться коммунизму» (Соч., т. XXX, стр. 403 — 408).

В той же речи, далее, Ленин говорит:

«А наша школа должна давать молодежи основы знания, давать уменье вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров» (там же, стр. 413).

«Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы и старой науки. Я постараюсь ответить и на вопрос, как этому нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров» (там же, стр. 414).

«Быть членами союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек

2845

20853

или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами» (там же, стр. 415).

«Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплуататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают» (там же, стр. 416).

«Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Союз коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

«Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

«И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде» (там, же стр. 416).

«Должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

«По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен» (там же, стр. 417).

К вопросу, чему учить, Ленин возвращается вновь в своем предисловии к книжке И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» (предисловие написано 18 марта 1922 г.). Он пишет:

«Чего нам больше всего не хватает для настоящей (а не чиновнически-бездельной) работы по народному

просвещению, — это именно вот таких «пособий для школ» (для всех, обязательно всех школ вообще), как настоящее. Если бы все наши литераторы-марксисты, вместо того, чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным вопросам, тогда мы не переживали бы такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу.

«VIII съезд советов постановил, что преподавание плана электрификации обязательно во всех — во всех без изъятия — учебных заведениях РСФСР. Это постановление осталось, как и многие другие, на бумаге вследствие нашей (нас, большевиков) некультурности. Теперь, с появлением в свет настоящего «Пособия для школ» тов. Степанова, надо добиться — и мы добьемся! — того, чтобы в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по несколько экземпляров этого «пособия»; — чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и устраивались обязательно общедоступные народные чтения об электричестве и об электрификации РСФСР и о технике вообще; — чтобы каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это «пособие» (для помощи в этом деле должен быть в каждом уезде устроен кружок или группа инженеров и преподавателей физики), и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще.

«Добиться этого будет стоить не малого труда. Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить *свою* жизнь.

«А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся» (Соч., т. XXVII, стр. 195 — 196).

Но какова бы она ни была, просветительная работа в школе не должна оставаться вне связи с политикой. В своей речи на совещании политпросветов от 3 ноября 1920 г. Ленин подробно развивает эту мысль:

«Самое главное . . . — это вопрос просвещения в связи с нашей политикой. . . Мы по всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой.

«Такая мысль господствовала и господствует в буржуазном обществе. Название «аполитичность» или «неполитичность» просвещения — это есть лицемерие буржуазии, это есть не что иное, как обман масс. . . Буржуазия, господствуя во всех теперь еще буржуазных странах, занимается именно этим обманом масс» (Соч., т. XXV, стр. 448 — 449).

«Во всех буржуазных обществах связь политического аппарата с просвещением является фактом, имеющим громадную силу. Признать это прямо буржуазное общество не хочет. Наша основная задача состоит в том, между прочим, чтобы в противовес буржуазной правде выставить свою правду и заставить ее признать» (там же, стр. 449).

В связи со взглядом на необходимость самой тесной связи между просветительной работой и политикой Ленин определяет и роль учительства:

«Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. В этой учительской среде особенно упрочились буржуазные предрассудки. Здесь долго шла борьба и в виде прямого саботажа и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоевывать себе коммунистическую позицию. Для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс, особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе

враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты.

«Так как надо порвать со старыми привычками, навыками, идеями, то здесь перед Главполитпросветом и перед его работниками стоит наиважнейшая задача, которая и должна более всего иметься в виду. И действительно, тут стоит перед нами дилемма, как связать учительство, в большинстве старого закала, с партийными коммунистами? Этот вопрос крайне трудный, и над ним нужно очень и очень задуматься.

«Рассмотрим, как связать организационно столь разных людей. Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии. Таким образом, цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это можно сделать? Это возможно, только овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об этом. Вот и является вопрос: как же их связать, этих работников, которые не привыкли работать в связи с политикой и с полезной для нас политикой в частности, т. е. необходимой для коммунизма. Это, как я сказал, очень трудная задача... Каждому комитету партии на каждого пропагандиста, на которого смотрели раньше, как на человека определенного кружка, определенной организации, теперь приходится смотреть по-новому. Каждый принадлежит к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом. Очень и очень многие коммунисты,

прошедшие великолепно школу подпольной работы, испытанные и закаленные борьбой, не хотят и не могут понять всей значительности этого перелома, этого перехода, когда из агитатора-пропагандиста он становится руководителем агитаторов, руководителем гигантской политической организации...

«Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах. Наследие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками у учительских масс, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели.

«Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей. Это задача, которая решена на фронте, в нашей Красной армии, в которую были взяты десятки тысяч представителей старой армии. В длительном процессе, процессе перевоспитания, они слились с Красной армией, что, в конце концов, и доказали своими победами. И в нашей культурно-просветительной работе мы должны следовать этому примеру. Правда, эта работа не так блестяща, но еще более важна. Каждый агитатор и пропагандист нам необходим, он выполняет свою задачу, когда работает в строго партийном духе, но не ограничивается одной только партией, а помнит, что его задача — руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь» (там же, стр. 451—453).

«Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями,

хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге, победителями будем мы» (там же, стр. 454).

Учителя в своей массе беспартийные. Что же?

Комитеты должны научиться вести за собой и беспартийных учителей.

«Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея». — говорил Ленин на XI съезде РКП 27 марта 1922 г. «Коммунисты — это капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определят путь не только в смысле всемирного исторического направления»...

«Вторая часть победы — чтобы некоммунистическими руками строить коммунизм», — пишет он далее. (Соч., т. XXVII, стр. 246). Вот почему в своей статье «О работе Наркомпроса» (7 февраля 1921 г.) он говорит:

«Успех работы коммуниста, действующего в области (и в учреждениях) народного просвещения, должен измеряться в первую голову тем, как поставлено это дело привлечения спецов, уменье найти их, уменье использовать их, уменье осуществить сотрудничество спеца-педагога и коммуниста-руководителя, уменье проверить, что именно и насколько *осуществляется в жизни*, уменье двигаться вперед — пусть даже архимедленно, в архискромных размерах, но только на *деловой* почве, на почве *практического* опыта. Если же у нас будет и впредь в Наркомпросе обилие претендентов на «коммунистическое руководство» и пустота в практической области, недостаток или отсутствие спецов-практиков, неумение их выдвинуть, их выслушать, их опыт учесть,— тогда дело не пойдет. Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет им* помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть.

«В *этом* смысле безусловный лозунг наш должен быть: *поменьше* «руководства», побольше практического дела, т. е. поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких

условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад. Коммунист-руководитель, исправивший программы преподавания педагогов-практиков, составивший удачный учебник, добившийся хотя бы ничтожного, но *практически-осуществляющегося* улучшения в содержании работы, в условиях работы *десяти, сотни, тысячи* педагогов-спецов, — вот это настоящий руководитель. А коммунист, *рассуждающий* о «руководстве» и не умеющий приспособить к практическому делу спецов, неумеющий добиться *их* успеха на практике, неумеющий использовать практического опыта сотен и сотен учителей, такой коммунист никуда не годится» (Соч., т. XXVI, стр. 162 — 163).

Возлагая на учителей чрезвычайно ответственную задачу, в «Страничке из дневника» (от 2 января 1923 г.) Ленин напоминает:

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию, и главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

«Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом» (Соч., т. XXVII, стр. 389).

Далее:

«Надо, чтобы при ближайшем пересмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены.

«Работа, которая ведется теперь в области народного

образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень не мало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

«Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко не достаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас.

«У нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования. Даже в Наркомпросе у нас сплошь и рядом можно найти чересчур раздутые штаты какого-нибудь Госиздата вне всяких забот о том, что на первом месте должно стоять попечение государства не об издательстве, а о том, чтобы было кому читать, чтобы было большее число способных читать, чтобы был больше политический размах издательства в будущей России. На технические вопросы, в роде вопроса об издательстве, мы все еще по старой (скверной) привычке уделяем много больше времени и сил, чем на общеполитический вопрос о народной грамотности.

«Если взять Главпрофобр, то и тут, мы уверены, можно найти много и много лишнего, раздутого ведомственным интересом, не приноровленного к потребностям широкого народного образования. Далеко не все

в Главпрофобре оправдывается законным желанием поднять сначала и придать практическое направление образованию нашей фабрично-заводской молодежи. Если просмотреть внимательно штаты Главпрофобра, в них многое и многое окажется вздутым и фиктивным с этой точки зрения, подлежащим закрытию. В пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких — либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о котором говорит статистика» (Соч., т. XXVII, стр. 387 — 389).

Чем дальше, тем все больше и больше придает Ленин значения подъему культуры. В своей речи на II Всероссийском съезде политпросветов (от 19 октября 1921 г.) он утверждает: «Задача подъема культуры — одна из самых очередных». «После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией» (там же, стр. 47).

«Сейчас * начинается военная кампания против остатков косности, темноты и недоверия среди крестьянских масс. Старыми мерами тут не победишь, мерами же пропаганды, агитации и организованного воздействия, которому мы научились, мы одержим победу» (Соч., т. XXVI, стр. 38).

«Сейчас весь гвоздь политического момента состоит в том, что мы переживаем как раз переломный, переходный период, некоторый зигзаг, — период, когда от войны мы переходим к строительству хозяйственному. Это бывало и прежде, но не бывало в таких широких размерах» (там же, стр. 31 — 32).

«Мы имели полный успех в военной области, и теперь мы должны подготовить такой же успех для задач более трудных, требующих энтузиазма и самоотвер-

---

* Декабрь 1920 г.

женности от огромного большинства рабочих и крестьян. Надо убедить в новых задачах сотни миллионов людей, живших из поколения в поколение в рабстве и угнетении, в подавлении всякой самодеятельности; миллионы рабочих, состоящих в профсоюзах, но несознательных еще политически, не привыкших видеть себя хозяевами; надо их организовать не для сопротивления власти, а для поддержки, для развития мероприятий своей рабочей власти, для проведения их до конца. Этот переход связан с трудностями, это не новая задача с точки зрения простой формулировки. Но эта задача новая, поскольку теперь хозяйственная задача ставится впервые в массовом масштабе, и мы должны сознать и помнить, что война на хозяйственном фронте будет более трудной и более долгой; чтобы победить на этом фронте, надо будет большее число рабочих и крестьян сделать самодеятельными, активными и преданными. И это можно сделать, — за это говорит опыт хозяйственного строительства, приобретенный нами, — потому что сознание бедствия, холода, голода и всяческих лишений, в связи с недостатком производительных сил, глубоко коренится в массе. Нам надо направить сейчас внимание на то, чтобы от интересов политических и военных всю агитацию и всю пропаганду перевести на рельсы хозяйственного строительства. Мы много раз это провозглашали, но еще недостаточно, и я думаю, что из числа тех мероприятий, которые за этот год Советская власть осуществила, особенно выделяется создание Центрального бюро производственной пропаганды при ВЦСПС, объединение его с работой Главполитпросвета, создание добавочных газет, построенных по производственному плану, не только с перенесением внимания на производственную пропаганду, но и организация ее в общегосударственном масштабе.

«Необходимость организации ее в общегосударственном масштабе вытекает из всех особенностей политического момента. Необходимо это и для рабочего класса, и для профессиональных союзов, и для крестьянства; это есть самая громаднейшая необходимость нашего государственного аппарата, который нами использован далеко не достаточно для этой цели. У нас знания того, как нужно вести промышленность, как нужно заинтересовывать массы, книжных знаний об этом в тысячу

раз больше, чем применения этих знаний на практике. Нам нужно добиться того, чтобы поголовно все члены профсоюзов были заинтересованы в производстве и чтобы они помнили, что, только увеличивая производство, повышая производительность труда, Советская Россия в состоянии будет победить. И только таким путем Советская Россия на десять лет сократит те ужасные условия, в которых она находится, тот голод и холод, которые она теперь переживает» (Соч., т. XXVI, стр. 34 — 35).

Необходимо добиться, «чтобы крестьянские массы и члены профессиональных союзов поняли эти задачи сейчас, чтобы они поняли, что по-старому жить нельзя, что, как ни укоренилась десятилетиями капиталистическая эксплуатация, надо ее преодолеть. Надо добиться, чтобы все поняли, что нам принадлежит Россия, что мы, рабочие и крестьянские массы, своей деятельностью, своей строгой трудовой дисциплиной, только мы можем пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план» (там же, стр. 34).

«Мы должны убедить беспартийных крестьян» (стр. 37), «мы должны убедить миллионы» (стр. 38).

«Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов» (стр. 33).

Ленин не только говорит о необходимости работы среди крестьянства и профсоюзов, он делает практические предложения. Резолюция VIII съезда РКП, составленная под его руководством (март, 1919 г.), содержит в себе ряд очень ценных практических указаний. Приводим эту резолюцию:

«Принимая во внимание необходимость прочного и длительного соглашения пролетариата с беднейшим и средним крестьянством и то обстоятельство, что политическая темнота, общая невежественность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний в деревне являются глубоким и серьезным препятствием и в то же время осуждают беднейшее и среднее крестьянство на нищету и косность, — коммунистическая партия не может не отнестись с самым серьезным вниманием к просвещению деревни в широком смысле слова.

«В план просветительной деятельности в деревне должны входить в глубокой согласованности между собой:

1) Коммунистическая пропаганда.

2) Общее образование.

3) Агрикультурное образование.

«1. Политическая пропаганда в деревне должна вестись как для грамотных, так и для неграмотных.

«Для *грамотных* на первом месте должно стоять распространение общей политической и специально для крестьян издаваемой популярной литературы и газет в выдержанном коммунистическом духе. Литература такая должна продаваться по возможно низким ценам при школах, избах-читальнях и всех советских лавках.

«Должно стремиться к тому, чтобы при каждой школе была организована библиотека-читальня с политическим отделом и чтобы такие же библиотечки-читальни имелись при каждом деревенском народном доме, а где таких домов нет, политически-популярная литература должна составлять необходимую часть книжного инвентаря изб-читален.

«В курс школ для малолетних, а равным образом во всевозможные курсы для взрослых, как обще-образовательные, так и специально-технические (сельскохозяйственные, например) должны быть введены: 1) популярные очерки истории культуры с научно-социалистической точки зрения и с особо разработанной частью, посвященной истории Российской Великой Революции; 2) разъяснение Советской Конституции. Для обоих этих курсов должны быть немедленно созданы образцовые учебники.

«Учителя обязаны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения.

«В этом отношении они должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций.

«Кинематограф, театр, концерты, выставки и т. п., поскольку они будут проникать в деревню, а к этому должны быть приложены всяческие усилия, необходимо использовать для коммунистической пропаганды как непосредственно, т. е. через их содержание, так и путем сочетания их с лекциями и митингами.

«Отделы народного образования губернские и уездные

при содействии и под контролем местных партийных организаций создают коллегии пропагандистов, частью оседлых, т. е. прикрепленных к своему месту жительства, частью странствующих, т. е. объезжающих известный, более или менее широкий участок.

«В крупных городских центрах должны быть создаваемы партийными организациями, согласно с местными органами Компроса, коллегии пропагандистов-инструкторов, занимающиеся непосредственно разъездной пропагандой среди масс, инструктированием своих менее опытных товарищей на местах.

«При этом съезд обращает особое внимание на использование рабочих сил тех отрядов индустриальных рабочих, которыми руководит Всероссийский совет профессиональных союзов.

«Для *неграмотных* должны быть устроены периодические чтения в школах, помещениях волостного Совдепа, избах-читальнях и т. п., для чего отделами народного образования при содействии местных партийных ячеек создаются особые кружки чтецов, включая местное учительство, на началах особой повинности грамотных. Предметом чтения должны быть декреты и обязательные постановления с популярными, особо для того издаваемыми и рассылаемыми центром (партийным или советским) толкованиями и статьи постоянно обновляемой и пополняемой народной хрестоматии. Такие чтения желательно сопровождать наглядными демонстрациями при помощи кинематографа или волшебного фонаря, беллетристическими чтениями и концертными номерами для привлечения большего количества посетителей.

«2. Общее образование — школьное и внешкольное (включая сюда и художественное: театры, концерты, кинематографы, выставки. картины и пр.), стремясь не только пролить свет разнообразных знаний в темную деревню, но, главным образом, способствовать выработке самосознания и ясного миросозерцания — должно тесно примыкать к коммунистической пропаганде. Нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию коммунистического хозяйства.

«Что касается школы, то вопрос об обновлении ее на

началах единства и труда принципиально уже решен. Приходится обратить особое внимание на все виды внешкольного образования для взрослого населения. Партия должна всемерно способствовать Советской власти и местному населению в деле организации возможно более *богатой сети народных домов*, для чего в первую голову должны быть использованы советские имения. Народные дома должны быть крестьянскими клубами для отдыха, разумного развлечения и широкого просвещения, как общего, так и коммунистического.

«Коммунистическая партия, допуская и поощряя повсюду использование сил всякого рода специалистов и просто образованных людей для чтений курсов и помощи в жизни народных домов, должна следить вместе с тем, чтобы элементы, враждебные Советской власти, не воспользовались аппаратом общего образования и не проводили под видом литературы, науки и искусства тенденций общественно-вредных, контр-революционных и так или иначе парализующих усилия коммунистической пропаганды.

«3. Крестьянство остро сознает нужду в *агрономическом* образовании.

«Советские имения, равно как школы-фермы, должны стать маяками сельско-хозяйственного просвещения. Органы сельско-хозяйственного образования, устраиваемые и поддерживаемые Народным Комиссариатом Просвещения, должны находиться в самом тесном контакте с хозяйственными учреждениями Народного Комиссариата Земледелия.

«Не должно быть школ, курсов и какой бы то ни было организации просветительной работы в деревне, которая не стремилась бы, согласно принципу соединенного обучения с производительным трудом, быть в то же время организацией образцового сельского хозяйства, полного или частичного.

«Сельско-хозяйственное образование должно вестись таким образом, чтобы данные его связывались с коммунистическими выводами и служили опорой общему стремлению партии к перерождению частного крестьянского хозяйства в организованное социалистическое.

«Пропаганда среди крестьян не должна быть оторванной от жизненных задач крестьянина-земледельца,

но тесно связанной с вопросами агрономической экономии.

«Государственная школа должна быть совершенно отделена от какой бы то ни было религии, и всякая попытка контр-революционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться.

«Но Конституция Советской России признает полную свободу вероисповедания за всеми гражданами, и съезд обращает внимание на совершенную недопустимость каких бы то ни было ограничений этого права и даже тени насилия в вопросах религии. Лица, посягающие на свободу веры и богослужения для граждан всех вероисповеданий, должны быть подвергаемы строгому взысканию» (Соч., т. XXIV, стр. 707 — 709).

В речи на II Всероссийском съезде политпросветов (17 октября 1921 г.) Ленин дает целую программу работы в области политпросветительной работы.

«У нас комиссия по ликвидации безграмотности создана 19 июля 1920 года. Я нарочно, перед тем, как приехать на съезд, прочел соответственный декрет. Всероссийская комиссия по ликвидации безграмотности... Мало того — чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Будем надеяться, что после этого съезда мы получим данные, в скольких губерниях и что именно в этой области проделано, и получим точный отчет. Но уже то обстоятельство, что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы — люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, — там в школах ликвидируют безграмотность. Там есть школы сносные, — и в них учат. Чему? Учат грамотности первым долгом. Но если эта элементарная задача не решена, то говорить о новой экономической политике смешно...

«Какая тут новая политика? Дай бог как-нибудь держаться со старой, если мы должны чрезвычайными мерами ликвидировать безграмотность. Это — очевидно. Но еще более очевидно — мы наделали чудес и в военной области и в других. Среди этих чудес самое большое чудо, я думаю, было бы то, чтобы ликвидировать до конца самую комиссию по ликвидации безграмот-

ности. И чтобы не возникало таких проектов, как я здесь слышал, об отдалении от Наркомпроса. Если это так, если вы в это вникнете, то согласитесь, что нужно бы создать чрезвычайную комиссию по ликвидации некоторых дурных проектов.

«Мало того: недостаточно безграмотность ликвидировать, но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался уменьем читать и писать, чтобы он имел, что читать, чтобы он имел газеты и пропагандистские брошюры, чтобы они правильно распределялись и доходили до народа, чтобы они не пропадали в пути, так что их читают не больше половины и употребляют на что-то в канцеляриях, а до народа, возможно, и одна четверть не доходит. Нужно научиться пользоваться тем скудным, что у нас есть.

«Вот почему в связи с новой экономической политикой надо неустанно выдвигать мысль, что политическое просвещение требует во что бы то ни стало повышения культуры. Надо добиться, чтобы уменье читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это уменье читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства» (Соч., т. XXVII, стр. 48 — 49).

Особенно подробно останавливался он на декрете о создании единой библиотечной сети, обдумывая, как снабдить массы необходимой книжкой.

3 ноября 1920 г. издан декрет СНК «о централизации библиотечного дела» (ст. 439, Собр. узак., 1920 г., № 87), о создании единой библиотечной сети РСФСР.

В спешке, загруженные мелочами, мы часто недостаточно учитывали указания Ленина, не делали многого из того, что могли.

Теперь его заветы выступают особо ярко, надо доделывать, что не доделано, выпрямлять линию, развивать необходимую энергию.

К вопросу о работе культотделов*

По замыслу, культотделы должны быть такими культурными организациями, которые близко знают повседневную жизнь рабочих своего производства, уровень их развития, их интересы, их быт и труд. Зная это, культотделы могут ставить свою работу наиболее целесообразно, наиболее жизненно.

Предполагается, что культотделы состоят в значительной своей части из рабочих и работниц данной профессии, что они теснейшим образом связаны со всей профсоюзной массой, втягивают ее в свою работу, опираются на нее.

Построенные таким образом культотделы получают возможность наиболее целесообразно строить свою работу, отвечая на насущные текущие потребности масс, поднимая их в культурном отношении со ступеньки на ступеньку, все выше и выше.

Состав культотделов и ориентировка их на конкретную массу, связь с этой массой — вот отличительные черты культотделов.

И если состав культотделов не таков, каким он должен быть, и если работа культотделов ориентируется не на массы, если нет еще организационных форм, связывающих культотделы с профсоюзной массой, — профсоюзы должны добиться и того и другого.

В своей работе профсоюзы должны ориентироваться на массы.

Минувший год показал, как выросла масса за последние годы: ленинский призыв, повышение активности и самодеятельности масс говорят об этом.

Все это налагает на культотделы особо большую от-

---

* Статья в журнале «Коммунистическое просвещение» № 5, 1924 г.

ветственность. И первое, что должны осознать они, — это свою задачу помочь профсоюзам стать тем, чем они должны быть — *школой коммунизма.*

Вся работа культотделов должна быть пропитана духом коммунизма, духом ленинизма.

Этого хотят профсоюзные массы.

Важно, чтобы коммунистическая пропаганда выражалась не только в устройстве в профсоюзных клубах уголков *Ленина,* не только в демонстрациях с красными знаменами, — необходимо, чтобы культотделы каждый шаг обучения, воспитания и образования профсоюзных масс связывали с основными идеями коммунизма. Надо, чтобы они «коммунизм протаскивали в повседневную жизнь».

В ноябре 1922 г. в своей речи в Московском совете Владимир Ильич говорил:

«Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня. Вот что составляет задачу нашей эпохи» (Соч., т. XXVII, стр. 366).

Культотделы, поскольку они связаны с массой, стоят как раз в сердцевине будничных вопросов, и их дело — уметь связывать эти будничные вопросы с социализмом, с коммунизмом.

Они должны учиться это делать; это работа первостепенной важности, и в ней должны принять участие все члены коммунистических фракций профсоюзов.

Если верно то, что говорит Ленин, — что мы стоим перед лицом культурной революции, — то мы должны видеть и то, что профсоюзы нужно превратить в орудие этой революции, надо уделить их работе максимум внимания.

Во время дискуссии о профсоюзах Владимир Ильич говорил, что в период, пе́реходный от капитализма к коммунизму, «профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму».

И сейчас для профсоюзов и, в частности, культотделов — самое важное найти подход к тому, как овладеть массой, связаться с нею, как наилучшим образом ее убедить.

Профпропаганда — одна из важнейших задач культотделов. Но, говоря о том, что профпропаганда нужна, необходимо сказать, *какая* именно профпропаганда.

II Интернационал сводил дело к формальному вовлечению рабочих в профсоюзы — плати членский взнос, и делу конец. Наша задача — через профсоюзы спаять профсоюзные массы, сделать связь между членами профсоюзов более крепкой, более глубокой, воспитать в массах коллективистическую психологию, уменье к каждому вопросу подходить с точки зрения интересов целого, научить с такой же точки зрения подходить и к вопросам хозяйствования. На таких вопросах, как производственная пропаганда, как борьба за повышение производительности труда, воспитывается коллективистическая психология, уменье подходить к злободневным вопросам с точки зрения интересов целого.

И чем глубже будет идти коммунистическое воспитание профсоюзных масс, тем легче будет им выполнить и ту свою вторую задачу, о которой говорил Ильич. — задачу *спайки с крестьянством,* увлечения крестьянства на путь коммунизма.

Последнее время партия уделяет чрезвычайно много места вопросам работы в деревне, вопросам смычки рабочего класса с бедняцкими и середняцкими слоями крестьянства.

О работе в деревне говорилось на XIII съезде партии, говорилось уже не впервые.

Подробно на эту тему говорил еще на VIII съезде советов в декабре 1920 г. Ленин.

«Мы были и остались страной мелко-крестьянской, и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях. Для того, чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян» (Соч., т. XXVI, стр. 37).

«Сейчас начинается, — говорил он далее, — военная кампания против остатков косности, темноты и недоверия среди крестьянских масс. Старыми мерами тут не победишь; мерами же пропаганды и агитации и орга-

низованного воздействия, которому мы научились, мы одержим победу» (там же, стр. 38).

«Нет средств, чтобы усилиться, кроме как поднять нашу главную опору — земледелие и городскую промышленность, — а ее поднять иначе нельзя как убедив в этом беспартийного крестьянина, мобилизуя все силы на помощь ему, оказав ему эту помощь на деле» (там же, стр. 39).

Полтора года спустя, на XI съезде РКП (27 марта — 2 апреля 1922 г.) Владимир Ильич повторил ту же мысль: «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед» (Соч., т. XXVII, стр. 272).

И еще через год, в своих последних статьях Ильич опять-таки выдвигал на первый план, еще с большей настойчивостью, ту же мысль:

«Мы должны, — писал он, — проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства» (там же, стр. 416).

«Мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата» (там же, стр. 389).

Рабочие должны убедить крестьянина, помочь ему пойти по пути объединения своих усилий, по пути кооперирования, по пути перехода к общественным формам хозяйства. Рабочий может убедить крестьянина лучше, чем кто-либо.

«Это — задачи, требующие втягивания поголовно всех членов профсоюзов в это совершенно новое дело, которое при капитализме было им чуждо», — говорил Владимир Ильич еще на VIII съезде советов.

Задача изменения самых основ мелкого хозяйства — задача общегосударственная, от разрешения которой зависит вся дальнейшая судьба советской власти и рабочего класса.

Над разрешением этой задачи должны энергично работать и культотделы профсоюзов.

Но нельзя упускать из виду, что стоящую перед ними задачу смычки с крестьянством профсоюзы смогут правильно выполнить только в том случае, если они в достаточной мере проведут в жизнь смычку авангарда пролетариата с профсоюзной массой, с самыми отсталыми слоями этой массы, если сделают идеи коммунизма понятными и близкими массе, если осветят массе задачи работы в деревне, помогут ей осознать, как надо вести крестьянина шаг за шагом по пути коммунизма.

Задачи культотделов, которые ставит перед ними рост профсоюзной массы, чрезвычайно важны и ответственны.

В этой своей работе культотделам надо опираться на Главполитпросвет и полностью использовать его опыт и силы. Работа культотделов должна вестись в полном контакте с Главполитпросветом. Главполитпросвет должен быть вовлечен в разрешение вопросов, возникающих в их повседневной работе. Со своей стороны Главполитпросвет должен уделять работе культотделов максимальное внимание и помощь.

Очень велика задача, стоящая перед культотделами.

На путях к социализму*

«Нам наши противники не раз говорили, — писал Владимир Ильич в последней своей статье о кооперации, — что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» (Соч., т. XXVII, стр. 397).

Этой культурной революции Ленин придавал громадное значение.

Он знал, он писал еще в 1918 г. о том, что «социализм не создается по указу сверху; социализм живой есть создание самих народных масс».

Но массы темны, безграмотны, и это мешает им строить социализм. «Нам... нехватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки», — писал Вл. И. в статье «Лучше меньше, да лучше» (там же, стр. 417).

Что разумел Вл. И. под культурной революцией? То, что массы как-то сломают дружным, организованным напором стену темноты и невежества, возьмут с бою необходимые им знания, необходимую им цивилизацию. Это будет чрезвычайно трудно при малом числе школ и культучреждений, но все же возьмут.

Слова Вл. И. о культурной революции, написанные в начале 1923 г., не сразу были осознаны всеми товарищами.

Только после его смерти многие ощутили, что эта революция приближается действительно, что Вл. И. не ошибся.

---

* Статья в «Правде» 7 октября 1924 г.

Ярко бросилась в глаза тяга к знанию у ленинского призыва.

Заставило говорить о себе учительство. Оно пошло за партией и упорно коллективно учится. За последний год оно чрезвычайно выросло.

Под напором проснувшейся самодеятельности крестьянства меняют фронт и другие культурные силы деревни: врачи, агрономы и пр.

Но самым поразительным, самым характерным является нарождение и рост новой культурной силы — пионердвижения. Оно растет чрезвычайно быстро и уже перекинулось в деревню *.

Пионеры-ребята, начиная с 14 лет до 16, учатся жить и работать сообща, объединять постоянно свои усилия, свою работу для достижения поставленной цели, учатся сообща заводить новые порядки, строить жизнь по-новому, учатся подчинять свою волю воле коллектива, бороться за свои убеждения. Пионердвижение — это уже кусок живого социализма. Через десяток лет из пионеров вырастет такая силища, которая переделает всю жизнь по-новому.

Пионеры совсем «всерьез» относятся к своей работе. Они понимают, что на них ляжет обязанность осуществить, воплотить в жизнь заветы Ильича.

Пионер не пьет, но он также мешает родным торговать самогоном, и, бывали случаи, родные выгоняли за это пионеров из дома.

Пионер не курит и не допускает, чтобы курили в его присутствии. К пионерскому костру подходит рабочий, присаживается и закуривает. Комары кругом. Тотчас к нему подходит пионер: «товарищ, мы, пионеры, не курим и не допускаем, чтобы курили в нашем присутствии: отойди, пожалуйста, в сторону». Смущенный рабочий тушит папироску. Пионеры соблюдают гигиенические правила. Лагерь юных пионеров. Две сотни ребят в стройном порядке шествуют к речке, у каждого в руке зубная щетка; пионеры чистят зубы. Они также моют руки перед едой, не пьют и другим не дают пить сырой воды, держат в чистоте уборные...

---

* По данным Центрального бюро юных пионеров, на 28 октября 1924 г. имелось по СССР 9 020 отрядов (из них 2 тысячи деревенских), включающих в себя 603 600 юных пионеров.

Пионеры не верят в бога. Ничто не мешает им понять, что его нет. Им самим он не нужен. Они живут дружным товарищеским коллективом и не чувствуют одиночества. Мать посылает девочку к попадье учиться закону божьему, та не идет, несмотря на то, что мать бьет ее. Но и бить себя пионеры не дают, а посему юная пионерка уходит из дома.

Пионеры заботятся о смычке рабочих и крестьян. И потому, когда деревенские ребята бродят вокруг их лагеря, бросают в них комья грязи, дразнят их, ни один пионер не отвечает на вызов: на общем собрании было постановлено с деревенскими ребятами ссор не заводить.

Эти примеры можно было бы продолжить до бесконечности.

Да, юные пионеры — наше будущее.

Наркомпрос содействует, чем и как может, работе пионеров. Теперь в школах повсюду заводятся форпосты юных пионеров. Увязка школьной и пионерской работы диктуется потребностями школы и детдвижения.

Ничего нет, однако, ошибочнее мысли, что пионердвижение создано по предписанию Наркомпроса. Это самостоятельно растущее с низов движение.

В заключение приведу письмо, полученное мною на днях от юных пионеров какой-то деревни (ребята забыли написать название деревни), Борисовского уезда, Минской губернии.

«Отряд наш организован в мае месяце 1924 г. под руководством беспартийного крестьянина нашей деревни — Батыя, Ивана Осиповича; в первоначальные дни нашей организации нас было только 19 мальчиков и девочек, и первые шаги нашей организации носили в деревне характер, чуть не обостренный против населения: все смотрели на нас, как на каких-нибудь врагов, и нам, некоторым детям, пришлось даже перенести побои со стороны родителей; в особенности т. Батыю пришлось больше всего перенести всякой клеветы и угроз. Но т. Батый духом не пал и сумел подойти настолько близко к детям, что последние готовы были с ним итти куда угодно за октябрьские завоевания. В настоящее время т. Батый убедил всех жителей нашей деревни, что из себя изображают пионеры, и нас теперь уже не 19, а 42 пионера (29 мальчиков и 13 девочек), рост нашего отряда с каждым днем усиливается, и в

скором будущем надеемся, что все дети нашей деревни станут под наше красное знамя, хотя у нас пока не знамя, а флаг, но мы считаем его вместо знамени; флаг приобретен самими нами же, детьми: пошли в лес, набрали ягод и грибов, купили $1^1/_2$ арш. красной материи, которая в настоящее время существует у нас вместо знамени. Весть о нашей организации быстро облетела по всем окрестностям, и первые нам на помощь пришли борисовские организации юных пионеров. В настоящее время мы, дети, стоим на крепкой ноге нашего существования и хотя медленно, но все-таки движемся вперед по намеченному пути В. И. Ленина».

Дальше ребята пишут, что «условия их безусловно тяжелые», так как нет школы, учебников, все надо покупать, и они научились только читать.

Как характерно это письмо! Заботится об организации юных пионеров беспартийный крестьянин, ребята терпят побои за свое участие в пионерорганизации, потом население убеждается и не препятствует. Это показывает, что детдвижение стихийно растет и ширится, что у него глубокие корни в массе, и что все детдвижение стоит уже «на крепкой ноге своего существования». Надо заботливо растить этот кусок живого социализма!

Изучение Ленина и ленинизма в школе*

Надо ли изучать Ленина в школе? Да, надо. Ленин так тесно, так неразрывно связан с нашим «вчера», «сегодня» и «завтра», так сплетен со всей нашей борьбой за светлое будущее, с борьбой масс, так неотделим от всей нашей жизни, что было бы странно, было бы недопустимо, если бы дети в школе не изучали того, чем Ленин жил и что Ленин делал.

Но надо ли изучать Ленина так, как часто изучают его в школе? Не надо.

У нас иногда всерьез говорят о том, что даже дошкольники должны изучать ленинизм. И так как это противоречит всякому здравому смыслу, то начинаются приспособления Ленина к детям, начинается изображение его добродетельным дедушкой, гладящим по головке детей и поучающим их, что надо быть пай-детишками. Изображается Ленин окруженный детьми, девицами, подносящими ему букеты цветов, и получается у ребят представление о Ленине, как о каком-то добродетельном мещанине... Его портреты вставляются в рамочки детского изделия, украшаются цветочками. Ленин превращается в какое-то воплощение мещанской морали: «Ты разодрал штаны — посмотри, какой Ленин чистенький на карточке. Ведь ты хочешь быть таким, как Ленин?» и т. д., и все в этом роде.

Лучше ни слова не говорить о Ленине, чем городить всю эту чепушинку. Я знаю, часто это делается без дурных намерений, но ведь это страшно будет мешать потом понять, чем Ленин был на самое деле.

Для школьников I ступени Ленин приспособляется в том же стиле, добавляется только: у Ленина всегда были хорошие отметки, Ленин велел ребятам—учиться, учиться и учиться. Считается, что детям интересно

---

* Статья в «Правде» 21 марта 1925 г.

только детство Ленина. И это детство обычно окрашивается в весьма «педагогические» тона...

Детям чуть постарше внушается, что они должны «изучать ленинизм», что они должны «осуществлять заветы Ленина». Что это за штука ленинизм и почему он должен быть предметом учебы, дети не знают. Ленинизм превращается для них в пустое, звонкое слово. В чем заветы Ленина, что это за заветы, ребята не очень ясно себе представляют. Так что-то вроде правил добропорядочного поведения.

В старших классах ленинизм изучается уж по всем правилам искусства — по лабораторному плану ребята читают рефераты о воинствующем материализме Ленина, об очередных задачах в борьбе с империализмом, составляются стержневые циклы и т. д., и т. п.

Затем устраиваются «ленинские уголки». «Ручной труд» играет тут большую роль. Малюют, вышивают, строгают. Материалы о Ленине, по мнению руководителей, «должны сразу бросаться в глаза, кричать о себе издалека». Идут споры о том, должен ли уголок Ленина быть библиотечкой, цитатником или сбором фотографий, музеем...

Редко, редко школы знакомят ребят с настоящим, живым Лениным — человеком, отдавшим всего себя на борьбу за дело трудящихся, человеком, которому близки были горе и нужда всякого рабочего, всякого крестьянина, всякой работницы и крестьянки, всякого темного, забитого человека. Облик Ленина, ни на минуту не переставшего думать о деле освобождения трудящихся, упорно, страстно ищущего путей, как поднять, сорганизовать массы, как повести их на борьбу, мало знаком детям. Они не знают Ленина-мыслителя, Ленина-организатора, Ленина-вождя.

Биографии Ленина для детей страшно безжизненны.

А надо дать детям живого Ленина, неустанного работника, непримиримого борца, вождя мирового пролетариата, вождя всех трудящихся.

Мне думается, только тот может рассказать детям самое нужное и важное о Ленине, кто поймет сам жизнь масс, будет жить их горестями и радостями, кто будет работать над их пробуждением, организацией.

Такие люди не могут не найтись.

Надо стремиться к тому, чтобы школа помогала, а не мешала узнавать Ленина.

Учащиеся должны знать об едином хозяйственном плане*

Социализм отличается от капитализма и тем, что при капитализме нет единого хозяйственного плана, а каждый отдельный капиталист планирует свою работу, не сообразуясь с интересами целого. И рабочий, который у себя на фабрике, у себя в производстве видит необходимость этой плановости, необходимость единой организации, особенно легко усваивает то, что все хозяйство в целом должно вестись по единому плану.

Владимир Ильич на VIII съезде советов, когда делал доклад об электрификации, особенно подчеркнул значение такого единого хозяйственного плана. И вот фабзавучник должен от понимания плановости на фабрике, на заводе, переходить также к пониманию плановости во всем народном хозяйстве.

Эту речь Владимира Ильича, которая говорилась на VIII съезде советов, фабзавучнику надо постараться понять. Надо постараться понять ее смысл и значение, потому что вопрос о плановости хозяйства — это вопрос базы социализма и коммунизма. И это чрезвычайно важно понять. Без понимания основ коммунизма теряют смысл многие лозунги, так часто повторяемые. А это одна из основ коммунизма — плановость производства. И на эту сторону дела должно быть обращено большое внимание в программах фабзавуча.

В программах фабзавуча необходимо, чтобы были введены такие предметы, которые дают понимание роли каждой отрасли промышленности во всем народном хозяйстве.

Важно, чтобы фабзавучник знал не только свой завод, чтобы он знал и все отрасли промышленности,

---

* Доклад на Всесоюзном съезде по рабочему образованию, «Народное просвещение» № 1, 1925 г.

чтобы он понимал, какую роль эта промышленность играет во всем хозяйстве страны, какое она там место занимает. Вот на эту сторону дела также необходимо в программах обратить больше внимания. Нужно понять взаимозависимость всех сторон хозяйственной жизни. В этой своей речи на VIII съезде советов Ленин говорил много об едином хозяйственном плане, о том, что этот план должен строиться на базе высокой техники, на базе электрификации. «Коммунизм — это электрификация плюс советская власть», — говорил Владимир Ильич. Электрификация — это единый хозяйственный план, на базе развитой техники, это одна из основ социализма, одна из основ коммунизма. Фабзавучник должен понимать значение высокоразвитой техники, должен понимать все значение единого плана.

Перед лицом культурной революции*

Первый всероссийский съезд ОДН** происходил во время второй годовщины смерти Ленина, потому уместно еще раз остановиться на вопросе о том, как смотрел Владимир Ильич на вопросы нашего культурного развития.

В своей статье, продиктованной за год до смерти, 16 января 1923 г., «О нашей революции», Вл. И. писал, возражая тем, кто считал, что в России нельзя построить социализм. «Для создания социализма, — говорите вы,—писал Вл. И.,—требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» (Соч., т. XXVII, стр. 401). В другом месте той же статьи Вл. И. повторяет ту же мысль. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (там же, стр. 400).

В статье, относящейся к тому же времени, «Лучше меньше — да лучше», Вл. И. говорит: «Нам тоже не-хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки» (там же, стр. 417). «Это будет особая историческая эпоха», — говорит Вл. И. в статье «О кооперации», — и без этой исторической

---

* Статья в «Учительской газете» от 4 февраля 1926 г.
** Общество «Долой неграмотность!»

эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть» (там же, стр. 393).

«Раньше мы центр тяжести, — пишет Вл. И. дальше, — клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Не если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» (там же, стр. 396 — 397).

И далее Вл. И. говорит: «У нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» (там же, стр. 397).

Что это значит: «мы стоим перед лицом культурной революции»? Это значит, что сами рабочие и крестьянские массы с величайшим напряжением будут добиваться знания, возьмут его, что называется, с боя.

Перед рабочим классом и крестьянством СССР стоит задача — строить социализм; и в процессе этого строительства рабочий класс и крестьянство поднимут свой культурный уровень, их борьба за поднятие его примет небывалый размах. Это — самая нужная, самая важная сейчас задача.

Оторванность от культурной жизни, безграмотность масс, оставшаяся нам в наследство от царизма, колоссальна. Ясно, что обычным административным путем с ней не справиться. Только что прошла одна конференция по всеобщему обучению, строится сеть школ I ступени, и статистики спорят, удастся ли построить ее в 7 или 10 лет. Да, если пойдем только административным путем, может быть, и в 10 лет не построим.

Но есть другой путь, тот путь, которым мы делали наши революции, — напором миллионов. Этот путь придаст всей работе другой размах.

Владимир Ильич лежал уже без движения. Я рассказывала ему, что американцы ставят целью ликвидировать безграмотность в Америке к 1927 г. Они бросили лозунг: «Пусть каждый грамотный обучит одного безграмотного». У Владимира Ильича заблестели глаза: «Что же, и мы это сделаем к 1927 году, к десятой годовщине нашей революции, если массы сами возьмутся».

И он хотел написать об этом статью, потом велел написать мне и хотел приписать... Новый приступ болезни лишил его этой возможности.

«Если сами массы возьмутся».

В этом вся суть. Об этом Владимир Ильич говорил в 1920 г. на съезде союза молодежи.

«Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы была брошена известная часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось бы за это дело.

«Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело.

«Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной, безграмотной страны в грамотную нельзя; но если за это дело возьмется союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400 000 юношей и девушек, имеет право называться Союзом коммунистической молодежи. Задача союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности» (Соч., т. XXX, стр. 415).

Начинает уже чувствоваться приближение грядущей культурной революции.

Население выписывает все больше и больше газет, создает красные уголки, избы-читальни, сельскохозяйственные кружки.

Каждая библиотека, попавшая в деревню, зачитывается до дыр. Население устраивает у себя школы для подростков, школы для взрослых, оплачивая их из своих средств. Мы присутствуем при том, как само население строит школы, заключая с ОНО договоры о содержании школы и учителя.

Надо только поддержать эту инициативу, помочь ей влиться в определенное русло.

Надо отдать себе отчет в одном: ликвидацию безграмотности нельзя брать отдельно от поднятия всего уровня культуры. Нельзя ликвидировать безграмотность там, где нет ни газет, ни книжек, где нечего читать. Нельзя ликвидировать безграмотность, не разжигая жажду знаний, не научая знание применять к улучшению жизни, к лучшей организации ее. Нельзя говорить о ликвидации безграмотности среди взрослых, не ставя ее в связь с проведением всеобщего обучения детей и подростков, не заботясь о распространении газет, об организации библиотек, самообразования.

Образуйте кружки ОДН!

Каждый член ОДН должен осознать себя борцом за культуру вообще, а ОДН должно быть форпостом борьбы с темнотой, — форпостом той культурной революции, перед лицом которой мы стоим.

Ленин о просвещении и народном учителе *

Сын педагога-шестидесятника, много поработавшего на поприще организации начальных школ, Владимир Ильич всегда принимал близко к сердцу дело постановки народного образования и высоко расценивал роль народного учителя. Его слова из «Странички из дневника» слишком хорошо известны, так что нет надобности их повторять.

Владимир Ильич всегда учитывал тот факт, что громадное большинство учительства близко стоит к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, живет их интересами. Этот факт заставлял его относиться с доверием к учительству. Особенно характерна в этом отношении его речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, имевшем место в январе 1919 г. (см. Соч., т. XXIII, стр. 474 — 476).

Руководители союза учителей-интернационалистов опасались расширять рамки союза; им казалось, что та ожесточенная борьба, которая шла между учителями, с самого начала ставшими на сторону советской власти, и учителями, придерживавшимися старых порядков, диктует сугубую осторожность. Уже год шла эта борьба. Выступая на съезде, Ленин начал с того, что выразил уверенность, что теперь, год спустя, борьбе должен притти и приходит конец.

«Нельзя сомневаться в том, — говорил он, — что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет

---

* Статья в журнале «Работник просвещения» за 1927 г.

становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот и в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерий, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков» (там же, стр. 474).

И потому, что Ленин был уверен, что народный учитель будет заодно с массой и вместе с ней пойдет за советской властью, он стоял за широкий учительский союз.

Он говорил: «Сейчас главная задача той части учительства, которая встала на почву Интернационала, которая встала на почву Советской власти, заботиться о том, чтобы создать более широкий и по возможности всеобъемлющий учительский союз» (там же, стр. 475). Ленин говорил союзу учителей-интернационалистов: «Задача вашего союза — привлечь самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию» (там же.) Из этих слов Владимира Ильича зорко выразился его взгляд на профсоюз как на «школу коммунизма». Он говорил о том, что колеблющиеся демократические элементы силою вещей вынуждены переходить на сторону советской власти, потому что они убедились, что всякий другой путь невольно толкает их на путь защиты белогвардейцев и международного империализма. Владимир Ильич не мыслил себе, конечно, что учительский союз может остаться «нейтральным». Он не сомневался, на чью сторону станет учительский союз в борьбе труда и капитала. Он считал, что полноправными могут быть только те союзы, которые признают революционную классовую борьбу за социализм путем диктатуры пролетариата.

В этой своей речи Ленин говорил о тех необъятных задачах, которые встанут перед учительским профсоюзом. Основной задачей союза будет борьба за то, «чтобы знания и науки перестали быть делом привилегированных, перестали быть материалом, который укрепляет позицию богатых и эксплуататоров, а превратились бы в орудие освобождения трудящихся и эксплуатируемых» (там же, стр. 476).

Широкий учительский союз необходим для того, чтобы возможно было создать новую социалистическую школу. Буржуазия, говорил Владимир Ильич, «во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных... слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием человеческой личности вне класса. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть, на Советской платформе» (там же, стр. 474 — 475).

В этом высказывании Владимира Ильича особо важна мысль о том, что только социалистическая школа может быть орудием воспитания человеческой личности. Эту мысль надо особенно подчеркнуть. Наша советская школа, увлекаясь, по вполне понятным причинам, вопросом коллективистического воспитания, оставляла в тени вопрос о воспитании человеческой личности. Школа, организуемая капиталистическими государствами, школа учебы, школа с принудительной дисциплиной подавляет самодеятельность ребят, мешает развертыванию человеческой личности, коверкает ее. Лишь школа труда, школа, тесно связанная с окружающей жизнью, с интересами ребенка, открывающая ему различные сферы приложения своих сил, школа, учащая коллективной жизни, ставящая перед учащимися высокие цели, — создает впервые условия для развития человеческой личности.

Воспитание коллективиста должно быть соединено с воспитанием всесторонне развитого, внутренне дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать.

В настоящее время, когда определено уже содержание преподавания в школе, вопросы воспитания все более и более выступают на первый план, все более привлекают к себе внимание учительства. И теперь высказывания Владимира Ильича имеют поэтому особую ценность.

В этой же своей речи Владимир Ильич, говоря о необходимости тесной связи школы с политикой,

прибавляет: «Конечно, дело перестройки школы — дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубый и уродливый смысл, когда пытаются внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придется бороться» (там же, стр. 475).

Что имел тут в виду Владимир Ильич? Из других его речей ясно, что под извращением принципа связи школы с политикой он имел в виду превращение коммунистического по своему духу воспитания в такую учебу, когда ребят заставляют заучивать и повторять вещи, которые им непонятны, когда не связывают учение с общественной работой, когда не учат ребят жить и работать сообща, помогая во всем друг другу, когда коммунизм превращают во что-то, ничего общего с настоящим живым коммунизмом не имеющее.

Без малого девять лет прошло со времени этой речи Владимира Ильича. Просвещенцы давно уж стоят на платформе советской власти, стремятся воспитывать молодежь в духе ленинизма, готовят новое поколение, которому выпадает на долю дело Ленина довести до конца. Цели перед просвещенцами стоят громадные и по своему значению, и по своей глубине, и по своему охвату. Ленин учил нас с доверием относиться к просвещенцу.

Просвещенец все тверже будет держать знамя Ленина, выше поднимать его.

Речь, посвященная десятилетнему юбилею Наркомпроса*

Когда приходится говорить о работе Наркомпроса, то приходится также говорить и о Владимире Ильиче, который уделял Наркомпросу чрезвычайно много внимания. Вся установка его, понимание строительства социализма, борьбы за социализм тесно связана с тем, что он мыслил социализм не только как экономическое достижение. Например, выступая перед беспартийными рабочими Краснопресненского района, 27 января 1920 г., он говорил: «Мы хотим построить жизнь просвещенную, светлую». Вот этот взгляд на социализм неразрывно связан с пониманием необходимости громаднейшего культурного роста и культурного подъема. Такой подход Владимира Ильича вел к тому, что он с большим вниманием относился к тому, что делается в области просвещения.

Скажу про политпросветскую работу. Владимиру Ильичу как пропагандисту особенно близкой была эта область, потому что в нашей стране нельзя вести политическую, пропагандистскую работу, не увязывая ее теснейшим образом с общекультурной работой. Это одно с другим неразрывно связано. И вот к политпросветской работе Владимир Ильич относился с особым вниманием. С большим интересом и вниманием относился он к вопросу о популяризации. Я помню первые годы, когда он созывал у себя на квартире ответственных работников: Бухарина, Осинского, Сосновского и др. Помню два вечера, которые были посвящены вопросу о том, как писать популярно. Владимир Ильич развивал такую идею, что должны быть особые сборники газетных статей, которые должны читаться во

---

* Речь на торжественном заседании коллегии Наркомпроса 4 ноября 1927 г.

всех деревнях, и т. д. Владимир Ильич постоянно спрашивал, что было сделано в смысле создания таких сборников.

Помню также относительно библиотечного дела, помню, как он допрашивал товарища Аванесова, который был тогда в НК РКИ, о том, как проверяется библиотечная работа, темп развития библиотечного дела. Владимир Ильич хотел, чтобы и у нас в стране были такие библиотеки, как, например, в Швейцарии: конечно, у нас должна быть книга другого содержания, но техника должна быть такой, как и в передовых европейских странах. Особое значение он придавал технике распространения книги. Также особенно чутко и внимательно относился он ко всему, что касается вовлечения масс в политпросветработу. Он говорил, что необходимо не только обслуживание масс книгами, клубами и т. д., но он постоянно спрашивал и добивался узнать, насколько массы были втянуты в это дело, насколько они творчески подходят, заинтересованы и сами принимают в этом участие. С этой стороны Владимир Ильич постоянно проверял, как обстоит это дело. Я помню, когда окончилась война и расформировалась армия, к нам, в Наркомпрос, влилось большое количество военных работников, которые сводили вопрос обслуживания масс к одной агитации. Помню, как Владимир Ильич, придя на одно наше заседание, на котором собрались местные работники, прислушивался к тому, что они говорили, а в заключение сказал, что необходимо более углубленно ставить работу, втягивать массы. Не только их обслуживать, но и втягивать их в работу. Это была его постоянная мысль, которую он проводил во всех своих указаниях по линии политпросветской работы. К сожалению, эта беседа с местными работниками нигде не была записана, нет даже стенограммы ее, и содержание ее приходится восстанавливать по воспоминаниям.

По вопросу о распространении книги есть статья, в которой он говорит о работе Наркомпроса, входит в детали о том, как нужно распространять газеты, как надо их наклеивать, чтобы нельзя было сорвать, и т. д. С величайшим интересом он относился к вопросу пропаганды и агитации. Он приезжал на целый ряд политпросветских конференций и выступал с большими поли-

тическими речами. «Политпросветчикам должно быть дело до всего», — говорил он и выдвигал такие вопросы, которые казались политпросветчикам к ним не относящимися, как-то: борьба с волокитой, со взятками и т. д. Политпросветчики немного растерянно его слушали и думали: как мы будем с этим бороться? Мысль же Владимира Ильича заключалась в том, что вся повседневная работа тесно связана с злободневными вопросами, с той борьбой, которую ведут рабочий класс и трудящиеся за новую жизнь. В этом направлении Владимир Ильич давал очень ценные указания политпросветам, постоянно запрашивая у нас материал, свидетельствующий о том, в каком положении находится дело. Я помню, с каким вниманием отнесся Владимир Ильич к выдвинутому Главполитпросветом вопросу о производственной пропаганде, как он запрашивал у нас все документы, все материалы, все резолюции.

Характерен один случай, который тогда нам, политпросветчикам, показался очень огорчительным. Дело в том, что работу по производственной программе начал Главполитпросвет, а вскоре после этого Совнарком при участии Владимира Ильича постановил, что работу надо передать профсоюзам, которые должны ее, однако, вести совместно с политпросветами. Политпросветам показалось очень обидным, что, начав работу, наладив ее, приходится передать ее в основном профсоюзам. Однако это было сделано обдуманно, так как производственную пропаганду необходимо ставить не отвлеченно, а в тесной связи с производством, что, конечно, гораздо более доступно профсоюзам. Владимир Ильич постоянно добивался увязки политпросветработы с злободневными вопросами и по этому поводу давал нам очень полезные указания. В последних своих статьях он писал о важности широкого развертывания политпросветработы в среде крестьянства и говорил о приближающейся культурной революции в нашей стране.

Недавно у нас состоялся съезд работниц и крестьянок. Из записок делегаток, из их выступлений в прениях видно, что население с большим интересом относится ко всем вопросам политпросветработы. Из этого ясно, что слова Владимира Ильича о культурной революции уже близятся к осуществлению. Массы так горячо,

с такой страстностью относятся к вопросам просвещения, что культурная революция представляется нам уже одним из ближайших этапов нашей работы.

Владимир Ильич говорил не только о политпросветработе, — еще в 1897 г. он написал статью, в которой указывал на мысли Маркса о просвещении, о необходимости увязки воспитания с трудом, о вопросах политехнической школы.

Если вспомнить первые выступления Владимира Ильича по вопросам трудовой школы, то можно убедиться, что он придавал огромное значение политехнической и трудовой школе. Выступая по школьным вопросам в 1918 г. он говорил, что отныне наша единая трудовая школа вместе со своим освобожденным от цепей рабства народом пойдет по пути социализма, братства и равенства, и одна лишь она сумеет в будущем оградить нас от войн. Такое громадное значение, которое Владимир Ильич придавал школе, вообще характерно для него, — так он высоко ставил перевоспитание молодого поколения в духе коммунизма. Это-то именно и заставляло Владимира Ильича внимательнейшим образом вникать во все, что делается в Наркомпросе. Владимир Ильич постоянно беседовал с товарищами из Наркомпроса по вопросам организации новой школы. Надо сказать, что в первое время подход к организации новой школы в некоторых отношениях был очень упрощенным. Даже и сейчас идеи Маркса о политехнической школе не проведены в жизнь. Вся обстановка, в которой тогда приходилось бороться за дело просвещения, делала невозможным сколько-нибудь широкое осуществление политехнической трудовой школы, о которой мечтал Маркс и на осуществлении которой настаивал Владимир Ильич. Но это не значит, что такая школа вообще не может быть осуществлена. Все стороны жизни тесно увязаны одна с другой, и при разрухе всего народного хозяйства дело народного просвещения, конечно, процветать не могло. Тогда мы это не совсем еще ясно понимали и думали, что все зависит только от нашего желания. Теперь мы научились известному терпению и в нашей работе пользуемся тем опытом, который нам дали первые тяжелые годы.

Я хочу остановиться на одном воспоминании, относящемся к периоду перехода к нэпу, который сначала

очень тяжело ударил по нашим школам. Тов. Луначарский тоже говорил здесь о том, что был период, когда все, — созданное нами, разрушалось очень быстро, а потом шаг за шагом приходилось все наново перестраивать на более твердом основании. Как раз в момент этой разрухи Владимир Ильич особенно подчеркивал важность содержания школьной работы. Он в этом доходил до мельчайших деталей. Помнится мне, как однажды он разговаривал с мальчиком-школьником. Он расспрашивал его, что они делают в школе. — «Какой у вас был первый урок?» — «Арифметика, умножение десятичных дробей нам объясняли». — «А потом?» — «Потом урок истории — учитель об Египте рассказывал». «А потом?» и т. д. На основании ответов мальчика он составил себе картину того, что есть. Он посмотрел на меня, рассмеялся и говорит: «Как было, так и есть!» После этого он не раз повторял: «Первое, что нужно сделать, — это позаботиться о программах». Владимир Ильич особенно настаивал на организации ГУСа, который мог бы, немного в стороне от всех злободневных дел, вырабатывать программы и методы преподавания. Вы помните, вероятно, как максималистски подходили ко всем вопросам просвещенцы в период 1918 — 1920 гг. Нам казалось тогда, что центр должен кормить всех детей детдомов, и централизация доходила до того, что, например, закупались для детдомов соленые помидоры, свозились в центр и отсюда уже развозились по детдомам всего СССР. Разумеется, при такой постановке дела помидоры оттесняли программы на задний план. Кроме того был предпринят целый ряд мер по освобождению школьных зданий, которые во время гражданской войны находились в ужасном состоянии: все приходившие в город части прежде всего направлялись в школу и располагались в ней, там же происходили заседания исполкома, всевозможные собрания и т. д. Во все эти мелочи Владимир Ильич вникал и старался по возможности облегчить работу Наркомпроса. Содержание преподавания, по мнению Владимира Ильича, должно было быть разработано организацией, стоявшей в стороне от административной сутолоки. По его мысли, марксистское содержание преподавания надо было облечь, втянув в это дело учительство, в простые, доступные ребятам формы. Таким путем школа сможет воспитать

из них будущих борцов, сознательных работников. В одной из своих статей Владимир Ильич говорит: «Наши отцы умели плохо бороться, мы научились бороться немножко лучше, а наши дети кончат то дело, которое мы начали, и они победят». Пока Владимир Ильич был жив, вся работа Наркомпроса была у него на учете. Он постоянно говорил с работниками Наркомпроса и по политпросветской работе и по профессиональному образованию, вникал во все детали и считал, что по мере прекращения войны вопросы просвещения будут выдвигаться все больше и больше на первый план и занимать все больше места. В своей последней статье он писал о том, что вопрос первоначального народного образования должен занимать первое место. Поскольку он ориентировался всегда на массы, он не мог не придавать особо большого значения массовым формам народного образования.

Мы, работники Наркомпроса, привыкли к нему обращаться со всеми своими мелочами, и он охотно давал нам разъяснения.

Недавно Анатолий Васильевич Луначарский выступал на юбилейной сессии, я слушала его по радио и, слушая его, я вспоминала все пережитое Наркомпросом. Вспоминала, как общими коллективными усилиями шаг за шагом мы создавали и строили наше просвещение, усилиями не одного Наркомпроса, а коллективными усилиями работников, группирующихся вокруг Наркомпроса, и работников-просвещенцев вообще. Относительно просвещенцев Владимир Ильич говорил, что надо уметь зажечь их огнем своего энтузиазма, показать им все значение их работы. И вот на съезде учителей в 1925 г. мы могли уже сказать, что просвещенцы зажглись этим энтузиазмом. Они идут уже в своей массе по ленинскому пути, вместе с ними можно продолжать то дело, которое было начато с большими трудностями, и общими усилиями, с участием всего населения, продвинуть его дальше. Сегодня, когда мы празднуем десятилетие существования Наркомпроса, невольно оглядываешься назад и вспоминаешь все те неизмеримые трудности, которые пришлось пережить, и тех работников, с которыми рука об руку мы работали и бились над разрешением злободневных вопросов. И дальше, лишь усилиями всех работников Наркомпроса, всех просве-

щенцев мы изживем до конца наследие прошлого. Ведь всегда думаешь больше о больных местах, чем о достижениях. Когда находишься в работе, то невольно думаешь, что это нужно изжить, это еще у нас не сделано, это плохо и т. д. Достижения же замечаешь больше тогда, когда говоришь с иностранцами. Мне пришлось как-то говорить с представителем китайской молодежи, и надо было видеть, как горел он и как воодушевлялся тем, что у нас проделано, ему надо было это знать, чтобы передать все в точности китайской молодежи. Надо было видеть, как он вникал во все мелочи. И когда подводишь итоги, видишь — сделано немало.

Заканчивая свое слово, должна сказать: у нас есть достижения, надо общими усилиями и вместе со всей массой работников просвещения добиваться еще больших и больших достижений. *(Аплодисменты.)*

Ленин о воспитательной работе пролетариата*

В сентябре 1909 г. Владимир Ильич писал: «Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии». Это было написано за восемь лет до Октябрьской революции. Но, само собой, при диктатуре пролетариата эта задача не отпадает, а, напротив, приобретает исключительно важное значение.

Стоящий у власти пролетариат стремится прежде всего создать социалистическую базу производства, создать путем законодательства, путем целого ряда мероприятий такие хозяйственные условия, при которых мелкое производство безболезненно будет переходить в более совершенные, производственно-кооперативные формы. Мелкая собственность постепенно отомрет, а вместе с ее отмиранием отомрет и мелкособственническая психология, мелкособственнические предрассудки. Вот почему и советская власть и партия обращают так много внимания на экономику, на хозяйственное строительство.

На заре нашего российского рабочего движения в среде социалистов были такие, которые говорили: «Экономика имеет громадное значение, и ей должно быть уделено все внимание. Политическая борьба поэтому не нужна, правильное политическое устройство придет само собой». Социалистов, говоривших так, прозвали тогда «экономистами». Тогда и Плеханов и Владимир Ильич повели самую бешеную борьбу с экономистами и доказали всю необходимость борьбы с самодержавием и со всеми теми взглядами, со всей той идеологией, которая ведет к укреплению царского строя, к укреплению господства помещиков и капитали-

---

* Статья в журнале «Просвещение на транспорте» № 1, 1928 г.

стов, ведет к порабощению рабочего класса. Экономисты были разбиты на-голову, никто их не стал слушать. И в настоящее время было бы, конечно, величайшей ошибкой думать, что параллельно с созданием экономических предпосылок для социалистического строительства можно не вести борьбу на идеологическом фронте. Так коммунисты не думают: «Наша задача, — писал Владимир Ильич, — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное» (Соч., т. XXV, стр. 454). Пролетариат долгие годы вел политическую борьбу, организуясь в этой борьбе, сплачиваясь идейно, укрепляя все больше и больше свои силы. Он повел за собой всех трудящихся и победил. Меньшевики говорили: «Ну, тут коммунистам и крышка. Кругом ведь мелкособственническое море. Победивший пролетариат будет захлеснут всей этой мелкобуржуазной стихией, он духовно переродится, сам насквозь пропитается мелкособственническими взглядами и привычками». Ленин же считал, что пролетариат не только способен одержать победу на идеологическом фронте, но и перевоспитать в своем духе все общество.

«Буржуазия, — писал Ленин, — старается затушевать еще более важную роль диктатуры пролетариата, ее воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения. А между тем тут эта задача должна выдвинуться на первый план, так как нам нужно подготовить массы к социалистическому строительству. О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т. е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом» (там же, стр. 449).

Эта-то сознательность, дисциплинированность, беззаветность в борьбе против эксплуататоров, которые помогли пролетариату одержать победу над буржуазией в политической области, помогут пролетариату выполнить и его воспитательную задачу.

Основной задачей коммунистической партии, как авангарда в борьбе, ее задачей должна быть помощь в

деле воспитания и образования трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс.

Ильич говорил о трудностях этой воспитательной работы. Трудности он видел в том, что враг, с которым надо бороться, не всегда ясен рабочей и крестьянской массе. Теперь открытых помещиков нет, открытых капиталистов нет. Все подлаживаются под советскую власть. Но, подлаживаясь, они в то же время во всю жизнь, в весь быт протаскивают старые подходы, старые навыки и привычки. Рабочему классу надо острить свой взгляд. Старое перевернуто, но не изжито. Надо учиться отличать старое, то, с чем надо бороться. Надо вооружаться знанием.

В своих последних речах и статьях Владимир Ильич не уставал поэтому говорить о необходимости и для коммунистов и для рабочих самой упорной учебы: нам нужно, — писал он, — «во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться, и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы *наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»* (курсив мой, *Н. К.)* (Соч., т. XXVII, стр. 407). Первую часть у нас часто повторяют, а о второй забывают, а в ней ведь вся суть. Нам нужна учеба для реорганизации всей нашей жизни. Только неустанно остря свой взгляд, вооружаясь знанием, сможет рабочий класс выполнить свою историческую задачу — переучить, перевоспитать мелкобуржуазную стихию, вырвать из-под влияния старого многомиллионную крестьянскую массу.

Говоря о воспитательной роли пролетариата, Ленин считал, что пролетариат в своей работе должен опираться также и на учительство. «Особенно ярко, — говорил Владимир Ильич, — встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были

воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты». «Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах. Наследие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками у учительских масс, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели» (Соч., т. XXV, стр. 452 и 453).

Четыре года назад, перед гробом Ильича, который так высоко ценил учителя, относился к нему с таким доверием, тысячи учителей в глубине своей души горячо клялись провести в жизнь его заветы.

За эти годы многие из них почувствовали, как много надо им поработать над собой, чтобы стать тем, чего ждал от них Ильич, — помощниками пролетариата в его воспитательной работе.

На педагогическом фронте идеологическая борьба должна носить особо четкий характер. Тут со старыми предрассудками, со старой идеологией надо бороться особо упорно. Всякое оживление старой идеологии означает борьбу против заветов Ильича. Советское учительство выбрало свой путь, но путь этот надо расчищать, а не заваливать старым буржуазным хламом.

В четвертую годовщину смерти Ильича учительство продумает еще раз пережитое за эти годы и более уверенно пойдет вперед, рука об руку с пролетариатом, помогая ему в осуществлении тех великих задач, которые на него возложила история.

К вопросу о подготовке рабочей силы*

Этот вопрос всех волнует. Иначе и быть не может. В наш переходный период, период строительства социализма, вопрос о подготовке рабочей силы имеет совершенно исключительное значение. Об этом со свойственной ему силой предвидения, вытекавшего из уменья брать явления в их развитии, говорил Карл Маркс в первом томе своего «Капитала». Дав чрезвычайно яркую картину того, как при капитализме «всякий экономический прогресс превращается в общественное бедствие..., уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и средства существования и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого». (К. Маркс, «Капитал», т. I, изд. 1932 г., стр. 378), К. Маркс указывает на то, что выход из этого положения в изменении характера подготовки рабочей силы.

«Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую.

---

* Статья в «Правде» 5 октября 1928 г.

Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего» (там же, стр. 378).

Далее: «сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, за всеобщий закон общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас... для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (там же, стр. 379).

Маркс считал, что хотя стихийно в школы и вводятся уже некоторые элементы политехнизма, но широкое политехническое образование рабочих настолько противоречит по своим целям и характеру всему укладу капиталистической формы производства, положению рабочего в производстве, что осуществление политехнического образования возможно будет только после завоевания рабочим классом власти.

«Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению как теоретическому, так и практическому» (там же, стр. 379).

Технология — основа политехнизма.

«Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе, и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы, создал всю современную науку технологии. Пестрые, повидимому, лишенные внутренней связности и застывшие формы общественного процесса производства, разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные в зависимости от

желательного полезного эффекта, применения естествознания. Технология открыла точно так же те немногие группы основных форм движения, в которых неизменно движется вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — совершенно так же, как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических средств» (там же, стр. 377 — 378).

Ленин был горячим сторонником политехнического образования как для детей, так и для взрослых. В своих тезисах о производственной пропаганде, которые имеются в Институте Ленина и которые имеют громадную актуальность и должны поэтому быть немедленно опубликованы, Владимир Ильич говорит о том, какими путями распространять в массах политехническое образование. В распространении среди взрослых рабочих и крестьян политехнического образования Владимир Ильич видел необходимую предпосылку рационализации промышленности и земледелия.

В своих заметках на мои тезисы, писанные к партсовещанию (эти заметки также имеются в Институте Ленина), Владимир Ильич писал:

«1) добавить один или два тезиса о *принципиальном* значении политехнического образования,

по Марксу,

по нашей программе РКП;

«2) сказать ясно, что никоим образом мы не можем отказаться от принципа и от осуществления тотчас *в мере возможного* образования, именно политехнического.

«...3) *безусловным* заданием поставить *немедленный* переход к *политехническому* образованию или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же *шагов к политехническому образованию.*

«...Мы нищие. Нам нужны столяры, слесаря *тотчас. Безусловно. Все* должны стать столярами, слесарями и пр., *но* с таким-то добавлением общеобразовательного и политехнического минимума».

Нужно, чтобы ... «этот (ремесленник) ... имел *политехнический кругозор и основы (начатки) политехнического образования*» (Соч., т. XXX, 418 — 419).

Эта точка зрения К. Маркса и Ленина ко многому нас обязывает.

При обсуждении вопроса о подготовке массовой рабочей силы мы должны отдавать себе отчет, хотим ли мы воспроизводить старое разделение труда, готовить из рабочих узких специалистов, не только хорошо знающих свою специальность, обладающих в ней четкими навыками, но только ее одну и знающих и потому навеки к ней прикованных.

Вопрос этот сейчас встал во весь рост.

Мы имеем крупного специалиста, отстаивающего именно точку зрения ограничения подготовки рабочей силы узкой специальностью, подготовки, сводимой к одной тренировке. Этот крупный специалист — создатель Центрального института труда — тов. Гастев. Его очень крупная заслуга заключается в том, что он использовал достижения, с одной стороны, технологии, с другой — рефлексологии для выработки метода вооружения рабочих трудовыми навыками в возможно короткий срок.

Требование четкости в работе, борьба с расхлябанностью принадлежат к крупным заслугам тов. Гастева. Его метод — не журавль в небе, а синица в руках. Мы уже устали от журавлей в небе, и потому метод тов. Гастева имеет шумный успех. «Нам нужны столяры, слесаря тотчас. Безусловно».

Однако тов. Гастев выкинул знамя, с которым надо бороться.

Он стал тренировку по своему методу противопоставлять политехническому образованию рабочих. Это уже никуда не годится. Несколько лет назад тов. Гастев совершенно не интересовался вопросами общего образования, вопросами трудовой политехнической школы. Теперь он изменил свою точку зрения. Признает полезным введение в школу обучения труду — в первой ступени это обучение должно давать, по его мнению, политехнические навыки. В школе нужна тренировка, муштра, «суровая дисциплина».

Насчет теории, насчет политехнического кругозора Гастев молчит.

...В нашей промышленности ремесло играет еще крупнейшую роль. Гастев много вносит в дело более быстрой подготовки ремесленника. Все школы ФЗУ должны

применять достижения ЦИТа. Но кроме «навыков» ФЗУ должно давать ученикам еще политехнический кругозор — знание технологии, механики, химии, без которого рабочий никогда не будет сознательным участником промышленного строительства.

Сейчас, с созданием нового ряда фабрик и заводов значительно расширились кадры рабочих, обслуживающих машину, являющихся как бы придатками этой машины. Их можно обучить в пару недель и месяцев . . .по Гастеву.

Но мы не можем этим удовлетвориться, рабочий у нас — не простой исполнитель. Сегодня исполнитель, завтра он может стать изобретателем, послезавтра крупнейшим организатором в своем производстве. Этого последнего не хочет видеть Гастев.

Он не смотрит вперед, не берет промышленность в ее развитии. Динамика реконструктивного периода его мало интересует. Он всерьез думает, что современная промышленность может с точностью установить, сколько единиц рабочей силы, какой квалификации ей нужно. Точно промышленность стоит на месте, а не развивается. Гастев думает, что все дело в том, чтобы получить точный заказ от промышленности и машинным образом его выполнить. Заказ нужен, выполнение заказа также, но ни минуту мы не можем забывать о том, что строительство у нас должно итти по социалистическому пути, а оно не может итти по нему без рабочего с широкой общеобразовательной, политической и политехнической подготовкой.

О производственной пропаганде*

Когда мы оглядываемся назад на путь, пройденный со времени Октябрьской революции, мы видим, что в начале революции сразу же были выдвинуты проблемы строительства социализма во всей их широте и глубине. Мы взялись за их разрешение, но гражданская война и разорение, вызванное ею, общая некультурность, неорганизованность и недостаточная сознательность широких масс делали невозможным их немедленное осуществление.

Теперь, после XV съезда, те же проблемы ставятся вновь уже в других условиях. Возьмем такой основной вопрос, как вопрос реконструкции сельского хозяйства. Был выброшен лозунг строительства коммун. В период 1919 г. стали организовываться коммуны, но мало которые из них уцелели. Советская власть не смогла поддержать их, помочь им развиться. Теперь жизнь выдвинула эту задачу с особой настоятельностью. Сейчас, 10 лет спустя, все движение приобрело совершенно иной размах, захватывает гораздо более широкие слои. Прошло ли то, что делалось в 1919 г., бесследно? Нет. От 1919 г. сохранилось больше коммун, чем кто-либо думал, их опыт необходимо учесть для возникающих коммун.

И по всей линии оживают поставленные революцией, но не решенные еще, отодвинутые временно на задний план задачи. Это и естественно. Такая проблема, как реконструкция всей промышленности и всего сельского хозяйства, неминуемо требует разрешения и целого ряда других проблем. В числе этих проблем стоит и проблема внутренней, коллективной дисциплины рабочих кадров, без которой немыслимо построение социалистического хозяйства. Капиталистическое хозяйство можно строить на основах принудительной дисциплины,

---

* Статья в «Правде» 20 февраля 1920 г.

социалистическое хозяйство требует того, чтобы вся масса осознала дело строительства индустрии, дело реконструкции сельского хозяйства, как свое кровное дело. Вот почему, говоря словами Ильича, необходимо под вопрос о дисциплине подвести базу широчайшего убеждения.

Производственная пропаганда в свое время (в 1920 — 1921 гг.) имела целью помочь широким массам освоить восстанавливающуюся промышленность и новые формы коллективного сельского хозяйства, как свое кровное дело. Владимир Ильич придавал производственной пропаганде громадное значение. На VIII Всероссийском съезде советов (22 — 29 декабря 1920 г.) Ильич говорил:

«...Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве. Теперь подойдем с этой стороны к вопросу о новых задачах, которые перед нами стали...,— к вопросу о хозяйственных задачах: о создании единого хозяйственного плана, переорганизации самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства. Это — задачи, требующие втягивания поголовно всех членов профсоюзов в это совершенно новое дело, которое при капитализме было им чуждо».

И дальше: «Надо добиться, чтобы все поняли, что нам принадлежит Россия, что мы, рабочие и крестьянские массы, своей деятельностью, своей строгой трудовой дисциплиной, только мы можем пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план... Надо убедить в новых задачах сотни миллионов людей, живших из поколения в поколение в рабстве и угнетении, в подавлении всякой самодеятельности; миллионы рабочих, состоящих в профсоюзах, но несознательных еще политически, не привыкших видеть себя хозяевами; надо их организовать не для сопротивления власти, а для

поддержки, для развития мероприятий своей рабочей власти, для проведения их до конца».

Эта точка зрения Ильича определяла его взгляд на производственную пропаганду. Вот почему он в этой своей речи на VIII Всероссийском съезде советов сказал:

«... И я думаю, что из числа тех мероприятий, которые за этот год Советская власть осуществила, особенно выделяется создание Центрального бюро производственной пропаганды при ВЦСПС, объединение его с работой Главполитпросвета, создание добавочных газет, построенных по производственному плану, не только с перенесением внимания на производственную пропаганду, но и организация ее в общегосударственном масштабе» (Соч., т. XXVI, стр. 33 — 35).

Еще до VIII съезда по указанию Владимира Ильича Главполитпросвет стал всячески развивать дело производственной пропаганды. Ильич написал тезисы по производственной пропаганде (они впервые опубликованы в XXV томе нового издания сочинений Ленина, стр. 478 — 480). На основе их были составлены тезисы Главполитпросвета, просмотренные Ильичем. Было созвано большое собрание ответственных работников под председательством т. Рыкова, которое и приняло данные тезисы. Затем было образовано Всеросбюро при ВЦСПС, куда вошли и представители Главполитпросвета. Всеросбюро стало издавать в 1921 г. журнал «Производственная пропаганда». Первый номер начался статьей М. Горького «Путь к счастью». Одна страничка, но страничка, полная страстного призыва.

«В неволе капитализма безымянный труженик, творец всех сокровищ земли, не понимал, не мог понять всемирное культурное значение своей работы. Это непонимание естественно, ибо подневольный труд, работа на других — каторжная работа, проклятие человека.

«Но теперь, товарищи, все вы работаете на себя и для себя; не понять это — преступно».

«... Победим ли мы уродливое, небрежное отношение к труду, которое привито в плоть и кровь нам веками рабства? Сумеем ли преодолеть в самих себе сопротивление животного индивидуализма и эгоизма социалистическим сознанием необходимости мужественного, упорного труда?» — писал в этой статье Алексей

Максимович. Но журнал «Производственная пропаганда» быстро заглох, заглохла в период перехода к нэпу и самая производственная пропаганда.

Когда теперь заговариваешь с хозяйственниками, с профсоюзниками о производственной пропаганде, видишь на лице недоумение. «Производственная пропаганда?!! Мы теперь говорим о технической пропаганде»,— слышишь от одних. «Производственная пропаганда уже сыграла свою роль»,— говорят другие. Так ли это?

Прошли годы. Наши газеты отводят вопросам хозяйственного строительства широкое место. На съездах советов, профсоюзов, партии хозяйственным вопросам посвящена большая часть прений. Массы за эти годы колоссально выросли. У нас идут производственные совещания. Совсем другая обстановка, соответствующая всему нашему громадному хозяйственному росту. Но все ли члены профсоюзов, все ли члены советов, все ли они *поголовно* усвоили себе ту мысль, которую Владимир Ильич *ставил* во главу угла всей производственной пропаганды,— что *все трудящиеся заинтересованы в поднятии производительности труда, в реконструкции всего хозяйства, что это их кровное дело, что без участия в хозяйственном строительстве самих масс, без громадной сознательной дисциплины нельзя перестроить хозяйства на социалистических началах.*

Стоит так поставить вопрос, чтобы увидать, что производственная пропаганда — актуальнейшая необходимость, что надо опять поставить это дело, хотя в другой форме, с учетом проделанного опыта, опираясь и на работу Колхозцентра, и на работу кооперации, и на работу Наркомзема, и на работу производственных совещаний, и на работу общества «Техмасс». Сейчас вопрос о производственной пропаганде получил вновь особо важное значение.

Из статьи «О политехническом образовании» *

Состояние техники в данный момент определяет возможную степень глубины политехнического воспитания, но это вовсе не значит, что в более отсталых местностях политехническое воспитание поставлено быть не может, и мы должны сложить ручки на брюшке и ждать, пока индустриализируется страна, а пока заниматься политехническим воспитанием лишь в немногих передовых в промышленном отношении городах. Те, кто так думают, забывают одно, что политехническое воспитание — не только следствие прогресса техники, но и орудие индустриализации. Политехническое воспитание должно быть массовым, поголовным. Только при помощи масс, при их участии можно индустриализировать страну. Так думал Владимир Ильич. Это особенно ярко выразилось в его переписке с Кржижановским о плане электрификации страны. Надо увлечь массы, разбудить их самодеятельность.

«Нельзя ли, — писал Владимир Ильич в январе 1920 г. Г. М. Кржижановскому, — добавить *план* не технический... а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

«Примерно: в 10(5?) лет построим *20 — 30* (30 — 50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса: на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (*примерно* перебрать Россию всю, *с грубым* приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10(20?) лет сделаем Россию «электрической»...

«Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10 — 20 лет» (Соч., т. XXIX, стр. 432).

---

* Статья в журнале «На путях к новой школе» № 2, 1929 г.

Мысль, как увлечь массы, не давала спать Ильичу. И он пишет т. Кржижановскому:

«Г. М., мне пришла в голову такая мысль.

«Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словами, но и примером.

«Что это значит? Самое важное — популяризировать его. Для этого надо теперь же выработать *план* освещения электричеством *каждого дома* РСФСР.

«Это надолго, ибо на 20 000 000 (— 40 000 000?) лампочек ни проводов и пр. у нас д о л г о не хватит.

«Но план все же нужен *тотчас*, хотя бы и на ряд лет. Это, во-первых.

«А во-вторых, надо *сокращенный* план выработать тотчас и затем, это в-третьих, — и это самое главное, — надо успеть вызвать и *соревнование* и *самодеятельность м а с с* для того, чтобы они тотчас принялись за дело.

«Нельзя ли для этого тотчас разработать такой план (примерно):

«1) Все волости (10 — 15 тыс.) снабжаются электрическим освещением в *1* год.

«2) Все поселки ($^1/_2$ — 1 млн., вероятно, не более $^3/_4$ млн.) — в *2* года.

«3) В первую очередь — изба-читальня и совдеп (2 лампочки).

«4) Столбы тотчас готовьте так-то.

«5) Изоляторы *тотчас* готовьте *с а м и* (керамические заводы, кажись, местные и маленькие?), готовьте *так-то*.

«6) Медь на провода? *С о б и р а й т е с а м и* по уезду и волостям (тонкий намек на колокола и проч.).

«7) Обучение электричеству ставьте так-то.

«Нельзя ли *подобную* вещь обдумать, разобрать и *декретировать?*» (там же, стр. 465).

Так писал Ленин в 1920 г.

Я привела такую длинную цитату потому, что она как нельзя лучше иллюстрирует отношение Ильича к массам, во-первых. Во-вторых, она бросает свет на то, почему Ильич налегал на политехническое образование. Его «Заметки на тезисы Надежды Константиновны» писаны как раз в тот же период, что и письмо к Г. М. Кржижановскому.

«Нельзя *так* писать о политехническом образова-

нии, — пишет он в этих заметках, — выходит абстрактно, для далекого будущего, *не учитывается* насущная, теперешняя, печальная действительность».

«Надо... «сказать ясно, что никоим образом мы не можем отказаться от принципа и от осуществления тотчас *в мере возможного* образования именно политехнического».

И далее: «*Безусловным* заданием поставить *немедленный* переход к *политехническому* образованию, или вернее немедленное осуществление ряда доступных сейчас же *шаговк политехническому образованию*» (Соч., т. XXX, стр. 418 — 419).

И далее развивает свою любимую мысль, как использовать то немногое, что мы имеем. Причем надо заметить, что в числе этого немногого фигурируют также и совхозы, ибо в круг политехнизма Ильич включает и сельское хозяйство.

Я не буду приводить дальше цитаты, — всякий имеет теперь возможность изучить эти заметки Ильича.

Они красноречиво говорят о том, как понимал Ильич политехнизм.

Он заботился не о подготовке «рабочей силы», «рабочих рук» только, а о воспитании сознательных строителей новой технической базы, которая сделает нашу страну непобедимой, сытой, просвещенной. Он не отделял подготовку рабочей силы от подготовки сознательных строителей новой технической базы.

В этом гвоздь споров о политехнизме, и потому так горячи споры на эту тему.

Вопрос о политехническом образовании и воспитании увязывается у Ильича вообще с новым подходом к труду, к вопросам дисциплины и пр. В том же 1920 г. Ильич писал о субботниках, о новой сознательной дисциплине.

В статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового» Ильич говорит о социалистическом труде:

«Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий.

«Это — благодарнейшая и благороднейшая работа.

«Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив ее сопротивление, мы могли завоевать себе почву,

на которой такая работа *стала возможной*» (Соч., т. XXV, стр. 151).

В этой же статье Ильич говорит о высшей стадии социалистического труда, о коммунистическом труде. «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу,— труд, как потребность здорового организма» (там же).

У нас единая трудовая школа. Но если мы хотим строить ее так, как хотел Ильич, мы должны думать не только о том, чтобы дать ребятам известную сумму трудовых навыков, а чтобы воспитать ребят способными к социалистическому труду, к коммунистическому. По странному стечению обстоятельств — в силу нашей нищеты, невозможности оборудовать школы, неуменья научить ребят работать по-новому — мы перескочили через ступеньку и больше практикуем в наших школах обучение коммунистическому, чем социалистическому труду. Наша общественно-полезная работа — это кусочек коммунистического воспитания, но эта общественно-полезная работа часто вырождается в одно митингование, в постановку спектаклей и пр., превращается потому, что под нее не подведена база социалистического труда, отсутствует уменье, охота, привычка работать по-настоящему, отсутствует настоящая трудовая закалка, интерес к работе, к технике, уменье работать коллективно, проверять результаты своей работы.

И именно потому, что база социалистического труда в нашем воспитании еще отсутствует, для нас имеет такое исключительное значение политехническое воспитание, дающее уменье понять, как надо бороться за любой труд, дающее не только понимание того, что его надо сделать, но и как его наилучшим образом, наиболее рационально выполнить.

Из предисловия к четвертому изданию книги «Народное образование и демократия»

Тот, кто изучал произведения Владимира Ильича, знает, какое большое внимание он всегда уделял делу народного образования. Еще в 1897 г. в статье «Перлы народнического прожектерства», посвященной книжке С. Н. Южакова «Вопросы просвещения», Владимир Ильич выступил с защитой точки зрения Маркса на дело народного образования. Сейчас, 33 года спустя, когда вопрос о всеобщем и обязательном четырехлетнем образовании близится к своему осуществлению, когда всерьез поставлен вопрос о семилетнем обязательном обучении, эта статья имеет особый интерес. В этой статье Владимир Ильич с необычайной четкостью ставит вопрос о том, что такое сословная школа, что такое школа классовая, об едином типе школы, о том, что и всеобщая бесплатная школа в буржуазных странах продолжает оставаться классовой, доступной только для имущих, о соединении обучения с производительным трудом, об обязанности для всех принимать участие в производительном труде, о необходимости для осуществления политехнической школы изжития противоположности между городом и деревней. В 1913 г. Ильич написал проект речи А. Е. Бадаева в Государственной думе при обсуждении доклада о смете министерства народного просвещения на 1913 год. Проект Ильича дышит таким негодованием, так горячо написан, что нельзя сомневаться ни минуты в том, как относился он к делу народного образования, какое значение придавал он ему. Проект речи кончался словами: «Рабочий класс сумел это доказать в пятом году, и он сумеет доказать еще раз и доказать гораздо убедительнее, гораздо внушительнее, гораздо серьезнее свою способность к революционной борьбе за настоящую

свободу и за настоящее, не кассовское и не дворянское народное просвещение!»

Надо было готовиться к моменту, когда власть перейдет в руки рабочего класса, надо было подготовлять фронт просвещения. Работа эта стала неотложной; когда разразилась война, надо было браться за работу вплотную.

Книжка была готова в 1915 г., но издатели не решались ее издать, и вышла она в свет лишь в 1917 г. Вопрос об единой политехнической школе был поставлен с самого начала возникновения комиссариата народного просвещения.

Вопрос о политехнической школе входит в программу нашей партии. Ильич уделял этому вопросу исключительно большое внимание.

Нами сделано еще совершенно недостаточно для дела народного образования. Старое еще усердно лезет во все щели. Однако быстро развивающаяся промышленность и коллективизация сельского хозяйства создают совершенно новые возможности для осуществления политехнического воспитания. И хорошо, если переиздаваемая книжка хоть в какой-либо мере поможет осуществлению этого дела.

Забота Ленина о детях*

В самый разгар гражданской войны, когда белофинские войска вторглись в Советскую Россию, генерал Юденич стал наступать на Питер, на юге началось наступление Деникина, когда весь «цивилизованный» мир поднялся против Советской России, когда в ограбленной и разоренной империалистами стране свирепствовала величайшая разруха, не было ни угля, ни сырья, стояли фабрики, царила безработица и голод, — в этот момент, 17 мая 1919 г., Ильич издает *декрет о бесплатном детском питании*.

В этом декрете говорилось о необходимости, в целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся, выдавать бесплатно всем детям до 14 лет, безотносительно к категории классового пайка их родителей, притом в первую очередь, предметы детского питания. Декрет относился к крупным фабричным центрам 16 неземледельческих губерний.

Гражданская война разгоралась. 12 июня пришла весть об измене форта Красная Горка. И того же 12 июня Ильич подписывает постановление Совета народных комиссаров, расширяющее действие декрета от 17 мая, — увеличивается число местностей, где проводится бесплатное питание, возраст бесплатно обслуживаемых питанием детей повышается до 16 лет.

Хотя Колчак отступает, и 1 июля Красная армия занимает Пермь, но Крым опять переходит в руки белых. Деникин занимает Харьков, Екатеринослав, Царицын. Ильич не спит ночи, обдумывает каждый шаг борьбы. И в то же время в письме ко мне от 9 июля в Казань, на агитпароходе «Красная звезда», он между прочим пишет:

---

* Статья в «Правде» 9 марта 1930 г.

«Письма о помощи, которые иногда к тебе приходят, я читаю и стараюсь сделать, что можно».

В этих письмах о помощи добрая половина касалась вопросов помощи детям.

24 сентября 1919 г. Ильич подписывает «Разъяснение к декрету от 17 мая 1919 г. о бесплатном детском питании», посвященное вопросу о детских столовых и прочих детских питательных пунктах.

Декрет от 17 мая бросает свет на всю деятельность Ленина, вскрывает, как у него яростная, непримиримая борьба со всем старым укладом, с врагами советского строя сочеталась с самым внимательным отношением к нуждам трудящихся масс, с горячей заботой о подрастающем поколении в том числе.

Приложения

I

ДЕКРЕТ О БЕСПЛАТНОМ ДЕТСКОМ ПИТАНИИ

В целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся, в первую очередь фабрично-заводских рабочих неземледельческих местностей, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все предметы питания, выдаваемые местными продорганами детям в возрасте до 14 лет включительно, впредь выдавать бесплатно за счет государства.

Примечание: Постановление это касается предметов питания, выдаваемых детям продовольственными органами как из продовольственных лавок, так и из общественных столовых по карточкам.

2. Действие настоящего постановления распространить на крупнейшие фабрично-заводские центры (города, крупные поселки и пр.) следующих губерний: Архангельской, Владимирской, Вологодской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Калужской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Череповецкой, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Тверской, Северо-Двинской, Ярославской.

Примечание: Наркомпроду предоставляется право распространения настоящего постановления на отдельные города и фабрично-заводские центры других губерний.

3. Вменить всем продорганам в обязанность продукты детского питания отпускать в первую очередь.

4. Право на бесплатное питание предоставить всем детям указанного выше возраста, безотносительно к категории классового пайка их родителей.

5. Предложить Наркомпроду немедленно опубликовать список местностей, входящих в § 2, а советским учреждениям этих местностей принять меры к немедленному проведению этого декрета в жизнь.

6. Все кредиты на осуществление детского питания по настоящему декрету отпускаются по Народному Комиссариату Продовольствия.

Председатель Совета Народных Комиссаров —
В. Ульянов-(Ленин).

Москва, Кремль,
17 мая 1919 г.

II

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Во изменение декрета от 17 мая 1919 г. «о бесплатном детском питании», в целях согласования означенного декрета со всеми постановлениями, определяющими возраст детей в области школьной и профессиональной жизни, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Действие декрета от 17 мая с. г. распространить на всех детей, не достигших 16-летнего возраста, в местностях, поименованных в постановлении Народного Комиссариата по Продовольствию от 31 мая 1919 г.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами СНК *Влад. Бонч-Бруевич.*

Москва, Кремль,
12 июня 1919 г.

III

РАЗЪЯСНЕНИЕ К ДЕКРЕТУ ОТ 17 МАЯ 1919 г. О БЕСПЛАТНОМ ДЕТСКОМ ПИТАНИИ

В дополнение к декрету о бесплатном детском питании от 17 мая с. г. Совет Народных Комиссаров разъясняет, что при проведении в жизнь бесплатного детского питания должно быть обращено особое внимание на развитие общественного (коммунального) питания детей, и Народному Комиссариату по Продовольствию предлагается принять все меры к расширению уже существующей сети детских столовых и прочих детских питательных пунктов.

Все расходы, связанные с оборудованием и приспособлением функционирующих и вновь открываемых детских столовых и других детских питательных пунктов, а также расходы по их содержанию в местностях, на которые распространен декрет о бесплатном детском питании, производить из государственных средств по смете Народного Комиссариата по Продовольствию.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами СНК *Влад. Бонч-Бруевич*

Москва, Кремль,
24 сентября 1919 г.

К вопросу о национальной культуре*

Всякий, интересующийся судьбой национальностей, населяющих наш Союз, читал, знает статью Ленина «О национальной гордости великороссов», написанную в декабре 1914 г., в разгар империалистической войны, в разгар взаимного истребления, в момент самого бешеного натравливания одной национальности на другую. О чем писал Ленин в этой статье? По существу дела он писал о соревновании различных народов на другом фронте, на фронте революционном. В то время, когда империалистическая война рвала в клочья интернациональные связи рабочего класса разных стран, Ленин писал о том соревновании, которое глубоко сближает национальности, крепит их интернациональную связь. Пролетариат какой национальности добьется большего в деле революционной борьбы? Ленин не употреблял термина «соревнование», но таков дух всей его статьи. «Мы полны, — писал он, — чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм» (Соч., т. XVIII, стр. 81). Общими усилиями — к одной общей цели. И у великорусского пролетариата и у национальностей, угнетающихся капиталистами и помещиками, — одна цель: полное их раскрепощение, создание для них условий могучего всестороннего развития. Великороссам это нужно не меньше, чем угнетавшимся царизмом национальностям.

---

* Статья в журнале «Просвещение национальностей» № 3, 1930 г.

Ленин приводит слова Маркса: «не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы» (там же).

Прошло 15 лет с тех пор, как написана эта статья «О национальной гордости великороссов», а она все еще является руководством к действию.

Мы гордимся тем, что сбросили иго помещиков и капиталистов, мы гордимся тем, что строим социализм, что у нас нет угнетения слабых, отсталых в хозяйственном и культурном отношении национальностей. Но в то же время мы чувствуем и величайшую ответственность. Все ли делаем мы для того, чтобы дать возможность слабым национальностям, населяющим наш Союз, развернуть все свои силы, поднимаем ли мы на борьбу с пережитками старых классовых отношений самые забитые, самые угнетенные слои этих национальностей? Делаем ли мы все, что надо, чтобы организовать эти слои, культурно поднять их?

Поднять угнетавшиеся раньше царизмом национальности на уровень культуры, гораздо более высокий, чем каким обладают сейчас самые передовые национальности, — такова наша цель. Это — цель, для достижения которой надо пролагать совершенно новые пути. Мы не можем, например, идти по пути буржуазной Америки. Америка ставит себе целью «ассимилировать» другие национальности, другими словами, стереть с них их национальные особенности, растворить их в господствующей национальности. У них большой опыт в этом направлении. Недавно я читала, как формируются библиотеки для иммигрантов. Для детей и молодежи, которые гораздо легче могут быть «ассимилированы», составляются библиотеки преимущественно на английском языке из американских книг, для более же пожилых, не могущих быть так легко «ассимилированными», устраиваются библиотеки на родном языке. «Пусть, — говорят американцы, — они читают те книги, которые привыкли читать у себя на родине, и благословляют страну, которая предоставила им эту возможность». Американская буржуазия действует умно, но только для достижения своих буржуазных целей. А мы? Мы не хотим, конечно, никого «ассимилировать», нам ненавистно самое это слово. Только надо продумывать до конца то, что мы делаем. Будем ли мы, например, предлагать формировать библиотеки в нацобластях

только на языке данной национальности? Это было бы самое простое и на первый взгляд соответствующее нашей национальной политике. Однако мы знаем, что много литературы на этих языках, которая была написана при старом строе, что такая литература насквозь проникнута религиозным мировоззрением, пренебрежительным отношением к женщине, воспеванием родового или феодального быта. Эта литература пропитана шовинистским духом. Новой революционной литературы на многих нацязыках почти нет.

Так как же быть? По букве закона мы должны советовать формировать библиотеки только на национальных языках. А с точки зрения той классовой борьбы, которая развертывается сейчас внутри нацобластей и нацреспублик? С этой точки зрения мы должны озаботиться, чтобы национальные библиотеки были обеспечены современной революционной литературой хотя бы и на русском языке. Или обучение грамоте. Более зажиточные слои знают русский язык, дети их учатся во второй ступени, а беднота? Наркомпрос РСФСР заботится об обучении грамоте нацменьшинств только на родном языке (вопрос идет о взрослых). Обучению на русском языке мы не помогаем взрослым нацменам. Мы так делаем, боясь руссификаторских пережитков, но в момент развертывания особо остро-классовой борьбы внутри нацмен можем ли мы так поступать, лишая отсталые, наиболее близкие нам слои знания русского языка и тем лишая бедняцкие и батрацкие массы знакомства с революционным опытом великороссов?

Несомненно, обучая родному языку, мы должны сделать как можно больше для развития прессы на этом языке, для быстрейшего развития на этом языке новой литературы, для перевода на этот язык лучших новых, лучших революционных вещей. Но все это дело не одного дня. Совершенно исключительное значение приобретает радио, говорящее на родном языке о современности, совершенно исключительное значение приобретает кино, особенно культфильма. Надо только, чтобы надписи делались на языке той национальности, которая смотрит кино, или чтобы при показе присутствовали переводчики, выкрикивающие перевод надписей. Газета, радио, кино — вот наиболее революционизирующие мысль отсталых национальностей орудия

(я не говорю тут об общем изменении экономического и политического уклада, о роли советов — это само собой разумеется). Очень важно развитие совершенно новых форм школьной и политпросветской работы.

Мы должны особенно внимательно изучать условия жизни отсталых национальностей не только во время царизма, но и в послереволюционный период. Без этого мы не сумеем как следует индивидуализировать нашу школьную и политпросветительную работу, не сумеем как следует повести нашу агитацию и пропаганду. Одной коренизации госучреждений мало. Надо уметь всю работу приспособлять к национальному быту, всегда ориентируясь на массы, заботясь об их организации, об их вооружении для борьбы за новый строй.

О задачах национально-культурного строительства в связи с обострением классовой борьбы *

Товарищи, я хотела несколько слов сказать о том, что нового вносит в жизнь нацреспублик и нацобластей данный момент, когда таким быстрым темпом идет индустриализация, когда таким быстрым темпом идет колхозное движение. Мне кажется, что важно поговорить о тех задачах, которые сейчас встают в области просвещения перед национальными областями и республиками. Мне бы хотелось провести параллель между той борьбой, которая идет сейчас в этих областях, и той борьбой, которую вела наша партия в первый период, когда только начиналась организованная борьба рабочего класса. С самых первых своих шагов партия подчеркивала, что борьба, которую начинает рабочий класс, касается не одних только рабочих, а касается всех трудящихся и будет итти против всего уклада. И вот с самого же начала встал вопрос о крестьянстве. Тов. Ленин, подходя к освещению этого вопроса, говорил, что крестьянство больше всего страдает от наследия старого, от пережитков крепостничества, и он в первых своих работах старался показать, как эти крепостнические пережитки и это общее угнетение помещиками всего крестьянства в целом,—как все это отражается на борьбе пролетариата и на всем строе нашей страны.

Первые произведения Владимира Ильича, касающиеся крестьянства, именно и имели целью дать картину закабаления крестьянства в целом, но тут же он указывал, что развитие капитализма ведет за собой расслоение крестьянства на различные слои, которые по существу разделяют крестьянство на часть, которая

---

* Речь Н. К. Крупской на всероссийском совещании комитетов по просвещению национальных меньшинств. «Просвещение национальностей» № 4 — 5, 1930 г.

примыкает к буржуазии, — кулачество, и на часть, которая примыкает к пролетариату, — батрачество, бедноту, т. е. сельский пролетариат и полупролетариат. Борьбу с остатками крепостничества т. Ленин ставил в первую очередь. Имеется его статья «Пролетариат и крестьянство», писанная в 1905 г.; там он с полной откровенностью говорит, что сейчас борьба идет только против пережитков крепостничества, против царизма, что если пролетариат и победит в данную минуту, то крестьянство не может от этой победы ждать полного раскрепощения. Нужна будет дальнейшая борьба, борьба против капитализма, проникнувшего и в деревню. В этой статье Владимир Ильич говорил о том, что надо вывезти две телеги с мусором: одну телегу с мусором пережитков крепостничества и вторую — с мусором капиталистическим. Мы начинаем с того, что вывозим сначала мусор закрепощения, чтобы развязать себе руки. Крестьянство не может надеяться на то, что от победы над царизмом, над крепостниками сразу будут изжиты нищета и угнетение.

Приблизительно такое положение мы имеем в национальных республиках и областях. Их всячески угнетал царизм. Мы знаем хорошо все безобразия великорусского шовинизма. И когда началась борьба в октябре 1917 г., то угнетенные национальности примкнули к этой борьбе, чтобы раскрепоститься, освободиться от этого угнетения своей национальности царизмом. Поэтому в целом ряде областей националы в целом примкнули к этой борьбе, особенно те из национальностей, где особенно сильны были пережитки старого докапиталистического уклада.

Надо сказать, что если по линии русской национальности с самых первых дней Октября очень ярко сказалась внутренняя классовая борьба, то мне кажется, что среди целого ряда национальностей внутренняя классовая борьба только сейчас ставится со всей остротой, она становится острее, чем когда бы то ни было. У нас особенно обостряется классовая борьба в деревне, борьба с кулачеством, и во многих национальных областях эта борьба только сейчас становится актуальной и ясной для масс крестьянства нацреспублик и областей, потому что вначале, после Октября, это классовое разделение в значительной степени затушевывалось

тем обстоятельством, что в национальных областях и республиках были сильны в гораздо большей мере, чем в других районах, пережитки старого строя, — капитализм не охватил еще в то время ряда областей.

Если Ленин говорил, что мы имеем налицо пять общественных укладов, то среди нацменьшинств еще сохранились такие уклады, как, например, пережитки родового быта. Благодаря этому мы видим, что классовая рознь в некоторых из национальных республик замаскирована в гораздо большей степени, чем у нас. Мне приходилось разговаривать с товарищами из Башреспублики по этому поводу, получать оттуда письма. В одном письме рассказывалось подробно, как сама стройка деревни, весь быт, все традиции затемняют классовую рознь, рассказывалось, какие методы употребляются более зажиточными слоями — кулачеством — для того, чтобы смазать, затушевать классовую рознь. Конечно, это относится не только к Башреспублике.

Если мы будем говорить о восточных республиках, то мы увидим, что там сейчас и религия приспосабливается главным образом к тому, чтобы затушевать классовое различие и представить дело так, как будто есть очень много общего, связывающего бедняков и кулаков, предпринимателей и наемных рабочих. Тут усилия буржуазии и богатых слоев направлены на то, чтобы затушевать всячески классовую рознь.

Я считаю себя недостаточно осведомленной в этой области, но мне кажется, что сейчас одна из основных задач, стоящих перед нацреспубликами и областями, заключается во вскрытии классовой розни, чтобы было понятно для каждого бедняка, для каждого батрака, в чем именно различие интересов, в чем заключается противоположность интересов, потому что если у нас, в центре советских республик, это уже ясно широким массам, то я боюсь, что широким массам национальных республик это ясно не до конца. Конечно, здесь нельзя провести общую мерку, нельзя сказать, что везде, во всех национальных областях, дело обстоит одинаково: есть на Востоке такие республики, где и раньше остро велась классовая борьба. Это как раз очень важно в области культурной и идеологической работы. Нужно вскрывать классовую рознь как можно шире. Недавно, например, встал вопрос относительно того, как подой-

ти к агитации против уразы и байрама *. Сейчас новые реформисты в области представительства религии ислама — муллы — особенно проповедуют благодеяние богатых по отношению к бедным, особенно проповедуют необходимость того, чтобы богатые по праздникам кормили бедных. Что это значит? Это значит—вербовка подкулачников, это значит — затушевывание классовой розни, и это затушевывание в рамках национальной борьбы должно особенно беспощадно вскрываться. Религия — это, конечно, только кусочек. Но когда мы говорим о жизни кочевых народов — самоедов и т. д., — нам важно агитировать не просто за то, чтобы они мыли руки, меняли рубахи и т. д., а важно, чтобы в красных юртах освещался вопрос о классовом расслоении.

В русской деревне мы более или менее знаем, кто такой середняк, бедняк, кулак, а когда дело касается киргизов, калмыков, где еще есть пережитки родового быта, там в этих вопросах гораздо труднее разобраться, и они должны быть поставлены со всей четкостью.

Когда начиналась борьба, то тогда думали, что будет ее вести пролетариат более передовых в промышленном отношении стран, а мы — страна отсталая, мы только будем итти следом за другими странами. Жизнь показала, что историческая обстановка сложилась так, что на первый план выдвинулась наша страна. Особенность ленинизма заключается в том, что мы, беря общую установку, которая была дана Марксом и Энгельсом, стараемся применить ее к конкретным условиям. Благодаря этому удалось победить. Я думаю, что учет всех конкретных условий, конкретных особенностей важно проводить и в нацменьшинских областях. Студенчество из нацреспублик и национальных областей должно особенно ярко осознать свои задачи в области изучения своего края, своего уклада, потому что необходимо все конкретные особенности классовых отношений и противоречия классовых интересов вполне выявить для того, чтобы нащупать правильные методы борьбы. Мы ставим перед страной задачу догнать в промышленном и культурном отношениях капиталистические страны, и не только догнать, но и перегнать. По-моему, эта задача догнать и перегнать стоит тоже

* Магометанские праздники.

и перед нацреспубликами. Важно, изучив особенности своего края, прошлое своего народа, широко развить борьбу за уничтожение всех пережитков старого уклада и вопрос этот поставить ясно и четко. Чрезвычайно важно повести соответствующую пропаганду и агитацию среди населения.

Надо сказать, что более зажиточные слои обычно знают русский язык, они знают всю историю борьбы, которая происходила в нашей стране, и они могут для своих целей использовать историю этой борьбы. Слои, которые ближе всего сейчас к пролетариату в деревне, это — слои бедняцко-батрацкие. Эти слои в национальных республиках меньше знают русский язык и русский опыт, чем другие слои населения. Если же вы посмотрите книги, которые издаются на национальных языках, то надо сказать, что размах и характер издательств иногда внушают большие опасения. Издаются книги, в которых красной нитью не проходит линия классовой борьбы, издаются книги, как, например, переводные книги, без тех примечаний, которые необходимы, которые ориентировались бы на условия жизни и борьбы в нацреспубликах. Ликвидация элементарной неграмотности идет тоже слишком медленными шагами, а между тем надо культурно поднять наиболее близкие к советской власти слои бедняцко-батрацко-середняцкие. Надо вооружить их всем опытом борьбы, борьбы бедняков, которая продолжается и сейчас, и после Октября, и которая именно сейчас особенно должна быть выпячена и обострена.

Если наша страна, начиная свою борьбу, не могла опереться на непосредственную помощь пролетариата других стран, потому что в буржуазных странах пролетариат нигде не стоял у власти, то в этом отношении в нацреспубликах положение другое, потому что национальные республики могут найти непосредственную опору в советской власти. Если у нацреспублик, у отсталых народов не было еще опыта в отношении этой борьбы, то надо сказать, что опыт нашей страны, сумевшей взять власть в свои руки и развернуть социалистическую стройку, этот опыт уже является конкретным опытом, на котором массы национальных республик могут многому научиться.

Ленин в 1905 г. говорил, что даже если земля будет

обобществлена, то это еще ничего не значит. Надо, чтобы обобществлен был и капитал. Только тогда можно ждать, что массы избавятся от нищеты. Он противопоставлял эту точку зрения точке зрения народников, которые считали, что если земля будет социализирована, то этим дело и кончится. Ленин и наша партия со всей четкостью ставили вопрос о том, что этого мало. Мы видим, что в Октябре земля действительно была социализирована. Она стала достоянием всей страны и перестала быть частной собственностью. Борьба же за выкорчевывание корней капитала гораздо сложнее, и сейчас, 12 лет спустя после Октября, мы должны сказать, что по части выкорчевывания корней мы сильно продвинулись вперед, и сейчас стержень уже вырван, остается вырвать мелкие корешки.

Наряду с социализацией земли идет и социализация других общественных средств производства — социализация капитала и т. д. Сейчас мы все ближе и ближе подходим к социализму, и в этот момент особенно важно итти сплоченным, единым фронтом. Поэтому мне кажется, что сейчас перед нацреспубликами особенно остро стоит вопрос о правильной постановке агитации и пропаганды. Необходимо поставить ясно вопрос о перспективах борьбы и показать батраку, бедняку и середняку, что выход для них только в коллективизации, показать им на живом примере, по какому пути и как мы идем. Сейчас этот пример стал уже гораздо более убедительным, потому что мы можем не на словах, а на деле показать им наш путь. Пример какой-нибудь образцовой коммуны, где правильно налажен коллективный труд и где жизнь складывается по-новому, — такой пример чрезвычайно убедителен. Недавно я получила письмо из Киргизии от одного товарища, который спрашивает, куда и как можно устроить экскурсию в показательную коммуну. Мне лично думается, что сейчас постановка таких экскурсий для наглядного показа чрезвычайно важна.

Для того, чтобы экскурсия могла достигнуть своей цели, ее нужно тщательным образом подготовить, надо в предварительных беседах выяснить, что может помешать восприятию опыта, надо подготовить восприятие этого опыта. Затем также важно обсуждение вопросов о том, как все виденное претворить в жизнь.

Как обстоит вопрос со школами? Если мы возьмем техникумы, если мы возьмем школы крестьянской молодежи, вообще школы более высокого типа, то мы увидим, как жизнь захватывает их. Благодаря тому, что наш организатор школ крестьянской молодежи, тов. Руднев, обладает организаторскими способностями и умеет направлять экскурсии Школ Крестьянской Молодежи и преподавателей ШКМ, всегда наглядно можно видеть, как окружающая жизнь влияет на подрастающее поколение. Я думаю, что на эту молодежь, на колхозную молодежь, на комсомол, на школы II ступени нужно обратить в нацреспубликах особенное внимание.

Затем относительно женской части населения. Тут вопрос особенно тяжел в целом ряде национальных областей. О трудностях не приходится говорить, — мы все их знаем. Но вот что меня удивило. Как-то в прошлом году, в связи с женской конференцией, которая проводилась с представительницами из национальных областей и республиках, мне пришлось говорить на эту тему со студентами КУТВ, и особенно поразило меня то, что этот вопрос прорабатывался только с женской частью учащихся и студентов. Студенты в целом оказались не втянутыми в этот вопрос; конечно, они в общих чертах знают о женском движении, но практически преподаватели не разговаривали с ними на эту тему. Работа с женщинами считалась не их работой а между тем мы знаем, как тяжело обстоит этот вопрос в нацреспубликах, как тут только совместными усилиями и мужской и женской части сознательного населения можно покончить с пережитками старого уклада. Если говорить о пережитках старого уклада, то паранджа является одним из ярких примеров, затемняющих классозую борьбу. Если население мало сознательно, если население не сагитировано, то это бьет наруку зажиточным слоям, и бедняки не борются против пережитков старого. Вся сознательная часть комсомола, не говоря уже о партийцах, должна дружными рядами и дружным фронтом выступать по этим вопросам, и не только теоретически, но и практически. Раскрепощенная женщина является обыкновенно борцом за новый строй. Сейчас та громадная стройка, которая происходит во всей стране, — стройка на хозяйственном фронте, — захватывает национальные области, она

чрезвычайно облегчает ломку старого. Создается новая база, которая старую базу оттесняет. Если мы говорим, что хозяйственная стройка — это главное, а культурная — это надстройка, то нужно отдать себе отчет в том, что надстройку тоже необходимо строить, и само слово «надстройка» включает понятие строительства, и поэтому тот, кто думает, что вот мы вспашем поле, засеем зерно, уберем хлеб — и все, — глубоко ошибается. Надстройку строить необходимо и в области культурной, тщательно продумывать, какими руками строить, в каком направлении и из какого материала. Все эти вопросы стоят сейчас с чрезвычайной остротой, — с большей остротой, чем когда бы то ни было

В заключение я хотела бы сказать пару слов о западных национальных областях. Там дело обстоит иначе. Там другие трудности, там очень сильно влияние буржуазной печати, печати капиталистической, которая всячески проникает в разных формах, и в пережитках старого сказывается чрезвычайно сильно. Тут нужен другой тип борьбы, тут надо особенно заострить всю борьбу по всем областям, которую приходится вести с пережитками капитализма наиболее старых формаций и наиболее старых укладов. Надо четко вести борьбу с капиталистическим миром — и особенно важно учитывать влияние западно-экономическое — и быть по отношению к нему достаточно настороже. Дело в том, что современная буржуазия еще больше, чем мы видим это у реформистов, старается втереть очки. Мы видим, как в области педагогической буржуазия очень талантливо приспособляется к новым условиям, как при помощи своих школ старается затемнить сознание. Мы видим сейчас обостряющуюся борьбу на Западе, мы видим, что на Западе классовая борьба становится все острее, что многие вопросы ставятся глубже, чем ставились за последние годы, и тут надо внимательно следить за этим, быть чрезвычайно осторожными, чтобы буржуазное влияние не осталось как-нибудь без отпора. Эта задача стоит перед польской национальностью, еврейской и другими, близлежащими к Западу.

Позвольте в заключение выразить надежду, что наши национальные республики и национальные области догонят и перегонят в культурном отношении не только буржуазные страны, но догонят и всю советскую

республику в целом, и что общими усилиями всех национальностей мы сможем дать отпор умирающему капитализму и добиться социализма в кратчайшие сроки.

То, что мы сейчас подходим к социализму, это мы чувствуем на каждом шагу. Каждый из нас сознает все трудности, которые перед нами стоят, и никакого комчванства тут нет, но характерно то, что сейчас на рабочих собраниях и на собраниях в колхозах поступает масса записок на тему о том, что такое социализм и каков будет труд при социализме. Наблюдается особый интерес к конкретному социализму. Иногда в записках, которые поступают на собраниях в колхозах, спрашивают про организацию труда при социализме и говорят, что у нас иногда так бывает, что мы что-нибудь начнем, но не кончим, а при социализме этого не должно быть, т. е. там все должно быть обдумано и доведено до конца. Жизнь ставит перед нами задачи о социализме в конкретной форме, и таких задач в целом ряде областей с каждым днем будет ставиться все больше и больше. Дело в том, что социалистический уклад меньше всего мирится с теми традиционными перегородками, которые имеются в среде национальностей. Конечно, я не говорю о том, что все национальное стирается. Тут важно укрепление положительных сторон, — национальных положительных сторон, — которые развиваются на основе пережитой истории, но тут также важно и то, чтобы те искусственные перегородки, которые были созданы старым феодальным укладом, которые были созданы капиталистическим строем, — чтобы они были уничтожены.

Высказывание Ленина по вопросам культуры и просвещения за время работы в Питере, в тюрьме и ссылке*

До сих пор не собрано все то, что говорил Ленин по вопросам народного образования. Печатались лишь сборники его речей и статей по народному образованию, напечатанные в первом издании его сочинений. Но как раз в первое издание не вошло очень много высказываний Владимира Ильича по вопросам народного образования, которые вошли во второе издание. Кроме того, сборники статей Ленина по этому вопросу выходили без комментариев. А между тем каждая статья, каждая речь является звеном в ряде речей и статей Владимира Ильича, написанных и сказанных в данную эпоху, и понятна она может быть до конца лишь в связи со всеми этими высказываниями. Осветить эту связь должны комментарии. Кроме того, в речах и статьях Владимира Ильича, посвященных другим вопросам, много очень рассеяно высказываний о культуре, о школе, о просвещении, об агитации и пропаганде и т. д. Эти высказывания нигде не собраны, но связаны воедино с его статьями о просвещении. Работа эта должна быть сделана как можно скорее.

В данной статье я остановлюсь лишь на первых трех томах, охватывающих период работы Ленина в Питере, в тюрьме и ссылке.

Это были годы, когда усиленно освещались в легальной и нелегальной печати основные вопросы марксистской теории, когда вырабатывалась программа партии, основы ее организации. Вот почему особенно важны высказывания Владимира Ильича по вопросам народного образования именно в этот период.

---

* Статья в журнале «На путях к новой школе» № 1; 1931 г. Написана для Общества педагогов-марксистов.

Статей, специально посвященных вопросам народного образования, написанных Ильичем за этот период, не так много.

В I томе сочинений помещена популярная статейка «О чем думают наши министры», предназначавшаяся для популярной газеты «Рабочее Дело», которую предполагалось издавать нелегально в народовольческой типографии. Эта статья не увидела света, ибо Владимир Ильич с группой товарищей был арестован в 1895 г., а летом 1896 г. была арестована на Лахте и нелегальная типография, где должна была печататься газета. Статья «О чем думают наши министры» была посвящена вопросу о работе воскресных школ. В конце 1895 г. Владимир Ильич написал для газеты «Самарский вестник» (помещена в № 254 от 25 ноября за подписью К. Т-ин) статью «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», посвященную разбору статьи Южакова, напечатанной в майской книжке «Русского Богатства», — «План всенародного обязательного среднего образования». Статья «Гимназические хозяйства» — лишь начало статьи; продолжение не появилось из-за ареста автора.

Статья «О чем думают наши министры» говорит о деятельности воскресных школ. О деятельности этих школ хорошо знал Владимир Ильич. В нашу социал-демократическую группу входил ряд учительниц, работавших за Невской заставой в Смоленской воскресной школе. Там работали Якубова, Кржижановская, Книпович. Владимир Ильич был в курсе всей нашей работы, слышал о школе от учеников. Несколько моих учеников по воскресной школе входили в кружок, который вел Владимир Ильич, они рассказывали ему о школе. Владимир Ильич был в курсе нашей работы, в курсе наших попыток вести через школу пропаганду учения Маркса. Через воскресную школу собирали мы сведения о порядках на фабриках, о жизни и быте рабочих. Эти сведения использовались потом для листков.

Основные мысли статьи «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» были развиты Владимиром Ильичем в 1897 г. в большой обстоятельной статье «Перлы народнического прожектерства» (С. Н. Южакова — «Вопросы просвещения»; «Публицистические опыты»; «Реформа средней школы»; «Системы и зада-

чи высшего образования»; «Гимназические учебники»; «Вопрос всенародного обучения»; «Женщина и просвещение»; СПБ., 1897, стр. VIII + 283, ц. 1 руб.); статья помещена во II томе сочинений Ленина.

Эта статья тесно связана с одной из важнейших работ Владимира Ильича, относящихся к этому периоду, с его нелегально изданной книжкой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Эта книжка сыграла в то время громадную роль, создав революционную марксистскую платформу для русской социал-демократии. Она освещала вопрос о наличии капитализма в нашей стране, о формах революционной деятельности социал-демократов в существующих русских условиях, подвергала беспощадной критике мелкобуржуазные народнические идеи, их стремление подменить революционную борьбу мелкотравчатым культурничеством.

«Что такое «друзья народа»» состояла из трех тетрадок — они печатались на гектографе; их отобрали при обыске; с трудом удалось разыскать в Берлинском архиве 1-й и 3-й выпуски, выпуск же 2-й об Южакове до сих пор не разыскан.

Статья «Перлы народнического прожектерства» как нельзя лучше дополняет «Что такое «друзья народа»», органически связана с этой книжкой.

Во II томе мы не имеем никаких других статей по народному образованию, кроме «Перлов народнического прожектерства».

В III томе также нет какой-либо специальной статьи по народному образованию, весь том посвящен вопросу «Развитие капитализма в России».

Таким образом, мы имеем за период 1893 — 1900 гг. лишь три специальные статьи Владимира Ильича по вопросам народного образования. Самая значимая из них — это «Перлы народнического прожектерства». Остановимся подробнее на этой статье.

В статье «Перлы народнического прожектерства» Ленин останавливается прежде всего на вопросе о различии между школой сословной и школой классовой. Приведя ряд путаных высказываний Южакова, Владимир Ильич пишет: «Тут верно указано *одно* из отличий класса от сословия, именно, что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями,

а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают *юридическое равенство.* И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «Мы... отказались тогда (т. е. после отмены крепостного права)... от крепостного и сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» (8). Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно, что сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества» (Соч., т. II, стр. 295, 3-ье изд.). В примечании Владимир Ильич добавляет: «Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества» (там же). Приведя ряд цитат из Южакова, Ильич пишет: «Все это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южаков совершенно не понял, в чем сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший господин народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих.* Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вздор сказал г. Южаков в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа, — если она проведена последовательно, т. е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности, — необходимо предполагает один общий тип школы. Сущность классового общества (и классового образования, следовательно) состоит в полном юридическом *равенстве,* в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только гра-

ждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного:* чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода, — тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. *Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа* (курсив мой — *Н. К.*): напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классовая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться... Ввиду той невероятной путаницы понятий, которую обнаруживает г. Южаков, мы считаем даже нелишним сделать для него еще следующее добавочное разъяснение: в современном обществе и та средняя школа, которая не берет никакой платы за обучение, нисколько не перестает быть классовой школой, ибо расходы на содержание ученика в течение 7—8 лет неизмеримо выше, чем плата за учение, а доступны эти расходы лишь для ничтожного меньшинства» (там же, стр. 296).

И далее Ленин пишет, что Южаков «неосторожно выразился», сказав, будто мы сразу и решительно «отказались от сословной школы», и приводит данные о сословном составе гимназий и реальных училищ. «Само собой разумеется, — продолжает Ленин, — что мы вовсе не хотим сказать этим, чтобы вопрос о замене сословной школы классовой и об улучшении последней был вопрос неважный или безразличный для тех классов, которые не пользуются и не могут пользоваться средней школой: напротив, и для них это не безразличный вопрос, ибо сословность и в жизни и в школе ложится на них особенно тяжело, ибо смена сословной школы классовой есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России» (там же, стр. 299) *.

Вопрос о том, что классовая школа представляет собой шаг вперед по отношению к школе сословной,

---

* Тотчас же после взятия власти, 25 ноября н. ст. 1917 г., был опубликован за подписью Вл. Ульянова (Ленина) декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов.

мало освещался в нашей печати. Мало кто знает вышеприведенные высказывания Ленина. А между тем они и по сию пору не потеряли своей актуальности, ибо современная наша школа очень часто в своей практике соскальзывает на путь сословной школы, что совершенно недопустимо. Поскольку не отмерли еще до конца в нашей стране классы, советская школа остается и должна оставаться классовой, как это отметил Ленин в своей речи на I Всероссийском съезде по народному образованию 28 августа 1918 г. Весь вопрос в том, в руках какого класса находится школа. Буржуазия делает школу орудием классовой борьбы, направленным против рабочих и крестьян. «Наша школа будет классовой, — говорил Ленин, — но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения». «Классовая школа не предполагает классовой замкнутости», — писал Владимир Ильич в 1897 г. в «Перлах народнического прожектерства». Вот почему в программе группы «Освобождение труда» в 1884 г. уже фигурирует пункт о том, что должно быть введено «всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями». Это требование «всеобщего, дарового и обязательного образования и снабжения бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства» на II съезде партии было дополнено словами «для детей обоего пола до 16 лет», а слово «образование» дополнено словами «общее и профессиональное». Всеобщность и обязательность образования не изменяют еще классового характера школы, но исключают классовую замкнутость школы.

О всеобщем, бесплатном и обязательном образовании для детей обоего пола до 17 лет говорит и теперешняя программа нашей партии, принятая на VIII съезде, причем в вводной части раскрывается смысл требований этой всеобщности: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». Школа должна быть классово-

выдержанной по содержанию, по установкам, но не должна быть классово-замкнутой.

Южаков, строя планы волостных гимназий, которые охватили бы всех детей и подростков от 8 до 20 лет, вовсе не собирался менять классового содержания обучения. Он предлагал даже не менять «установившихся учебных планов», предлагал только заменить древние языки новыми. Инородцы и сектанты, по его плану, не смогут воспользоваться благами всенародного среднего образования. Южаков предполагал сохранить систему двух гимназий, мужской и женской, из уважения к «предубеждению на континенте Европы против совместного обучения обоих полов» (Соч., т. II, стр. 302). Отметив это, Владимир Ильич подробно останавливается на основной мысли Южакова — на проекте «окупить» гимназии трудом учеников, в силу чего гимназия должна быть вместе с тем и земледельческим хозяйством.

«. . . Тут есть действительно правильная мысль», — пишет Ленин. «. . . Эта правильная мысль заключается в том, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты (Владимир Ильич имеет в виду Оуена, *Н. К.)*; ее вполне разделяют и «ученики» (Маркса. *Н. К.),* которые именно по этой причине, между прочим, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические» (там же, стр. 303). Это не значит, что Ленин считал, что допустима на фабриках и заводах работа детей любого возраста. В проекте программы, написанной им в тюрьме в 1896 г., в разделе Г, пункте 3 выставлено требование «законодательного запрещения ночной работы и смен. *Запрещение работы детей до 15 лет»* (курсив мой. *Н. К.).*

В программе, принятой на II съезде партии, этот

пункт формулирован так: «Воспрещение предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничение рабочего времени подростков (16 — 18 лет) шестью часами». Такая формулировка требовала охраны детского труда до 16 лет от эксплуатации предпринимателей, но это не значило, что запрещается производственный труд детей вообще. В программе партии, принятой на VIII съезде, сказано: «Запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет», предлагается «окончательно снять с работы малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков» и лишь ввиду крайнего разорения, вызванного войной, временно разрешался труд подростков от 14 до 16 лет, причем рабочий день ограничивался четырьмя часами.

Все это важно отметить, ибо сейчас в области детского труда мы наблюдаем многочисленные факты перегибов: надо-де, чтобы дети работали с самого раннего возраста, лет с 9, на предприятии.

Далее Владимир Ильич высказывает очень важную мысль о том, что школа должна готовить *всех ребят поголовно* к участию в производительном труде. «Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, необходимо, очевидно, возложить на *всех* обязанность принимать участие в производительном труде. Казалось бы, что это само собой ясно? — Оказывается, однако, что нет. Наш «народник» решает этот вопрос так, что обязанность физического труда действительно должна быть установлена как общий принцип, *но вовсе не для всех, а только для несостоятельных...*» «Обязательный производительный труд является, следовательно, у нашего народника не условием всеобщего и всестороннего человеческого развития, а просто платой за обучение в гимназии. Именно так» (там же, стр. 303 — 304). Подробно разбирает Ленин весь план, сочиненный Южаковым, и доказывает, что он не что иное, как крепостнически-бюрократически-буржуазно-социалистический эксперимент, и ничего более. Для состоятельных — одна школа, для несостоятельных — другая; есть деньги — плати за учение, а нет, — так работай! Народническую утопию Южакова Ленин сравнивает с практикой

крепостника Сергея Шарапова, описывающего, как у него в течение лета «почти что восстановляется крепостное право, кроме, конечно, зуботычин и экзекуций на конюшне» (там же, стр. 314).

Говорит Ленин также и о том, что Южаков в своей утопии предполагает, что сохраняется противоположность между городом и деревней. «Не только «учителя» теперешних учеников (Маркс и Энгельс. *Н. К.*) писали против этого абсурда, но и старые утописты и даже наш русский великий утопист (Н. Чернышевский. *Н. К.*). Г-ну Южакову до этого дела нет» (Соч., т. II, стр. 311).

Статья «Перлы народнического прожектерства» до чрезвычайности злободневна.

Статья «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», помещенная в т. I сочинений, разбирает сокращенно (статья газетная) ту же статью Южакова, помещенную ранее выхода в свет сборника Южакова в «Русском Богатстве».

Во всех первых трех томах мы встречаем мысли, имеющие прямое отношение к вопросам культуры. В этот период Ленина интересуют главным образом следующие вопросы: 1) о зависимости культурного развития от развития экономического, об органической связи между ними; 2) о буржуазной культуре, о вооружении масс марксистской теорией; 3) об интеллигенции.

Экономический уклад, формы хозяйствования влияют определенным образом на мировоззрение человека.

Мелкое крестьянское хозяйство выращивает из мелкого земледельца крайнего индивидуалиста. Владимир Ильич приводит в своей статье «От какого наследства мы отказываемся» (написана в конце 1897 г.) тому примеры, ссылаясь на данные такого знатока деревни, как Энгельгардт. «Энгельгардт, — пишет Ленин, — вскрывает поразительный *индивидуализм* мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что наши «крестьяне в вопросах о собственности — самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1885 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узколичным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже

трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко для *своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов» (Соч., т. II, стр. 334).

В статье «Кустарная перепись в Пермской губернии» (написана в 1897 г.), подводя итоги переписи и отмечая влияние на мировоззрение и уровень культуры кустарных промыслов, Ленин пишет: «Можно с уверенностью сказать, что не найдется ни одной капиталистической страны, в которой бы регистрация почти 9-ти тысяч мелких заведений с 20-ю тысячами рабочих обнаружила *такую поразительную раздробленность и одичалость* производителей, среди которых нашлось лишь несколько десятков случаев *общей собственности* и *менее десятка* случаев объединения 3—5 хозяйчиков для закупки сырья и сбыта продукта! Эта раздробленность служила бы *вернейшим залогом беспросветного экономического и культурного застоя,* если бы мы не видели, к счастью, как капитализм с каждым днем подрезывает под корень патриархальное ремесло с его местной ограниченностью самодовлеющих хозяйчиков, с каждым днем разрушает мелкие местные рынки (которыми держится мелкое производство), заменяя их национальным и всемирным рынком, *заставляя* производителей не одной какой-нибудь деревни Гаврята, а производителей целой страны и даже разных стран вступать в союзы между собой, выводя эти союзы за пределы одних только хозяев и хозяйчиков, ставя перед этими союзами вопросы более широкие, чем вопрос о более дешевой закупке лесного материала и железа, или вопрос о более выгодной продаже гвоздей и телег» (Соч., т. II, стр. 276—277).

В «Друзьях народа» Ленин вскрывает корни религиозности мелких производителей. Он указывает на то, что «разрозненные мелкие производители производили каждый по несколько операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, например,

кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал, — он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т. е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний — от капиталиста-плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д. и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя» — к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии ни в качестве земного «златого тельца») (Соч., т. I, стр. 91).

В «Развитии капитализма», материал для которого собирался Лениным в 1896 — 1897 гг., также есть места, иллюстрирующие то положение, что культура создается на базе развивающейся индустрии. Развитие мануфактуры (в кустарных промыслах) уже поднимает до известной степени уровень культуры: «Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и его культурность; на крестьянина-земледельца работник мануфактуры смотрит уже сверху вниз. Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных. В мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые в общей обстановке капиталистического хозяйства чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их. Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками

патриархальности и личной зависимости, отличаясь поистине «пренебрежительным отношением к прошлому». И именно этот разрыв с устарелыми традициями был одним из существенных условий, создавших возможность и вызвавших необходимость регулирования производства и общественного контроля за ним» (Соч., т. III, стр. 427 — 428).

Культура города выше культуры деревни. Промышленные центры играют крупную роль в деле содействия умственному развитию населения; Ленин говорил об этом в статье «К характеристике экономического романтизма», относящейся к 1894 г.

«Научная теория (марксизм. *Н. К.)* указывает, напротив, ту *прогрессивную* сторону, которую вносит в это противоречие (преобладание города над деревней. *Н. К.)* крупный промышленный капитал. «Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно накопляет историческую силу движения общества вперед» (die geschichtliche Bewegungskraft der Gesellschaft). Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения» ...«создает условия для устранения противоположности между городом и деревней» (Соч., т. II, стр. 91 — 92). В «Развитии капитализма» Владимир Ильич приводит сведения о Покровском уезде Владимирской губернии, подтверждающие этот факт. ««Плотничество наложило глубокий отпечаток на весь склад здешней крестьянской жизни... Крестьянин-плотник мало-по-малу отвыкает от земледелия, а впоследствии и совсем бросает его». Жизнь в столицах наложила на плотника отпечаток культурности: он живет несравненно чище окрестных крестьян и резко выделяется своей «интеллигентностью», «сравнительно высокой степенью умственного развития» (Соч., т. III, стр. 416).

««Отхожие уезды значительно превосходят земледельческие и лесные местности по благоустройству своей жизни... Одежда питерщиков гораздо чище, щеголеватее и гигиеничнее... Ребята содержатся чище, почему у них реже встречается чесотка и другие накожные болезни»... В отхожих волостях Костромской губернии «в половине домов вы найдете бумагу, чернила, карандаш и перья»... «Грамотные питерщики положительно лучше и сознательнее лечатся», так что заразные болезни действуют среди них не так гибельно, как в волостях «*малокультурных*»» (там же, стр. 449, примечание).

«Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной. «Сравнительно с оседлыми местностями *солигаличская и чухломская семья*» (самые отхожие уезды Костромской губернии) «*гораздо менее крепка* не только в смысле патриархальной власти старшего, но даже в отношениях между родителями и детьми, мужем и женой. От сыновей, отправляемых в Питер с 12 лет, конечно, нельзя ожидать сильной любви к родителям и привязанности к родительскому крову; они становятся невольно *космополитами:* «где хорошо, — там и отечество»». «Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Побои и истязания жен здесь редкие исключения... Вообще равенство женщины с мужчиной сказывается почти везде и во всем» (там же, стр. 450).

Город культурно поднимает, деревня заражает своим бескультурьем.

Исследуя в 1897 г. данные кустарной переписи 1894 — 1895 гг. в Пермской губернии, Ленин отмечает: ««Связь с земледелием», по данным переписи, отражается чрезвычайно рельефно на *грамотности* кустарей... Оказывается, что неземледельческое население *значительно грамотнее* земледельческого, причем это отношение наблюдается без исключения по всем подгруппам и для мужчин, и для женщин» (Соч., т. II, стр. 238). «Мы можем констатировать, что связь с земледелием (речь идет о мелком крестьянском хозяйстве. *Н. К.):* 1) задерживает наиболее отсталые

формы промышленности и тормозит экономическое развитие;... 3) задерживает культурное развитие населения, имеющего более низкий уровень потребностей и далеко отстающего в грамотности от неземледельцев» (там же, стр. 239).

И Владимир Ильич со всей четкостью ставит вопрос о материальных предпосылках культурного развития.

На Западе потребление выше. «Почему? Потому, что культура выше», — пишет он в «Друзьях народа». — «Но в чем же *состоят материальные основания этой культуры, как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей?* (Курсив мой. *Н. К.*). Не была ли во Франции, например, культура не выше нашей перед Великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к русской жизни, он не мог бы не заметить того, например, факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях... «Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут объясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, причем они даже и не задаются вопросом *о материальных основаниях этой культуры и этого усложнения*» (курсив мой. *Н. К.*) (Соч., т. I, стр. 152 — 153).

Экономика определяет собой уровень культуры. Но, с другой стороны, и культура является фактором, в свою очередь влияющим на экономику. Следствие диалектически превращается в причину. Пример влияния культуры на экономику Ленин приводит в «Развитии капитализма». «В руках крестьянской буржуазии сходятся нити и торгового капитала (отдача денег в ссуду под залог земли, скупка разных продуктов и пр.) и промышленного капитала (торговое земледелие при помощи найма рабочих и т. п.). От окружающих обстоятельств, *от большего или меньшего вытеснения азиатчины и распространения культуры в нашей деревне зависит то, какая из этих форм капитала будет*

развиваться на счет другой» (курсив мой. *Н. К.)* (Соч., т. III, стр. 50).

Уровень культуры влияет на формы эксплуатации.

«Эта масса мелких деревенских эксплуататоров, — пишет Ленин, — представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося вразбробь, по одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, *представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью* (курсив мой. *Н. К.),* которое постоянно встречается в деревне» (Соч., т I., стр. 141).

Классовый характер общественной среды определяет, кто воспользуется «улучшениями культуры».

«Какой это марксист, когда он не понимает, что та общественная среда, для которой он прожектирует свои прогрессы, — есть буржуазная среда, что поэтому все «улучшения культуры», действительно замечаемые даже в крестьянском хозяйстве, означают прогресс буржуазный, улучшающий положение меньшинства и пролетаризирующий массы! Какой это марксист, когда он не понимает, что государство, к которому он обращается с прожектами, есть классовое государство, способное только поддерживать буржуазию и давить пролетариат!» (Соч., т. I, стр. 109).

Владимир Ильич особо останавливается на вопросе о влиянии капитализма на деревню. «Отнятие промышленностью у земледелия самых сильных, энергичных и интеллигентных рабочих есть всеобщее явление не только промышленных, но и земледельческих стран, не только Западной Европы, но и Америки и России. Противоречие между культурой городов и варварством деревни, порожденное капитализмом, неизбежно ведет к этому» (Соч., т. II, стр. 489).

«Для развития техники земледелия городской капитализм старается дать все средства современной науки, но социальное положение производителей он оставляет попрежнему жалким; городской культуры он не переносит систематически и планомерно в деревню» (Соч., т. II, стр. 488).

Владимир Ильич не закрывает глаза на отрицательные стороны капитализма. В рецензии на книгу Каутского «Аграрный вопрос», вышедшую в 1899 г., он пишет: «Прогрессивная деятельность в современном обществе может стремиться только к тому, чтобы ослабить вредное действие капиталистического прогресса на население, чтобы усилить сознательность этого последнего и способность к коллективной самозащите» (Соч., т. II, стр. 410).

Что вытекает из того, что говорил Ленин в период 1898—1900 гг. о культуре? Прежде всего ясно, почему мы отстаем на культурном фронте. Годы разрухи и восстановительный период не могли еще создать материальных предпосылок для развития культуры, *лишь реконструктивный период создает эти материальные предпосылки для широчайшего размаха в культурном строительстве;* не случайность, что именно со времени XV съезда партии в связи с индустриализацией и коллективизацией стала у нас быстрым темпом развиваться ликвидация неграмотности, возможно стало введение всеобщего обучения. С другой стороны, ясна необходимость повышения — в целях повышения экономического строительства — уровня культуры, повышения влияния промышленных центров на деревню, необходимость поднять культуру деревни, чего не делал капитализм и в чем кровно заинтересована советская власть. Ясна необходимость тесно связать всю культурную работу с политической пропагандой и агитацией, вовлекать в то же время как можно шире сами массы в культурное строительство.

Владимир Ильич со всей решительностью уже тогда, в 1894 г., говорил о буржуазной культуре, о мещанской культуре, от которой окончательно «дифференцирован» (отделен) и бесповоротно враждебен ей «антипод буржуазии» (рабочий класс).

Откуда взялась эта буржуазная, эта мещанская культура? «Они (речь идет о русских капиталистах. *Н. К.)* стараются подражать западно-европейской буржуазии, выписывают книжки, учатся» — говорит автор статьи «Новые всходы на народной ниве», помещенной в «Отечественных записках» за 1879 г., которому возражает Ленин: «Вот уже автор сам должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания,

будто у нас «мещанская культура» развивалась на почве *невежества*. Неправда. Именно *она* принесла пореформенной России ее культурность, «образованность (Соч., т. I, стр. 231 — 232).

«Культурное общество, — отмечает Ленин, — по-прежнему с охотой будет в промежутках между пирогом с вязигой и зеленым столом толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения» (там же, стр. 170).

Что же это за проекты?

Остановившись на реакционных сторонах программы народников, Ленин пишет: «Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д. и т. д. и т. д. Что подобные, общедемократические, мероприятия прогрессивны, — это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, *ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие*» (курсив мой. *Н. К.)* (Соч., т. I, стр. 360).

Только «марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы (речь идет об общедемократических мероприятиях. *Н. К.),* чем это делали и делают господа народники. У последних вопрос ставится с точки зрения «современной науки, современных нравственных идей»; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самих *производственных отношениях* лежащих, причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия — tabula rasa (чистая доска. *Н. К.),* на которой остается только правильно начертать правильные пути» (там же, стр. 361).

По словам Ленина, «марксисты должны... не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный

уровень трудящихся масс, — тем резче и чище выступит важнейшая и основная (уже сейчас) социальная противоположность русской жизни» (там же, стр. 360). Что это за «социальная противоположность русской жизни»? — Под этим подразумевается «противоположность классовых интересов». «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», откуда взята эта цитата, предназначалась для легальной печати, а потому и говорилось в ней «о противоположности классовых интересов» намеками. Еще более «рыбьим языком» пришлось говорить о классовой борьбе. Классовая борьба называлась «теорией классового антагонизма», требования рабочего класса назывались «формулировкой насущных интересов таких-то классов», борьба рабочего класса за свои требования называлась «утилизацией», рабочие назывались «участниками производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде», нелегальная работа — «невидной работой», отказ от борьбы за демократические требования, игнорирование их — «обрывом нити», социализм — «идеалами». Не только царской цензуре, но и читателю трудненько было расшифровать смысл нижеследующей цитаты:

«Если ставить те же вопросы применительно к теории классового антагонизма (для чего нужен, конечно, «пересмотр фактов» русской истории и действительности), — тогда ответы на них... будут предназначаться на практическую утилизацию (конечно, для *этой* «утилизации» требуется громадная подготовительная работа, притом работа по самому существу своему невидная...) их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими, — они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из «тесного кабинета интеллигенции» к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается «обрыв нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо» (там же, стр. 362).

В переводе на русский язык эта цитата значит:

Если подходить к вопросу с точки зрения классовой борьбы (для этого нужно с этой точки зрения разобрать факты русской истории и действительности),

тогда необходимо составить программу, которая формулировала бы практические требования рабочего класса, надо организовать борьбу за них рабочего класса (конечно, для такой борьбы требуется громадная подготовительная работа, притом работа по существу своему нелегальная). Программа должна обсуждаться не только в среде интеллигенции, но должна стать руководством к действию широких масс рабочих, которые сильнее всего страдают от самодержавного строя и кровно заинтересованы в осуществлении социализма, ибо при капитализме их участь тяжела.

Не знаю, расшифровывали ли цензоры эту столь иносказательно написанную цитату, во всяком случае дух ее поняли, и сборник, для которого данная статья была написана за подписью *К. Тулин* («Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», СПБ., 1895 г.), был царской цензурой сожжен.

Классовая борьба должна окрашивать собой и всю культурную работу. Культурная работа не должна вырождаться в культурничество. Об этом говорил Ленин.

«Друзья народа, — писал Ленин, — забыли об этой антагонистичности (т. е. противоположности классовых интересов. *Н. К.),* утратили всякое чутье того, как «под покровом демократизма» и у нас, на святой Руси, прячутся чистокровные буржуа; и потому теперь они («друзья народа». *Н. К.)* реакционны (по отношению к пролетариату), так как замазывают антагонизм, толкуют не о борьбе, а о *примирительной культурнической деятельности»* (курсив мой. *Н. К.)* (Соч., т. I, стр. 181).

И далее: «Мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи (народнические. *Н. К.),* как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, опустившись до жалкого эклектизма, *до самой дюжинной культурническо-оппортунистической программы»* (курсив мой. *Н. К.)* (там же, стр. 183).

Необходимо знание, науку, в первую голову марксизм, дать в массы. В период работы в Питере Владимир Ильич работал, как и вся его группа, в рабочих кружках. Половину времени занятий в кружке он посвящал беседе с рабочими об их работе на фабрике, об условиях их труда и пр., а другую — читал с ними том I «Капитала» Маркса. Так приблизительно

работали и другие товарищи. Члены нашей группы, работавшие в воскресной школе, как я уже сказала выше, стремились связать преподавание элементарного школьного курса с ознакомлением учеников со взглядами Маркса и Энгельса. «Теорию, учение Маркса и Энгельса — в массы!» — был лозунг того периода. И в ссылке, помогая в учебе рабочим, товарищам по ссылке, наша группа читала с ними «Капитал», «Коммунистический манифест» и пр. Через популярные брошюры, листки стремились тогдашние революционные марксисты, тогдашние социал-демократы, приблизить теорию к массе. Мы старались с этой целью научиться писать просто и понятно для рабочих. К этому периоду относится ряд брошюр, написанных Владимиром Ильичем для рабочих («Объяснение закона о штрафах», «Новый фабричный закон»). И понятно поэтому следующее место из письма Ленина Аксельроду от 16 августа 1897 г.: «Ваши и его (Плеханова. *Н. К.)* отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих» (Соч., т. XXVIII, стр. 17). Важность создать популярную литературу, популярный журнал для рабочих стояла в то время во весь рост.

Вот что писал по этому поводу Ленин в «Друзьях народа»:

«Г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кое-чего и от людей науки». Совершенно не верно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, — есть лучшая награда за мой труд. Г. Мейер, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическом / мышлению (der grosse theoretische Sinn), считавшиеся

наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе» (Соч., т. I, стр. 78). И в другом месте: «Наш автор (г. Михайловский. *Н. К.)* с пафосом негодует против «этой науки, умещающейся чуть ли не в карманном словаре». Какой ужас в самом деле: наука — и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!! Не ясно ли, до какой степени неосновательно самоуверенны те люди, которые лишь постольку и ценят науку, поскольку она учит эксплуатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, *учит сторониться от всяких «друзей народа», замазывающих антагонизм классов и желающих на себя взять все дело* (курсив мой. *Н. К.),* и которые поэтому излагают эту науку в грошевых изданиях, так шокирующих филистеров. То ли бы дело, если бы рабочие предоставили свою судьбу друзьям народа; они показали бы им настоящую многотомную университетскую и филистерскую науку, подробно ознакомили бы их с общественной организацией, соответствующей человеческой природе, если бы только... рабочие согласились подождать и не начинали сами борьбы с такой неосновательной самоуверенностью» (там же, стр. 99 — 100).

Особый интерес представляет то, что Ленин писал в эти годы об «интеллигенции». Сейчас (декабрь 1930 г.) перед нами прошел процесс «Промпартии», который чрезвычайно ярко вскрыл нутро буржуазной интеллигенции, примкнувшей к буржуазии и продолжающей ей служить в стране, где уже более десятка лет власть вырвана из рук буржуазии.

«Состав «интеллигенции», — писал Ленин в «Друзьях народа», — обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии — «интеллигенция», довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет... За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х годах,

когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом» (Соч., т. I, стр. 189 — 190).

«...Когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции» (там же, стр. 189).

«...Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях» (там же, стр. 191).

Таким образом, в «Друзьях народа» Владимир Ильич указывал на то, что социалистическая интеллигенция может стать силой, может вести только тогда плодотворную работу, если она примкнет к борьбе рабочего класса, — класса, за которым будущее. Как-то раз, разговаривая с Лениным на эту тему в Сибири, мы говорили о Некрасове, о том, что интеллигент тогда только сила, когда он «утлый свой челнок привяжет к корме большого корабля», т. е. когда он свяжет свою судьбу с судьбой рабочего класса.

Вопрос о бессословной интеллигенции Ленин затронул также и в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Когда сословности был нанесен удар в 1861 г., интеллигенция стала на точку зрения либеральной буржуазии. Борьба за демократические реформы не есть что-то несовместимое с буржуазной точкой зрения. Когда под влиянием развития капитализма в крестьянстве началось расслоение, точку зрения мелкой крестьянской буржуазии стала отражать в своих высказываниях народническая интеллигенция. Приведу соответствующее место из высказываний Ленина.

«Если... все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку... они совпадают с общественными классами или к ним примыкают, то очевидно, что «бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила» (70). В абстрактном теоретическом смысле автор, конечно,

прав. Он ловит, так сказать, народников на слове. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россию интеллигенция — вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессословная интеллигенция отличалась всегда «чистотой» идей, — поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической *идеи* о всемогуществе интеллигенции со своей совершенно справедливой *идеей* о «бессилии интеллигенции в экономическом процессе» (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской «бессословной интеллигенции», как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху — эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем, — которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с *положением и интересами данных классов русского общества*»... «Русская передовая, либеральная «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности — и у нас против старо-дворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно *всех*. Как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а наряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов). Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском

обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм» (Соч., т. I, стр. 292 — 293).

В «Задачах русских социал-демократов» (1897) Ленин подробно останавливается на двуличности мелкой буржуазии.

«Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе и, тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата *ради* укрепления своего положения как *мелких собственников*. Образованные люди, вообще «интеллигенция», не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалование или за участие в прибылях и дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовое противоречие внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть и по своему классовому положению не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-первых, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение» (Соч., т. II, стр. 184 — 185).

Социалистическая интеллигенция становится марксистской. В среде ее все большее место начинает занимать рабочая интеллигенция. О ней писал Ленин в статье «Попятное направление в русской социал-демократии», написанной в конце 1899 г. Привожу соответствующее место:

«В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые, — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии» (Соч., т. II, стр. 574).

В проекте программы нашей партии, написанной в том же 1899 г., Ленин указывает еще на один слой интеллигенции, — на сельских учителей: «Затем не надо забывать и деревенской интеллигенции, например народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению» (там же, стр. 549).

Характеристика, которую дал за период 1894—1900 гг. Владимир Ильич «интеллигенции», и по сию пору имеет актуальнейшее значение. Сейчас, в связи с процессом «Промпартии», каждый «интеллигент» неизбежно должен поставить и ставит себе вопрос о том, с какой партией связывает он свою судьбу: с умирающей буржуазией или с рабочим классом. Жизнь ставит все точки над «и». Процесс «Промпартии» показал лицо современной «интеллигенции», идущей за крупной буржуазией. Процесс Кондратьева показал лицо

интеллигенции, связывающей свою судьбу с судьбой верхних слоев мелкой буржуазии, с судьбой кулачества. Все внимание правительства и партии направлено сейчас на формирование своей рабочей интеллигенции, на вооружение ее необходимыми знаниями. Эта рабочая интеллигенция органически, неразрывно связана с рабочим классом. Весь вопрос сейчас в том, как в возможно более короткий срок овладеть ей необходимыми знаниями, как перестроить с помощью этих знаний буржуазную культуру в культуру социалистическую.

Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе*

Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, опубликованное 5 сентября 1931 г., приковывает к вопросу о начальной и средней школе внимание всей страны. За последний год мы достигли очень многого в смысле охвата обязательным обучением подрастающего поколения. Хотя надо еще очень много сделать для того, чтобы догнать и перегнать капиталистические страны; у нас всеобщее обязательное обучение пока что еще четырехлетнее, а в Германии, Австрии, Швейцарии, Северной Америке и пр. — восьмилетнее. И, конечно, советам необходимо помогать всячески развертыванию школьной сети, необходимо следить за тем, чтобы обязательное обучение не просто значилось на бумаге, а проводилось на деле в жизнь. Тут нужен постоянный общественный контроль. Но вопрос не только ведь в количественном охвате. Можно провести всеобщее обучение, а в школах учить всякой чепухе, никому не нужной и прямо вредной. Мы видим это в капиталистических странах, где школа, обязательное обучение в руках буржуазии является средством затемнять сознание масс. Весь вопрос в том, *чему* учить. В советской школе мы учим не тому, чему учили раньше или чему учат в капиталистических странах. Мы выбросили из программ наших школ разный старый хлам, вроде закона божьего, древних языков, разных побасенок, носивших название истории, и пр. Мы дали *качественно* гораздо лучшие программы, чем программы капиталистических стран, программы, нужные трудящимся массам, не затемняющие, а будящие сознание подрастающего поколения. В смысле

---

* Статья в журнале «Власть советов» № 28, 10 октября 1931 г.

содержания программ мы перегнали уже капиталистические страны. ЦК требует дальнейшего улучшения программ. Мы проводим в жизнь политехническую школу, прикрепили школы к фабрикам и заводам, совхозам и колхозам. Ребята старших групп идут на завод, в совхоз, чтобы научиться понимать производство, чтобы научиться овладеть техникой, планово организовать труд. Но в увлечении втягиванием ребят в производительный труд часто стали меньше обращать внимание на учебу, на теорию; практику не освещали достаточно светом теории. И ЦК бьет тревогу. Он, не допуская никакого снижения теории, подчеркивает важность овладения суммой общеобразовательных знаний. Он подчеркивает, что знание — сила, и недопустимо, чтобы практика заслоняла теорию, отодвигала ее на задний план. ЦК не допускает никакого снижения теории, систематических общеобразовательных знаний. Надо, чтобы школа заложила в ребятах основы материалистического мировоззрения, чтобы она дала им понимание окружающих явлений, надо, чтобы ребята в школе научились самостоятельно учиться, привыкли читать серьезные книжки, умели хорошо излагать свои мысли. Нельзя снижать теорию. Но качество школы зависит не только от того, чему учить, но и от того, *как* учить. Вот по части *как* у нас дело обстоит плоховато. Искусство обучения у нас стоит не очень высоко, тут мы порядочно отстаем, не владеют у нас учителя методикой. И ЦК требует, чтобы коммунисты, работающие на руководящей просвещенческой работе, овладели методикой, чтобы овладели ею заведующие школами, учителя. Важно также, кто будет учить. ЦК требует внимание к учителю. Надо немедля улучшить его материальное положение — приравнять учителя в деле снабжения к рабочим, обеспечить снабжением его семью. Нужно повысить заработную плату. Нужно помочь ему в деле овладения техникой. Нужны специальные библиотеки для учителей, откуда они могли бы почерпать необходимые знания, нужно поддерживать лучшие, образцовые школы, где учителя могли бы поучиться искусству преподавания. Нужны инструкторы из опытных педагогов, которые умели бы не только заметить недостатки, но и умели растолковать, показать, как эти недостатки надо изжить. Всеобуч

потребовал новых кадров учителей, и в ряды учительства влились десятки тысяч молодежи. Эта молодежь советская насквозь, среди нее много комсомольцев, недавних пионервожатых, которые умеют работать с детьми, увлекать их, организовывать. Это большой плюс, ибо успешность занятий зависит не только от учителя, но и от самих ребят. Нужно, чтобы ребята сами считали, что надо бороться за качество учебы, держали себя в руках, надо, чтобы у ребят сложилось такое мнение, что стыдно лодырничать, стыдно опаздывать в школу, стыдно плохо, небрежно, безграмотно писать. И молодые учителя умеют воодушевить ребят. Молодые учителя сумеют увлечь ребят. Но им самим надо еще очень много учиться, им нужна помощь, забота о них. ЦК, включая учительство в кадры великой стройки социализма, подчеркивает громадное значение учителя. Но учитель учителю рознь. Надо бороться за качество учителя. Надо выдвигать самых талантливых, энергичных, влюбленных в свое дело, умелых, добивающихся наилучших результатов. Надо уничтожить уравниловку и обезличку, надо поднять боевой дух учительства, надо поддержать его стремление повысить качество учебы.

Ленин придавал громадное значение школе. В 1918 г., за два дня до ранения, выступая на съезде по народному образованию, он подчеркивал, что «необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы».

Долгие годы прошли со времени этого призыва Ильича, годы войны и разрухи, годы восстановления хозяйства, подведения фундамента социалистической экономики под нашу стройку. Постановление ЦК призывает нас сейчас вплотную взяться за стройку школы, не школы вообще, а школы, нигде еще небывалой, школы советской, политехнической, социалистической, такой школы, какой мыслили ее себе Маркс и Ленин. Надо отдать себе отчет во всей важности этой работы.

Рабочие и крестьянские колхозные массы кровно заинтересованы в этом деле. Речь идет об их детях. Прикрепление школ к заводам, фабрикам, колхозам, МТС приблизило школу к массам. Сейчас среди рабочих мы встречаем уже много таких, которые к вопросам

политехнизации школы относятся с очень большим интересом, прямо с энтузиазмом.

Если мы возьмем положение дела в горсоветах два года тому назад, то картина была, как правило, такова, что культурные дела сдавались в секцию, которая работала замкнуто, без связи с другими секциями, без связи с президиумом горсовета, а члены секции не знали, что им делать, и работали просто по заданиям ОНО как его подсобная сила. Конечно, такое положение дела никуда не годилось.

Массовая школа — дело совета в целом. Забота о школе, о качестве ее работы, об учителе не может быть просто сдана в культурно-бытовую секцию. Это должно быть делом всего совета в целом, секция должна работать по заданиям совета, под его контролем. Все другие секции должны помогать работе культурно-бытовой секции. Культурно-бытовая секция должна сплотить вокруг себя широкие советские массы, и в первую очередь рабочие массы, должна объединить вокруг себя работу добровольных обществ, поставить весь актив, принимающий близко к сердцу дело массовой школы на выполнение завета Ильича о школе. Надо организовать вокруг работы советов и молодежь, подростков в том числе.

Тут нужна не игра в штабы, нужна упорная, повседневная работа над улучшением школы, над поднятием ее на тот уровень, о котором говорил ЦК. Нужно всем подучиться этому делу посерьезнее, иначе можно проглядеть правые и левые уклоны, которых и в этом деле, в деле просвещения, более чем достаточно.

Старые взгляды на школу, на ребенка, на учителя, на труд детей далеко еще не изжиты даже в рабочей массе. Многим еще кажется, что школа — не школа, если учитель не кричит на ребят, не строжится над ними, если ребята не зубрят наизусть, не слепо повторяют то, что им сказано, а пытаются рассуждать. Дело ребят слушаться, и только. А некоторым кажется, что и школа-то совсем не важна, надо только, чтобы ребята побольше работали, пораньше начали зарабатывать, побольше денег в дом несли. Им кажется, что надо, чтобы дети были в полной власти родителей, на них работали, их слушали. И есть кое-кто из учителей, что смотрят не вперед, а назад, есть такие, что

тащат школу назад. С этими правыми настроениями, которые очень живучи еще, надо всячески бороться. И советы их должны знать, не закрывать на это глаз, а разъяснять, бороться. С такими взглядами нового поколения, перед которыми жизнь поставит величайшие задачи в деле строительства нового, насквозь социалистического уклада, не воспитаешь.

Но у нас есть и другие настроения. Люди спешат, выдумывают все новые планы, новые методы, торопятся провести их в жизнь, не проверив их на опыте. Они, видя, что вырастающий на базе нового фундамента социалистической экономики общественный уклад могуче влияет на подрастающее поколение, делают тот вывод, что школа не нужна, выдумывают, что школа будто бы отомрет в будущем, точно не нужно будет всегда организованного, планомерного, систематического, общественного воспитания детей взрослыми. Они не замечают того, как льют воду на мельницу правых. Они перескакивают через трудности. Надо всячески бороться с этими левыми заскоками, с размашистостью. Надо не забывать того, что говорил Ильич: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни». Надо глубже вглядываться в повседневную будничную работу, уделять больше внимания тому хорошему, что делается в ходе работы, оглашать это, делать общим достоянием. Надо травить негодное. Так говорил Ильич. Все это целиком относится к работе над поднятием на должную высоту начальной и средней школы. Надо бороться с «левыми» заскоками, с «левыми» фразами, надо доводить до общего сведения о работе лучших школ, травить небрежное, бюрократическое отношение к учителю, к школе, травить произвол, разрушение хорошего, нужного, бороться с недооценкой значения школы. Советы могут проделать тут громадную работу.. Это их очередная задача.

Политпросветработа в обстановке 1918—1921 годов

1.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ И ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДА *

Восемнадцатый год был первым годом существования советской власти.

Основная мысль Ленина в этот период была та, что надо сломать старую государственную машину и совершенно по-новому построить работу советского государственного аппарата, втянуть в работу управления трудящиеся массы, опереться на их самодеятельность, организовать ее. «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы», — говорил Ленин на съезде по просвещению в августе 1918 г. «Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем. Наше дело обеспечено тем, что массы сами взялись за строительство новой социалистической России. Они учатся на своем собственном опыте, на своих неудачах и ошибках, они видят, насколько просвещение необходимо для победоносного окончания той борьбы, которую они ведут. Несмотря на кажущееся распадение многих учреждений и ликование саботажной интеллигенции, мы видим, что опыт борьбы научил массы браться самим за вершение своей судьбы. Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит» (Соч., т. XXIII, стр. 199).

---

* Статья в сборнике «Политпросветработа».

Само собой, в моих статьях за 1918 г., посвященных вопросам внешкольного образования, отразилось стремление, с одной стороны, дать общие перспективы развития этого дела, поставить его в связь с общей борьбой масс за социалистический строй, с другой — дать наметки тех форм, в каких мы, работники просвещения, мыслили в то время организацию самодеятельности масс в области внешкольной работы и дела народного образования вообще.

Особенно напирала я на организацию советов народного образования. Тут никакого опыта еще не было, если не считать опыта работы в Выборгском районе. Поэтому некоторые пункты, которые относятся к вопросам организации, звучат чересчур абстрактно, но это характерно вообще для 1918 года. К концу августа намечается уже общий план работы, уже разрабатываются конкретные вопросы внешкольной работы.

Всеми этими вопросами горячо интересовался Владимир Ильич. Особо он напирал по библиотечной части и по линии создания популярных книг. Он выдвинул идею необходимости создания из газетных статей и корреспонденций сборников, освещавших вопрос, что такое советская власть, как она организует массы, за что идет борьба. Владимир Ильич как-то даже созвал у нас на квартире товарищей, умеющих писать популярно, тт. Карпинского, Сосновского, Бухарина, Осинского и других, и долго развивал им свои мысли о том, как двинуть через внешкольный отдел в массы популярную литературу о советской власти.

10 декабря за подписью Владимира Ильича был издан декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя». Декрет чрезвычайно характерный, показывающий, как Владимир Ильич считал необходимым втянуть все силы, организовать их на дело пропаганды.

В программе партии, принятой в марте 1919 г. на VIII съезде партии, в подпункте 6 пункта 12, говорящем о деле народного образования, сказано: «Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие советов народного образования, мобилизация грамотных)».

1918 год — год перспективный, потому он представляет для нас особый интерес. Многое из того, что

тогда носило лишь установочный характер, теперь на базе реконструкции народного хозяйства, на базе обширного опыта в области строительства политпросветработы уже осуществляется. Культпоходы, советы культурного строительства и пр. — все это детище Октября.

2

ДВАДЦАТЫЙ ГОД *

Двадцатый год был годом самой ожесточенной гражданской войны, войны на всех фронтах, но Красная армия уже повсюду побеждала. Побеждая, Страна советов выступала с мирными предложениями, ее положение стало укрепляться. И вместе с тем выдвинулся на первый план вопрос о хозяйственном строительстве, об уменьи работать по-новому, о сознательном отношении к труду, о сознательной дисциплине. Вопросы культуры приобретают громадное значение.

С 1 по 8 ноября 1920 г. происходило Всероссийское совещание политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. На нем опять выступал Ильич. На этот раз всю свою речь он заостряет на вопросе *воспитания широких слоев трудящихся*. «Мы не стоим на точке зрения утопической, будто трудящиеся массы подготовлены к социалистическому обществу. . ., — говорил Ильич. — Для работников просвещения и для коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс» (Соч., т. XXV, стр. 449). И далее он говорил о ведущей роли пролетариата в этом деле, о необходимости, руководясь политикой коммунистической партии, помочь пролетариату выполнить его роль воспитателя, организатора и руководителя трудящихся масс. Нужно массам практически показать, как надо социализм строить. «Наша главная политика сейчас

---

* Статья в «Известиях» 23 февраля 1920 г.

должна быть — экономическое строительство государства... И на этом должна быть построена вся агитация и пропаганда» (Соч., т. XXV, стр. 455).

Характерно, что Владимир Ильич в этом своем высказывании ставил перед политпросветчиками задачу агитации и пропаганды и среди учительства. Главполитпросвет превратился в орган государственной пропаганды. Он повел усиленную производственную пропаганду.

Чтобы дать представление о размахе работы, которую проделывал в 1920 г. Главполитпросвет, привожу декрет Совета народных комиссаров от 12 ноября 1920 г.:

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ГЛАВНОМ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ (ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ)

1. Для объединения всей политико-просветительной, агитационно-пропагандистской работы республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны при Народном комиссариате по просвещению учреждается Главный политико-просветительный комитет республики (Главполитпросвет).

2. В соответствии с этой задачей Главполитпросвет в первую очередь организационно объединяет политико-просветительную работу Наркомпроса, Пура, ВЦИКа, Главполитпути, ВЦСПС, ЦК СМ.

Примечание. Объединение политико-просветительной работы Наркомпроса с Главполитпутем, ВЦСПС и ЦК СМ происходит на основании существующих соглашений между ними и Наркомпросом.

3. Все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную политико-просветительную работу, ведут ее под руководством и фактическим контролем Главполитпросвета.

4. Политико-просветительные организации объединяются на следующих основаниях:

1) Целиком входят в состав аппарата Главполитпросвета и во всей своей работе непосредственно ему подчиняются:

а) Политико-просветительный отдел Наркомпроса, Центрагит, Роста, университет имени Свердлова, ВЧК по ликвидации безграмотности;

б) все агитационно-инструкторские поезда, пароходы и другие средства подвижной агитации, в том числе и ВЦИК.

2) На основании и в пределах существующих соглашений в круг ведения Главполитпросвета входят:

а) политико-просветительные организации ЦК СМ;

б) Главполитпуть;

в) культурно-просветительные отделы ВЦСПС и отдельных профсоюзов.

3) Сохраняют свою административную обособленность, выполняют задания Главполитпросвета по его плану и являются подотчетными ему в выполнении этих заданий и им руководимыми в части их политико-просветительной и научно-художественной популяризаторской работы:

а) Тео, Изо, Музо, Лито, Фото-кино, Главмузей;

б) Пролеткульт;

в) Госиздат, ЦРК, Центропечать.

5. Пур сохраняет за собой функции руководства и административного наблюдения за организационно обособленными политическими отделами фронтов, армий и запасных частей и объединяет свою политико-просветительную работу с Главполитпросветом через вхождение представителей Пура в соответствующие органы Главполитпросвета в целях постепенного, по мере выяснения технической возможности, слияния параллельных аппаратов и учреждений.

Политико-просветительная работа в тыловых военных организациях полностью переходит в ведение Главполитпросвета, и соответствующие учреждения Пура сливаются с аппаратом Главполитпросвета, как учреждения первой группы, причем все задания Реввоенсовета республики для Главполитпросвета обязательны.

Работа Пура в части обслуживания политотделов фронтов армий и запасных частей подчинена руководству Главполитпросвета наравне с учреждениями, указанными в § 3.

6. Политико-просветительный аппарат войск внутренней службы целиком сливается с аппаратом Главполитпросвета.

7. Все отнесенные к первой категории § 4 организации и учреждения передают Главполитпросвету технический

свой аппарат: состав сотрудников, оборудование и все учреждения и материалы снабжения и обслуживания.

8. Главный политико-просветительный комитет состоит из председателя, двух его заместителей и двух членов, назначаемых по представлению наркома просвещения Совнаркомом. Председатель и один из его заместителей входят в коллегию Наркомпроса.

9. Главполитпросвет подчинен Народному комиссару по просвещению. Смета Главполитпросвета и его законодательные предположения вносятся в Совнарком через Наркомпрос.

10. При местных наробразах учреждаются областные, губернские и уездные органы Главполитпросвета — облполитпросветы, губполитпросветы и уездполитпросветы,—объединяющие всю политико-просветительную работу по инструкциям, вырабатываемым Главполитпросветом на основах, указанных настоящим декретом.

11. Политпросветработники ударных групп милитаризуются, причем по поводу каждой отдельной группы Главполитпросвет вносит свои предложения на утверждение Совета труда и обороны.

12. Определение порядка и времени слияния вышеперечисленных учреждений и ближайшее разграничение сфер ведения смежных органов и управлений возлагается на Главполитпросвет, выделяющий соответственные комиссии с участием заинтересованных ведомств и обязанный закончить эту работу к 1. января 1921 г.

Слияние органов Пура с Главполитпросветом должно производиться лишь с полной гарантией нормального выполнения своих обязанностей, лежащих в этой области на Пуре.

13. До выработки и утверждения сметы Народным Комиссаром по Просвещению Главполитпросвет пользуется сметными назначениями учреждений, им объединяемых и указанных в пунктах 1 и 2 § 4.

Примечание. Сметы на политико-просветительные работы всех указанных в п. 4 учреждений составляются на 1921 г. в общем порядке, проходя через сметы народных комиссариатов по принадлежности.

По сформировании Главполитпросвета все кредиты, отпущенные по этим сметам, переучисляются в смету Народного Комиссариата по Просвещению по Главполитпросвету.

14. Отпустить Народному комиссариату по просвещению для организации и развития работ по Главполитпросвету на непредусмотренные или исчерпанные кредиты по сметам подлежащих народных комиссариатов на 1920 г. сверхсметным кредитом три миллиарда рублей (3 000 000 000 рублей).

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ульянов (Ленин)

Секретарь Совнаркома *Л. Фотиева.*

Штаты Главполитпросвета доходили в то время до 2 000 человек, штаты губполитпросветов до 150 человек и т. д. Местных бюджетов не было, все учреждения содержались за счет центра.

Не только по Главполитпросвету, но и по всему Наркомпросу проводилась линия на централизацию.

4 ноября 1920 г. вышел декрет о централизации библиотечного дела.

Политика Главполитпросвета в 1920 г. отражала общую политику партии и советской власти в этот период побед на фронте гражданской войны и перехода к хозяйственному строительству.

3

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД *

Двадцать первый год был годом переломным. Заканчивалась гражданская война.

Советская власть получала международное признание, заключались договорные отношения с рядом стран.

На Западе среди рабочих продолжались волнения, симпатии к Советской стране росли. Но внутри страны положение было очень тяжелое.

«Весна 1921 г. принесла, — главным образом, в силу неурожая и падежа скота, — крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелого вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самое «натуру» мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был

---

* Статья в сборнике «Политпросветработа».

кронштадтский мятеж», — писал Владимир Ильич в брошюре «О продналоге» (Соч., т. XXVI, стр. 345).

В конце февраля происходили волнения и забастовки петроградских рабочих в связи с обострением продовольственного положения. X съезд партии (8 — 16 марта) происходил как раз в момент кронштадтского восстания. Весь съезд прошел под знаком самокритики. Особенно был насыщен ею отчет Ленина о политической деятельности ЦК партии. Приведу из него выдержку:

«Затем начался переход от войны к миру, когда нам удалось добиться того, что ни одного солдата вражеских армий на территории РСФСР не осталось.

«Этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены. Несомненно, здесь одна из главных причин той суммы ошибок, неправильностей, которые мы в нашей политике за это отчетное время сделали и от которых мы сейчас страдаем. Демобилизация армии, которую пришлось создавать в стране, вынесшей неслыханной тяжести напряжение, которую приходилось создавать после нескольких лет империалистической войны, — демобилизация армии, перевозка которой при наших транспортных средствах стоила неимоверных трудностей, в момент, когда к этому прибавились голод, вызванный неурожаем, и недостаток топлива, в значительной степени приостановивший транспорт, — эта демобилизация поставила нас, как мы теперь видим, перед задачами, далеко и далеко нами недооцененными. Здесь в значительной степени кроются источники целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического».

«Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних своих остатков, скудных резервов и рессурсов на эту цель, — и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран» (Соч., т. XXVI, стр. 203 — 204).

X съезд поставил во весь рост вопрос о необходимости перехода к новой экономической политике, которая должна была наладить правильные отношения с крестьянством. Продразверстка была заменена

натуральным налогом. Я не буду говорить подробно о новой экономической политике — суть ее хорошо известна. Вопросы учета, хозрасчета потребовали совсем иного построения и политпросветработы.

Еще на X съезде Главполитпросвет представлял собою мощную организацию. Вопрос о Главполитпросвете стоял в порядке дня съезда, по этому вопросу делал доклад секретарь ЦК партии, прикрепленный к Главполитпросвету, т. Преображенский.

После X съезда Главполитпросвет стал быстро свертываться. При переходе на местный бюджет целый ряд его учреждений стал закрываться. Размах агитационной работы значительно сузился, требовалась более глубокая разъяснительная работа, органически связанная с каждой данной отраслью работы. Отсюда вытекало стремление профсоюзов обособить свою культработу. Бюро производственной пропаганды, созданное при ВЦСПС, куда вошел и Главполитпросвет, не развернуло работы. Углубленная работа требовала более систематического, чисто партийного руководства. Укрепился агитпроп при ЦК партии, который и взял на себя партийное руководство культработой, в каких бы органах она ни происходила. Потом в стране свирепствовал жестокий голод.

II съезд политпросветов происходил уже совсем в другой обстановке, чем первый.

В своей речи от 17 октября, сказанной на этом съезде, Ленин указывал на новые формы и содержание политпросветработы: не только учить грамоте, не только помогать учиться, не только проводить массовую кампанию, но, стоя в гуще масс, бороться за все то, за что борется партия. На данном этапе одной из самых основных задач была борьба с бюрократизмом в его конкретном проявлении, борьба со взяткой и волокитой. Надо было по-новому строить всю политпросветработу, вкладывать в нее более глубокое содержание. В обстановке нэпа сделать это было трудно. Все острее и острее ставился вопрос о том, надо ли существовать вообще политпросветам.

Об этом пришлось уже писать мне в одном из декабрьских номеров «Правды».

Ленинские дни*

В последнее время внимание всех привлекает вопрос о том, что говорил Владимир Ильич по философии, как он занимался философией, как к ней подходил. Я не буду подробно на этом вопросе останавливаться. Скажу только, что философия для Владимира Ильича была тоже орудием борьбы, и еще в Сибири он чрезвычайно много занимался вопросами философии, конечно, постольку, поскольку там под руками были соответствующие книги. Библиотеки не было там, конечно, никакой, а были книги, которые удалось с собой привезти. Над этими книгами Владимир Ильич и работал. Тогда уже он придавал занятиям по философии чрезвычайно большое значение. Ему приходилось спорить с т. Ленгником по некоторым философским вопросам, и он тогда подчеркивал, что философия нужна для того, чтобы найти правильный подход к оценке всех явлений. Мы видим, что действительно во всех подходах ко всем вопросам он стоит на точке зрения диалектического материализма. Он умел брать каждое явление, каково бы оно ни было, не как нечто закостенелое, — он каждое явление берет в развитии, в той обстановке, в какой дело происходит, берет его во всех опосредствованиях. Надо сказать, что Владимир Ильич любил иногда заглянуть вдаль и помечтать о будущем. Я помню один разговор о войне. Это было в начале 1918 г. в Ленинграде. Владимир Ильич говорил, что современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной. Потом к этому вопросу Владимир Ильич вернулся в 1920/21 году.

---

* Доклад в Институте марксистско-ленинской педагогики. Напечатан в журнале «На путях к новой школе» № 2, 1931 г.

Он рассказывал мне про один разговор с инженером, который говорил, что сейчас на очереди стоит такое изобретение, что можно будет на расстоянии уничтожить большую армию. Это сделает всякую войну невозможной. Ильич с большим увлечением говорил об этом. Видно было, как страстно он хотел, чтобы война стала невозможной. Ильич брал вопрос о войне в его развитии. К какому бы вопросу он ни подходил, он брал явления не в застывшем виде. С самого начала, когда он стал марксистом, он ясно себе представлял ту громадную роль, какую сыграет рабочий класс в истории. Он в самых первых статьях говорил о той громадной исторической роли, которую суждено сыграть рабочему классу. Но в то же время, говоря о рабочем классе, он говорил всегда о конкретном рабочем классе. Говоря о нашем русском рабочем классе, он говорил о том, что собой в данный момент этот класс представляет.

На разных стадиях развития за все годы революционной деятельности каждый раз он отмечал особенности рабочего класса на данном этапе. Он указывал на все то, что помогает развитию рабочего класса, указывал на то, что связывает по рукам рабочий класс в его борьбе. И этот вопрос он умел ставить, всегда беря его в его развитии. Недавно Горький прислал письмо, в котором он вспоминает разговор с Лениным, который происходил в 1919 году. Владимир Ильич жил в Горках. Горький приехал, взволнованный бытовыми вопросами, и рассказывал, как в Ленинграде рабочие не умеют беречь общественного имущества. Они разбирали деревянные дома на топливо. Горький указывал, что попутно рабочие били стекла, бросали кровельное железо и все ломали. Страшно неэкономно все делалось и было небрежное отношение к общественному труду и общественному имуществу. Горький говорит, что Владимир Ильич промолчал и ничего не сказал, и он подумал, что не следовало бы рассказывать Владимиру Ильичу таких мелочей. Потом, когда они пошли на прогулку, Владимир Ильич сказал: «Напрасно вы думаете, что это мелочи, это совсем не мелочи, это чрезвычайно важный и большой вопрос. Бережное отношение к общественному имуществу, умение экономить и сохранить общественное имущество—

это большое дело. Но дело в том, что сознательное отношение к труду должно длительно воспитываться. Нельзя сейчас от рабочих, которые жили при капитализме и только несколько лет живут при советской власти, — нельзя требовать от них сознательного отношения к труду. Если у них будет сознательное отношение к труду, значит они будут социалистами, а это сразу не дается».

В данном конкретном случае, как всегда, Владимир Ильич прекрасно видел и ни на минуту не забывал той роли, какую сыграет рабочий класс во всем движении, но в то же время, понимая и изучая рабочий класс, он знал все его недостатки.

Если вы просмотрите целый ряд его статей, вы увидите это чрезвычайно трезвое отношение к рабочему. У Владимира Ильича совершенно исключительное отношение к рабочим. Он говорил, что до конца положиться мы можем только на рабочий класс. Говоря это, он в то же время тщательно изучал все особенности рабочего в данный период. То же самое мы имеем и в отношении крестьянства. На разных стадиях развития крестьянства он понимал роль отдельных прослоек. Он видел, как под влиянием революционного движения внутри крестьянства меняется соотношение прослоек. Интересно это проследить на протяжении всех лет.

Подходя к вопросам культуры, Владимир Ильич также не брал вопросы культуры как нечто неизменное, не меняющееся, а брал культуру во всех ее опосредствованиях. В своей первой большой работе «Что такое «друзья народа»» он подробно останавливается на взаимоотношениях экономики, политики и культуры. Как-то Энгельс в одном из писем указывал на неправильный подход, когда резкую грань ставят между причиной и следствием и говорят: «это причина, а это следствие», и не видят их взаимодействия. В этом отношении интересно, как Владимир Ильич брал вопросы культуры. Как марксист, он понимал все значение экономики. Как раз книга «Что такое «друзья народа»» посвящена полемике с народниками. Народники к вопросам культуры подходили чрезвычайно наивно. Им казалось, что просто от непонимания зависит то, что у нас такой низкий уровень культуры, и

все дело только в том, что надо кого-то убедить в том, что надо поднять культуру на более высокий уровень.

Южаков строил планы о том, как покрыть всю страну гимназиями. Это при царизме, при мелком нищем крестьянском хозяйстве. Народникам вообще и Южакову в частности казалось, что все это не имеет значения, — какую хочешь культуру, такую и построишь. Против этого возражал Ильич и доказывал, что определенному экономическому уровню соответствует и определенный вид культуры. Тут есть определенные границы, многое зависит еще и от политического уклада. Целый ряд звеньев определяет культурное развитие. Он возражал народникам, которые думали, что при царизме на любом экономическом уровне можно построить любую культуру. Возражая, он в то же время указывал на важность культурного развития и на то, как более высокий культурный уровень в свою очередь способствует экономическому развитию. Эта книга «Что такое «друзья народа»» написана в 1894 году. Там Владимир Ильич определенно указывает на взаимодействие между уровнем экономическим и культурным. В дальнейшем в своих произведениях Владимир Ильич также останавливается на этом вопросе. Если внимательно читать из тома в том его произведения, то можно наблюдать такую вещь, что одна и та же мысль, одна и та же идея у него повторяется на протяжении многих лет. Он опять вновь и вновь возвращается к какой-нибудь раз уже высказанной мысли, только он по-другому ее излагает. Он берет ее в данной конкретной обстановке. Вот, например, в книге «Что такое «друзья народа»» он приводит пример, как на определенном экономическом уровне в мелком крестьянском хозяйстве, где каждый работает только на своем клочке земли, когда он мало имеет дело с другим хозяйством, как каждый заботится о себе, и как вырастает психология — «каждый за себя и бог за всех». Он об этом писал в 1894 г. и потом гораздо позднее — в 1920 г. уже при советской власти, выступая на беспартийном собрании в Краснопресненском районе, он повторяет ту же мысль. Только он сейчас делает из нее целый ряд выводов: обращаясь к рабочим, связанным тесно с деревней, беспартийным рабочим, он говорит о том, что при советской власти это пред-

ставление о том, что «каждый за себя и бог за всех», не может иметь места. Сейчас надо общими усилиями добиться другого порядка. Первый раз, когда он говорил, он только констатировал факт. Теперь он этот факт опять приводит, но приводит, чтобы показать, что с этим фактом надо бороться. Обращаясь к массе беспартийных рабочих, он указывает на это и зовет их к другому порядку. Характерно, что в произведениях Владимира Ильича одна и та же мысль на протяжении многих лет повторяется. Но каждый раз в определенной конкретной обстановке эта мысль как-то оживает, делается более актуальной, более близкой и более приятной. И каждый слышит эту мысль по-новому, потому что она берется как-то по-новому, — это не есть просто повторение старого. В мыслях о культуре мы видим то же самое. В 1918 г. Владимир Ильич писал статью «Очередные задачи советской власти». Кстати сказать, эта статья до чрезвычайности актуальна. Она имеет значение и для данного момента. Там Владимир Ильич говорит о производительности труда, о том, каким путем поднять производительность. Он указывает, что основное, что необходимо, — это развитие индустрии, развитие промышленности, а другое, что необходимо и что имеет громадное значение, — это поднятие образования и культурного уровня. О культурном уровне он говорит, как о факторе, который влияет на поднятие производительности труда. Как многие хозяйственники смотрят на культуру? — Им кажется, что культура не важна, и что самое важное — это только машины для развития промышленности, и они думают, что культура никакой роли не играет. Часто можно видеть, как хозяйственник выпирает библиотеку, и вместо библиотеки устраивает какую-нибудь контору, которую можно сделать в другом месте. И когда рабочий напирает в отношении культуры, хозяйственник как бы делает уступку и не понимает всего того значения, какое имеет культура, которая в свою очередь влияет на экономику и влияет на сознательное отношение рабочих к труду. Для поднятия производительности труда нужны не только машины, но нужно сознательное отношение рабочих к труду. Это в значительной степени зависит от образовательного уровня. Об этом говорил Владимир Ильич в 1918 г., потом в 1923 г., в последних своих

статьях, которые он диктовал, уже будучи больным, в которые он старался вложить все то, что он хотел передать товарищам, остающимся на работе. Он особенно обдумывал эти статьи. И тут мы видим, что он опять говорит о той громадной работе, которую надо произвести в крестьянстве, чтобы поднять деревню до уровня города. Последняя его статья, которую он хотел продиктовать, но уже не смог, это была статья о ликвидации безграмотности. Он хотел связать вопросы ликвидации неграмотности с вопросами производственной пропаганды, вопросы, которым он точно так же придавал громадное значение. Мы видим, что в статьях 1894 г. и 1918 г. и в 1923 г. вопросы культуры везде выступают у Владимира Ильича и он со всей силой подчеркивает значение культуры, ни на одну минуту не забывая того, что культура вырастает на базе определенного экономического уровня. Владимир Ильич не берет культуру как нечто изолированное, взятое вне времени и пространства. Он эту культуру считает увязанной со всеми сторонами жизни. На II съезде политпросветчиков он говорил, что раз назвались политпросветчиками, то вам до всего должно быть дело. В стране процветает взяточничество. Если вы действительно политпросветчики, если вы по-настоящему поднимаете культуру, то вы должны поставить себе задачей борьбу со взяткой. Он говорил не об административной борьбе со взяткой, а о такой борьбе, когда создается определенное общественное мнение, которое делает невозможной эту взятку. Эту увязку со всеми сторонами жизни Владимир Ильич неустанно подчеркивал. Это придавало его высказываниям о культуре чрезвычайно большую конкретность, и отсюда понятно то, что он говорил о Пролеткульте. Почему он спорил с Пролеткультом? — Потому, что Пролеткульт эту сторону, увязку культуры со всеми сторонами жизни, недоучитывал. Пролеткультовцы думали, что можно построить специальную пролетарскую культуру, которая не будет связана со всей окружающей жизнью, т. е. культуру, которая будет представлять нечто обособленное, нечто замкнутое.

Против этого резко возражал Владимир Ильич. И в то же время вы у него часто встречаете выражения «пролетарская культура». Но он пролетарскую культу-

ру понимал совершенно в другом смысле. И в своей первой большой книге «Что такое «друзья народа»», в 1894 г., он там уже говорит о буржуазной культуре. Слов «пролетарская культура» он не употреблял еще, но говорил о том, что рабочие враждебны буржуазной культуре. Это очень характерно. Он ясно и четко ставит вопрос о том, что нет культуры вообще «какой-то», а есть культура определенного класса. И вот об этой классовой буржуазной культуре он говорит в первом своем большом произведении. Конечно, рабочий класс строит свою культуру, но ту культуру, о которой говорил Владимир Ильич, он ее мыслил увязанной со всеми сторонами жизни и заключающейся не в создании какой-то специфической, пролетарской литературы, а он считал, что пролетарская культура должна пропитывать насквозь всю жизнь, на все влиять и на все класть свой отпечаток. В этом было отличие точки зрения Владимира Ильича от пролеткультовской. Как он смотрел на буржуазную культуру? Характерно, что он говорил об этой буржуазной культуре позже в «Очередных задачах советской власти». Он говорил, что буржуазная культура подняла массы на более высокую ступень. С одной стороны, он видит положительную сторону буржуазной культуры, и эту сторону он часто подчеркивал. Сравнивая полукрепостническую культуру с культурой страны, где развит капитализм, он показывал, что наша полукрепостническая культура, выросшая на базе мелкого хозяйства, значительно ниже буржуазной культуры. И в то же время он пишет, что рабочие буржуазных стран находятся в культурном рабстве. Тут он видел другую сторону культуры. Владимир Ильич берет культуру во всей ее сложности. С одной стороны, буржуазная культура подняла рабочего на более высокую ступень, а с другой стороны, в силу классового своего характера эта культура подавляет рабочего. Владимир Ильич брал понятие о культуре во всей его сложности. Это чрезвычайно характерно для Владимира Ильича. Вспоминается мне один разговор с Владимиром Ильичем, когда он был болен. Я прихожу и рассказываю, что я прочитала в одном американском журнале, что американцы собираются к такому-то году ликвидировать свою безграмотность. А когда мы ликвидируем, — это

не известно. Он говорит: «Мы может к тому же сроку ликвидировать, только при том условии, если массы возьмутся». Это «если массы возьмутся» характерно для всей точки зрения Владимира Ильича. Он смотрел на массы как на главнейший движущий фактор, который создаст нечто новое.

Характерны высказывания Владимира Ильича по вопросу о науке. Он тоже науку не просто брал как нечто отвлеченное, — он брал науку в зависимости от того, в руках какого класса она находится. Одно значение имеет наука, когда она в руках класса капиталистов, другое значение, — когда она в руках пролетариата.

В своей речи на III съезде советов Владимир Ильич сказал: «Раньше наука была в руках буржуазии, в руках немногих, была средством порабощения масс, она была в руках этой небольшой кучки средством эксплуатации, а отныне, при советской власти, наука никогда не будет служить целям эксплуатации, все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием. Этот подход к науке чрезвычайно характерен. Это было в начале 1918 г., когда процветал саботаж, когда учителя и инженеры бастовали, и Владимир Ильич говорил, что люди из науки делают барьер, хотят науку использовать только в одном направлении и хотят быть на службе у капиталистов, чтобы наука служила капиталу, а не массам. В одной из своих речей, тоже в начале 1918 г., он говорит что «...ум десятков миллионов создаст гораздо более высокое, чем самый великий гений». Эти слова особенно характерны для Владимира Ильича. Учение о роли массы, о творческой значимости массы, о чем Маркс и Энгельс не раз говорили, это было воспринято Владимиром Ильичем и развито им полностью. И во всем и всегда Владимир Ильич так подходил.

Недавно праздновали десятилетие плана ГОЭЛРО. По этому вопросу была переписка Владимира Ильича с Кржижановским. Многим попадалась вероятно эта переписка. Там Ленин говорит, что надо перед массами поставить большую практическую задачу — электрифицировать страну, надо зажечь массы желанием добиться электрификации, вовлечь массу в это дело.

В последних своих статьях Владимир Ильич писал,

что для того, чтобы построить социализм, нам надо сейчас добиться крупной индустрии,— в этом, и только в этом, наша надежда. Надо с обнищалой лошади пересесть на лошадь крупной индустрии, на лошадь Волховстроя.

Как он мыслил себе построение этой крупной индустрии? — Он не мыслил, что это можно сделать приказом. Еще раньше, перед этим, он поставил вопрос о социалистическом соревновании, о вовлечении при помощи соцсоревнования рабочих в дело строительства крупной промышленности. Когда он это писал, тогда это практически не нашло применения, потому что тогда условия были таковы, что это не могло широко развиться. Когда Владимир Ильич писал, это было такое время, когда рабочие не столько думали о производительности труда и о повышении производительности труда, сколько о том, что теперь они хозяева. Я помню, как в Политпросвет пришла одна работница и рассказывала, что они сегодня не работают, так как: «Мы хозяева, так мы постановили не работать». Вот какая была психология! Это надо было пережить. Это была определенная стадия, которая была неизбежна. Из года в год у нас сознательность росла. Теперь мы видим, какой размах приняло это соцсоревнование и как воспитывается сознательное отношение к труду.

Какую бы мысль, какую бы идею Владимир Ильич ни выставлял, он всюду на первый план выдвигал самостоятельность массы. Это является характерной чертой марксизма вообще. Сохранилась переписка Маркса и Энгельса по поводу Лассаля, в которой Маркс говорил, что ошибка Лассаля была в том, что он думал, что прусское правительство поможет рабочим, а на самодеятельность рабочих не обращал внимания. Маркс подчеркивал, что в этом у него всегда было расхождение с Лассалем. Самое важное, что Маркс считал, — это необходимость поднять самодеятельность масс. Все рабочее движение идет по этой линии, и когда Владимир Ильич в последнее время в своих статьях писал о культурной революции, он точно так же имел в виду эту самодеятельность масс.

В чем заключается культпоход? — Он заключается в том, что за дело взялась сама масса. Культпоход явился результатом самодеятельности масс. Характерно,

что в самой отсталой центрально-черноземной полосе, которая более всех была затоптана помещиками, самодеятельность масс выявилась наиболее бурно. Тов. Шацкий рассказывал, как ликбезники сидят в избе, и крестьянин, который пускает задаром к себе в избу ликбезников, сидит и чинит топором карандаш. Помогают друг другу в учебе, чем могут. На этой почве выросло большое движение. В нем ребята и взрослые принимают участие.

Сейчас, семь лет спустя после смерти Владимира Ильича, особенно понятными и близкими делаются некоторые его лозунги. Многое из того, что он в свое время говорил и на что тогда не обращалось должного внимания, теперь становится особенно понятным и особенно актуальным. Например, его статья «Очередные задачи советской власти», написанная в 1918 г., сейчас до чрезвычайности актуальна, как и речь Владимира Ильича на III съезде комсомола, сказанная в 1921 г.; комсомольцы перепечатали ее в двух миллионах экземпляров и проработали у себя в ячейках. И правильно сделали, ибо эта речь является сейчас руководством к действиям и имеет сейчас колоссальное значение. Сейчас она тому же комсомолу гораздо понятнее и ближе, чем она была в тот момент, когда была сказана. Сейчас развитие крупной промышленности будит сознательность. Пожалуй, больше всего это отражается на молодежи. Молодежь особенно впечатлительна. И строительство крупной индустрии особенно захватило молодежь. Мы видим, что молодежь идет в первых рядах ударничества, идет впереди по соцсоревнованию, что она охвачена громадным энтузиазмом и на этом деле чрезвычайно растет. И больше, может быть, она в этом отношении захвачена, чем взрослое население. Теперь, когда растет молодежь, особенно понятны ей те лозунги и те указания, которые в свое время делал Владимир Ильич. Именно благодаря тому, что они теперь более понятны, ближе и яснее выступают на фоне нашего теперешнего развития, особенное значение имеет то дело, которое мы все начали, — это собирание того, что говорил Владимир Ильич в разные эпохи и в разное время. И не только те специальные статьи его, которые писаны по вопросам культуры, но важны все высказывания его по этим

вопросам. У Владимира Ильича нельзя оторвать вопроса культуры от всех других вопросов. Все это связано в один узел, и чтобы понять по-настоящему Ленина, нужно брать его высказывания во всех опосредствованиях. У нас много цитируют Ленина. Редкая статья по культуре написана без цитаты. Но эти цитаты вырываются из разных периодов и поэтому, хотя читаются с интересом, но потом забываются, потому что не видно тех опосредствований, в которых они были сказаны. Мне кажется, что здесь нужна большая коллективная работа над собиранием всего того, что сказал Владимир Ильич. Нет собрания всех декретов, которые были изданы Владимиром Ильичем по вопросам культуры, а между тем таких декретов было достаточное количество. И декретов, которые близко соприкасаются с вопросами культуры. Тут очень большая работа, и эту работу можно проделать, если просвещенческие массы коллективно за нее возьмутся. *(Аплодисменты.)*

(На просьбу рабочих поделиться личными воспоминаниями об Ильиче т. Крупская говорит):

Вспоминается первое время знакомства с Владимиром Ильичем. Это было в 1894 — 1895 гг. в Ленинграде. Владимир Ильич тогда ходил в рабочие кружки, и интересно, как он проводил занятия в рабочих кружках. Половину времени он уделял на то, чтобы объяснять рабочим «Капитал» Маркса. Надо сказать, это может показаться странным, что как это он такую трудную и толстую книгу сразу несет рабочим, неквалифицированным рабочим 1894 г., рабочим, мало еще развитым, идет с объяснением научной большой книги. Это вытекало из всех взглядов Владимира Ильича. Он не считал, что рабочему надо давать что-то такое упрощенное, а считал, что ему нужно дать всю науку целиком. И, как все марксисты, он получал страшно много от Маркса и считал, что рабочему тоже надо рассказать, что Маркс говорил. Учение Маркса Владимир Ильич считал чрезвычайно важным, так как это — учение, которое дает возможность видеть далеко вперед. С рабочими он занимался чтением Маркса половину времени, а половину времени он употреблял на то, чтобы спрашивать рабочих об их условиях труда и об

условиях жизни. И один рабочий в своих воспоминаниях говорит: «Вспотеешь, так закидает вопросами».

Характерно, что в разговоре с рабочими Владимир Ильич очень внимательно вслушивался и во все, что рабочий говорит и как он говорит. Разговаривая с рабочим где-нибудь в кружке или с каким-нибудь приезжим товарищем рабочим позднее, за границей, Владимир Ильич потом долго ходит по комнатам и этот разговор со всех сторон обдумывает.

Владимир Ильич обладал умением вслушиваться и обдумывать каждую мелочь. После 1905 г. он мне как-то говорит: «Ты замечаешь, как рабочие никогда не говорят: 1905 год, а говорят просто «пятый» год. Это показывает, что рабочий этот пятый год выделяет, что он оставил глубокое впечатление. И они прямо считают достаточным употребить слово «пятый». И потом сам стал писать «пятый». Владимир Ильич внимательно вдумывался во все, что говорил рабочий, и старался подхватить каждую инициативу. В 1917 г. мы приехали из-за границы в Россию. Перед Октябрьской революцией приходилось со многими рабочими разговаривать. Помню, один шахтер приехал и рассказал, как рабочие захватили шахты и организовали правильную охрану всех машин, как организовали снабжение и т. д. Владимир Ильич говорил: «Вот у кого нужно учиться!»

И каждую инициативу рабочих он подхватывал. Я помню, мы в пятом году, когда приехали из-за границы, остановились в гостинице, и прислуживающие девушки, собираясь на собрание, обсуждали политические вопросы. Я, помню, пошла на собрание и потом рассказала Владимиру Ильичу о том, что там говорилось и как выступали работницы. Владимир Ильич лестно отозвался о моих наблюдательских способностях. После этого я привыкла, когда что-нибудь наблюдаешь или разговариваешь, мысленно уже формулировать, как я это расскажу Владимиру Ильичу. До сих пор я себя ловлю, что мысленно формулирую то, что надо бы, хотелось бы рассказать Ильичу. Он умел научить ряд товарищей вслушиваться и присматриваться к тому, что говорят рабочие. Еще в самом начале, когда он был в ссылке, он писал за границу Плеханову и Аксельроду: «Ничего бы я так

не хотел, как научиться писать для рабочих». В своих статьях, писанных для рабочих, Ильич ставил вопросы по-серьезному: не упрощая, не вульгаризируя, но говоря все, что надо сказать.

В своих воспоминаниях о 1917 годе один рабочий говорил: «Он с нами всегда всерьез говорит». Он вслушивался в то, что говорит рабочий, и сам говорил всерьез, как с близким товарищем. Поэтому рабочие относились к нему, как к особенно близкому человеку, который умеет подойти, умеет передать и рассказать свои мысли. Он часто рассказывал о своих разговорах с рабочими по поводу того или другого события. В последнее время он уже болен был: у него последний год пропала способность речи, и он только мимикой и жестами мог выражать свои мысли. Раз его провезли по дороге, он видит, что рабочий красит крышу; он быстро здоровой рукой снимает фуражку. Помню, приехал сапожник снимать мерку для протеза, и в то же время — доктор. Он на доктора не обращает внимания, а рабочему подвигает еду, всячески его угощает.

Вообще доктора охраняли Владимира Ильича от посещений.

Владимир Ильич говорил как-то, что в совхозах надо разводить новые растения, совхозы должны быть показательными, нужно из-за границы выписывать новые сорта растений. Мне вспоминается, как в 1920 г., зимой, Ильич ездил в деревню Горки поговорить с крестьянами. Говорили, между прочим, о том, что совхозы должны быть показом. Я помню, стоит один крестьянин и говорит: «Да должны-то должны, но какое хозяйство в совхозе в Горках, лошадей к весне подвешивают, — так плохо их кормят». В связи с этим разговором помнится и другой. Как-то идем мы в Горках, а навстречу нам идет заведующий хозяйством. Владимир Ильич говорит: «Как вы помогаете крестьянам?» А тот отвечает: «Капусту им продаем». Даже вопроса не понял.

Во время болезни Владимира Ильича рабочие узнали от кого-то, что Владимир Ильич интересуется разведением растений, и привезли отростки молодых яблонь и стали звать его вниз с ними поговорить. Ильич пошел. Характерно то, что хоть Владимир Ильич не мог

уже и тогда говорить, они этого не заметили, и на другой день писали в газете, что Владимир Ильич говорил им то-то и то-то. Настолько у него была выразительна мимика, что они не заметили, что он не может говорить, настолько взаимное понимание было достигнуто, что могла иметь место такая ошибка.

Как-то в канун нового года в 1918 г. в Ленинграде я сагитировала Владимира Ильича поехать в Выборгский район. В манеже была большая встреча нового года, часть рабочих ехала на фронт. Владимир Ильич остался очень доволен вечером, и рабочие, очень довольные, принялись его качать. От этого вечера у него осталось светлое впечатление. Потом мы тут, уже в Москве жили, вспомнили Выборгский район и под новый год в 1920 г. поехали по районам

Вся эта тяга к рабочим у Ильича была связана с пониманием той роли рабочего класса, которую, по убеждению Владимира Ильича, он должен сыграть, она была связана со всеми надеждами, которые он возлагал на рабочий класс. Это отношение к рабочему классу вытекало из его понимания тех задач, которые стоят перед рабочим классом. *(Аплодисменты.)*

Десять лет назад и сейчас*

10 лет тому назад, 17 октября 1921 г., т. Ленин выступил на II съезде политпросветов.

Это был момент перехода к новой экономической политике. Речь Владимира Ильича надо брать в связи со всеми его речами и выступлениями за этот период. Это был период полного развала промышленности, вместе с тем и период известного деклассирования пролетариата. Фабрики стояли, рабочие делали зажигалки, разъезжались по деревням и т. д.

«Промышленный пролетариат... благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез», — говорил т. Ленин на II съезде политпросветов (Соч., т. XXVII, стр. 41). Нужно было сохранить чрезвычайно большую трезвость мысли, чтобы уметь посмотреть прямо в глаза такой горькой истине. Но Владимир Ильич умел смотреть правде в глаза. После поражения революции 1905 г., в период второй эмиграции, Ильич думал о предстоящих победах пролетариата. Так и в данный момент. Пролетариат деклассирован, мелкобуржуазная стихия влияет на пролетариат.

В тезисах о роли профсоюзов, написанных Владимиром Ильичем в самом конце декабря 1921 г., он пишет: «И компартия и совучреждения, ведущие культурно-просветительную работу, и все коммунисты среди профсоюзов должны поэтому обратить гораздо большее внимание на идейную борьбу с мелко-буржуазными влияниями, течениями и уклонами среди профсоюзов»

* Статья в журнале «Молодая гвардия» № 19—24, 1931 г.

(Соч., т. XXVII, стр. 156). Главполитпросвет был советским учреждением, ведущим культурно-просветительную работу, следовательно, эта директива имела прямое отношение и к нему. И в своей речи на II съезде политпросветов Ленин требовал: «Очень хорошо, что вы учите народ читать, писать, проводить экономическую кампанию, это все очень хорошо, но это не политическое просвещение, потому что политическое просвещение означает подведение итогов всему» (стр. 50).

Должно быть дело политпросветчикам и до профсоюзов. И мы, политпросветчики, усердно изучали, что писал Владимир Ильич о роли профсоюзов, о том, как они должны работать с массой. Мы читали и перечитывали, что коммунисты «должны жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные стремления, потребности, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд» (там же, стр. 153). Мы учились тому, что — тому, кто работает с массой, «необходим еще особый такт, уменье подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений подъема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом» (там же, стр. 154).

Оценивая текущий момент в своей речи от 17 октября, Владимир Ильич говорил о том, что надо, ни на минуту не упуская из виду поставленной цели, не сдавая позиций, изменить тактику, овладеть этой мелкобуржуазной стихией и, не покладая рук, сурово учась, выиграть время для того, чтобы подвести экономический фундамент «для нового, социалистического, здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического» (там же, стр. 29), нужно создать «подъем производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей» (там же, стр. 40).

«Надо поставить дело так, чтобы каждый трудящийся прилагал свои силы к укреплению рабоче-кре-

стьянского государства. Только тогда может быть создана крупная промышленность.

«Нужно, чтобы сознание это проникло в массы и чтобы оно не только проникло в массы, но и закрепилось в них практически. Вот откуда, — говорю я, — подчеркивал Владимир Ильич, — вытекают задачи Главполитпросвета» (там же, стр. 47).

В своей речи от 17 октября Владимир Ильич горячо говорил о необходимости повышения культуры. Надо ликвидировать неграмотность. Безграмотный человек стоит вне политики. Но этого мало. Нам надо громадное повышение культуры. «Надо добиться, чтобы уменье читать и писать служило повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это уменье читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства» (там же, стр. 48 — 49). Владимир Ильич говорит о том, что политпросветчик должен уметь бороться с волокитой, со взяткой, с бюрократизмом, бороться, как и рядовой гражданин, показывая, как это надо делать. Надо не хвалиться тем, что ты коммунист, не чваниться, а работать вместе с массой, вовлекая ее в борьбу с бюрократизмом, со взяткой. Вылечиться от бюрократизма можно лишь подъемом культуры. Надо научиться просвещать, проявлять на культурном фронте наибольшее упорство, настойчивость и систематичность.

Владимир Ильич говорил о важности подъема культуры не потому, конечно, что он пришел на съезд политпросветов, а потому, что он хотел перед всей страной подчеркнуть самую настоятельную необходимость борьбы за повышение культуры.

Говорил он об этом и на VII московской губпартконференции, и в статье «О значении золота», и на IX Всероссийском съезде советов. Говорил о необходимости воспитывать «широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности» (там же, стр. 143). В конце своего заключительного слова на съезде Ленин указывал на то, что «задача Наркомпроса в новом периоде заключается в том, чтобы в наиболее короткий срок создать кадр специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих, и предлагает (съезд. *Ред.)* еще более усилить связь школьной

и внешкольной образовательной работы с о з л о б о д н е в н ы м и хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности» (там же, стр. 144). И, намечая план речи на XI съезде РКП(б) в пункте 15-м, Ильич пишет: ««Гвоздь момента» (звено цепи) — разрыв между величием поставленных задач и *нищетой* не только материальной, но и *культурной*» стр. 217).

С тех пор, как была сказана т. Лениным речь на II съезде политпросветов, прошло 10 лет. Эта речь особо красочно иллюстрируется теперь. Уже создан экономический фундамент социалистического здания, индустрия быстро развивается, бедняки и середняки объединили свое хозяйство в колхозах, идут следом за все крепнущим рабочим классом; кулак ликвидирован как класс. Совсем уж другая стадия развития.

А культура? В деле ликвидации неграмотности мы, благодаря культпоходу, значительно продвинулись вперед. У нас уже Ленинград превратился в город сплошной грамотности, то же Боровический район, то же Адыгея и пр. У нас начало проводиться всеобщее обучение: провели его по РСФСР в объеме четырехлетки, охват ребят от 8 до 11 лет 97,1% (без автономных республик), по автономным республикам — 87,9%. Школу начали политехнизировать, прикрепили к заводам, колхозам, бьемся за качество учебы.

Нет сомнения, культурный уровень страны значительно повысился; выросло сознательное отношение к труду. Но разве все уже сделано на культурном фронте? По ликвидации неграмотности хвостов больше чем достаточно. Ликвидация неграмотности часто весьма проблематичная. Более углубленная учеба развернулась далеко недостаточно, политическое просвещение масс, о котором говорил Ленин, еще недостаточно осуществляется. Политпросветработа, в связи с проведением в жизнь всеобуча, сосредоточения главной заботы на нем, порядком-таки подзавяла, политпросветы были даже закрыты. Школа также еще выглядит временами убого, а между тем требование на политпросветработу, на культурное обслуживание поднялось очень сильно. Работа нужна во-всю. Как 10 лет тому назад, надо уметь связывать политпросветработу с глубокой оценкой текущего момента, его особенностями в целом. И это по всей линии работы. Таков завет Ильича.

Десятилетие речи Ленина на II съезде политпросветов *

Товарищи, те, кто работал раньше в Политпросвете при Владимире Ильиче, знают, какое громадное внимание уделял всегда Ленин вопросам политпросветработы. Владимир Ильич интересовался всем, что касается этой работы: и библиотечным делом, и ликвидацией неграмотности, и распространением газет в широких массах и т. д. Он интересовался этим настолько, что не только выступал на больших собраниях, но иногда приходил на небольшие совещания, раза два приходил на совещания политпросветов по текущим вопросам, вызывая постоянно к себе работников-политпросветчиков.

На I съезде внешкольного образования Владимир Ильич выступил с большой речью. Вначале он приветствовал съезд, а затем произнес большую политическую речь. Надо сказать, что на внешкольное дело до революции смотрели как на дело чисто культурническое, и поэтому важно было, чтобы тот поворот, который произошел во внешкольном деле после революции, именно то, что вся политпросветская работа, вся внешкольная работа проникнута политикой, — важно было это подчеркнуть. И поэтому Владимир Ильич выступил на съезде по внешкольному образованию, который происходил в мае 1919 года. Он выступил на этом съезде с характеристикой тогдашнего положения, он произнес большую речь, которая означала поворот во всей внешкольной работе, во всей политпросветской работе и давала перспективу на долгое время.

На следующий год, когда внешкольное образование стало называться у нас политпросветской работой,

---

* Стенограмма доклада на вечере в Обществе педагогов-марксистов. Сборник «Политпросветработа».

Владимир Ильич выступил на I съезде политпросвета. Это было в 1920 году. На этом съезде Владимир Ильич очень много говорил о необходимости освещать все вопросы экономической политики, освещать вопросы строительства нашего в области хозяйства, причем подчеркнул особенно ту мысль, что надо политически осмысливать это экономическое строительство, помочь массам осознать все значение того строительства, которое происходит. Этому и была посвящена речь на I съезде политпросветов.

На II съезде политпросветов, в октябре 1921 г., Владимир Ильич точно так же связал все вопросы политпросветработы с вопросами текущего момента. Он начал с того, что доклады на съездах, посвященные общему положению, обыкновенно носят характер информационный. Это совершенно неправильно. Надо, чтобы это была не только информация, а чтобы давался отчет об общем положении, о внутреннем и внешнем положении, причем давалось бы с той целью, чтобы из оценки этого положения можно было бы сделать выводы для практической работы. Выступая на этом съезде, Владимир Ильич дал очень четкую характеристику переживаемого момента. Это был 1921 год — год перехода к новой экономической политике. С необыкновенной трезвостью мысли, с необыкновенной четкостью Владимир Ильич охарактеризовал то тяжелое положение, какое было в тот момент. Он указывал, что та разруха, которая царила в стране в это время, привела к ослаблению рабочего класса. Фабрики стояли, рабочие разъезжались по деревням или делали зажигалки, жили, не работая на заводе, а старались кое-как просуществовать. Это, конечно, не могло не отразиться и на настроении рабочего класса, и Владимир Ильич прямо говорил: рабочий класс у нас сейчас мелкобуржуазная стихия. Чтобы так сказать, надо, конечно, было иметь очень большую трезвость мысли, надо было глядеть правде прямо в глаза, ибо все свои надежды большевики возлагали на рабочий класс, и установить тот факт, что рабочий класс деклассирован, это означало: поглядеть в глаза очень горькой правде. Но Владимир Ильич всегда отличался этой трезвостью мысли. Когда заключался Брестский мир, Владимир Ильич точно так же боролся за то,

чтобы не строить себе никаких иллюзий, чтобы называть прямо вещи своими именами и прямо смотреть правде в глаза.

Это характерно для всей его политики. Он всегда очень отрицательно относился к революционной фразе. Во время заключения Брестского мира он говорил: «Как бы не пришлось сказать, что революционная фраза в революционной войне погубила революцию». Сказав так, Владимир Ильич подчеркивал всю опасность революционной фразы и призывал тогда, в острейший момент, когда решалась судьба Советской страны, призывал именно к этой трезвости мысли. И в 1921 г. он точно так же говорил, не прикрашивая действительности, что сейчас господствует мелкобуржуазная стихия. Но тут же он говорил и о путях, какими надо овладеть этой буржуазной стихией, о том, как укрепить рабочий класс, как создать экономическую базу социалистического здания. Он подчеркивал, что большевики всегда говорят, что экономика представляет собою базу культурного строительства. Он указывал на то, что самое важное — это возвести вот эту экономическую базу социалистического здания, и в этот момент он искал тех путей, которые необходимы для того, чтобы вовлечь массы в это строительство.

Одновременно с этим он писал по поводу электрификации т. Кржижановскому: «Надо как-то заинтересовать массы, увлечь массы делом электрификации, чтобы они вплотную взялись за это дело». И по всей линии экономического строительства он считал, что мы можем действительно создать эту экономическую базу социалистического строительства только тогда, когда мы сумеем вовлечь массы, заинтересовать массы этой стройкой. Он говорил о том, что необходимо заинтересовать крестьянство. И когда говорили, что у крестьянства мелкособственнические настроения и тут ничего не поделаешь, он говорил, что это — неверно, что надо умело вести пропаганду, разъяснять широким массам крестьянства, что их интерес заключается в том, чтобы укреплять хозяйство. Тогда уже был опыт колхозного строительства, хотя колхозное движение не носило тогда такого характера, какое носит сейчас. Были только отдельные опыты, начинания, но

начало во всяком случае было сделано, и это начало показывало путь, как можно заинтересовать крестьянина, создать в деревне мощное коллективное хозяйство. Об этой перспективе и говорил Владимир Ильич. Давая характеристику текущего момента, он в то же время указывал на необходимость подходить к массе, уметь работать с массой. Через пару месяцев, в конце октября, Владимир Ильич набрасывает тезисы по вопросу о профсоюзах, и вот в этих тезисах он говорил о том, что задача профсоюзов — бороться с мелкобуржуазными влияниями, он говорил, что в рабочей массе, в широких ее слоях иногда есть эти пережитки мелкобуржуазных настроений и что задача профсоюзов с этими настроениями бороться. Но в то же время в этих тезисах о роли профсоюзов он подчеркивал, что каждый руководитель профсоюзов, каждый коммунист должен жить в гуще масс, должен уметь наблюдать массы, прислушиваться к этой массе, внимательно замечать все настроения масс и в то же время уметь по-товарищески внимательно подходить к массе. Надо сказать, что сам Владимир Ильич умел всегда по отдельному слову, отдельной фразе, по брошенному собеседником замечанию сразу ухватить настроение. Я помню, как перед переходом к нэпу на съезде советов он попросил т. Калинина устроить ему совещание из беспартийных крестьян. И вот Владимир Ильич, придя на это собрание, сам не выступал, а сидел в уголке и внимательно прислушивался к тому, что крестьяне говорят. Вот вслушиваться в то, что массы говорят, чем они интересуются, замечать их настроение, знать характер их нужд и чувствовать эти нужды — это особенно умел Владимир Ильич, и он считал, что для всякого профсоюзника-политпросветчика необходимо овладеть этим умением подходить к массе — нужно уметь тактично подойти, уметь помочь.

Об этом говорил Владимир Ильич и на II съезде политпросветов.

Надо сказать, что политпросветчики, собравшиеся на этот съезд, очень волновались. Ясно они себе не представляли, о чем будет говорить Владимир Ильич, как он будет увязывать текущий момент с задачами политпросвета. Владимир Ильич сначала очень резко, очень четко говорил о ликвидации неграмотности. Он

посмеялся по поводу того, что уж очень торжественное, большое, громкое название дали комиссии по ликвидации безграмотности — «Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности». Так вот, Владимир Ильич смеялся над тем, что уже очень громкое название дали и говорил — самое лучшее, самое великое чудо будет тогда, когда мы ликвидируем самое комиссию по ликвидации безграмотности *(смех)*. Под этим он, конечно, подразумевал не то, что эта работа будет на полдороге брошена, а он подразумевал, что надо будет эту комиссию ликвидировать тогда, когда наша страна станет поголовно грамотной, и это надо сделать как можно скорее.

Это Владимир Ильич говорил 10 лет тому назад. И вот, посмеявшись немножко над этим громким названием, Владимир Ильич Ленин со всей резкостью подчеркнул важность ликвидации безграмотности. Он говорил о том, что неграмотный человек стоит вне политики. О какой же тут новой политике может быть речь, — говорил Владимир Ильич, — тут ни о какой политике нельзя говорить, раз человек неграмотный, раз он ни в чем не может разбираться. Но дальше Владимир Ильич говорил о том, что нужна не только простая грамотность, а что необходимо знание, умение пользоваться книжкой для того, чтобы поднять свое хозяйство.

Начиная с I съезда политпросветов, политпросветчики уже знали, что они должны политпросветработу связывать с экономическими кампаниями. Но Владимир Ильич стал говорить не об этом, он стал говорить о том, что его особо в то время волновало, — это о борьбе со взяткой. И вот я помню, как наши политпросветчики немного растерянно стали поглядывать друг на друга. «Ну хорошо, — думали они, — насчет посева это ясно, а вот, как взятка к нам относится — это непонятно». А Владимира Ильича в эту пору особенно волновали вопросы бюрократизма, вопросы борьбы с бюрократизмом. О борьбе с бюрократизмом он говорил не только в 1921 г., а еще в 1918 г., когда набрасывал первоначальные наметки для программы партии по поводу того, как надо поставить вопрос о советах. Он там особо подчеркнул борьбу с бюрократизмом. Он говорил и о том, что путь к борьбе с

бюрократизмом — это поднятие культурного уровня. И вот на протяжении всего этого времени этот вопрос не сходил с порядка дня. Но в 1921 г., когда надо было особенно умело налаживать всю государственную работу, работу всех аппаратов, в этот момент Владимир Ильич по всем линиям требовал самой упорной борьбы с волокитой, со взяткой, с бюрократизмом. Он писал, например в своих письмах к т. Цюрупе — «паршивый бюрократизм во всех ведомствах», в другом месте писал о «проклятом бюрократическом болоте» и т. д. и т. п., — слов не находил, как это бюрократизм пожестче охарактеризовать. К этому же времени стал Владимир Ильич высказываться по вопросу Рабкрина, как Рабкрину начать бороться с бюрократизмом. И мы видим, что во всех своих высказываниях он к этому вопросу возвращается. Где бы он ни говорил, в каждом выступлении, на каждом съезде, постоянно и везде, он подчеркивает важность этой борьбы с бюрократизмом. В отношении политпросветчиков он говорил, что политпросветчикам надо не только ругать бюрократизм; этого, — говорил он, — мало, а вот вы, политпросветчики, люди культурные, вы должны на деле показать, как с этим бюрократизмом надо бороться, как его изживать. — И эту задачу он четко поставил перед политпросветчиками.

Как раз перед съездом политпросветов был разговор о том, что надо, чтобы представители политпросвета вошли в экономические организации. И вот, отвечая на это, Владимир Ильич говорил: «Никуда вам входить не надо, а надо вам бороться как рядовым членам, как рядовым гражданам. Вы — культурные руководители масс, и вы на деле, стоя в гуще масс, вы им должны показать, как надо бороться». Такая постановка вопроса для политпросветчиков казалась очень странной. Да как же так? Надо ведь циркуляры писать, надо ведь давать директивы. А Владимир Ильич говорил: нет, не в циркулярах, не в представительстве и не в бесконечных директивах дело, а надо втянуть массы, вовлечь их в эту работу и уже на практике показать им, как надо бороться с бюрократизмом. Эта постановка вопроса однако тогда не была понята до конца, вопрос повис в воздухе, потому что, конечно, эта задача была чрезвычайно трудна. Выступая

по этому вопросу, Владимир Ильич повторил ту фразу, которую он любил в то время часто употреблять, — это фразу о комчванстве. Он говорил, что для политпросветчика недопустимо никакое комчванство. Он под этим подразумевал то, что политпросветчик-коммунист не должен считать, что раз он — коммунист, он уже все знает. Характеризуя период новой экономической политики, Владимир Ильич в других местах говорил о том, что это период, когда надо усиленно учиться. Учиться надо и у капиталистов, как они ведут хозяйство, надо учиться, как надо применять знания к улучшению своего хозяйства. Об этом Владимир Ильич говорил не раз, и тут он подчеркнул необходимость овладения знанием для того, чтобы улучшать хозяйство так, чтобы сразу были видны практические результаты.

Эта речь Владимира Ильича на съезде политпросветов, где он говорил о громадном значении культуры, характерна в том отношении, что она чрезвычайно показательна для всего последнего периода деятельности Владимира Ильича. И раньше он интересовался вопросами культуры, но тут он стал их подчеркивать особо. И тот, кто знает последние статьи Владимира Ильича, кто читал их, тот знает, как много места он уделяет в них необходимости учиться, необходимости поднять культурный уровень.

Прошло 10 лет со времени речи Владимира Ильича, и мы видим, какая громаднейшая разница между тем положением в стране, которое было 10 лет назад, и которое имеется теперь. Теперь мы уже заканчиваем стройкой экономическую базу социалистического здания. За эти 10 лет партия сумела вытащить страну из той разрухи, из того тяжелого положения, которое было в то время. Тогда многие товарищи падали духом, им казалось, что разруха так велика, что вся эта мелкобуржуазная стихия так сильна, что тут ничего не поделаешь. Владимир Ильич тогда говорил о необходимости создать эту базу, и вот сейчас, через 10 лет, мы видим, что база создана, мы видим, как много легче на этой базе строить. И если сравнить то, что было 10 лет назад в области культуры и что имеется сейчас, то мы видим громадную разницу. Мы видим, что сознательность масс возросла и совершенно не

может быть никакого сравнения с той сознательностью, которая была 10 лет тому назад, в особенности в деревне.

Сейчас мы имеем уже районы сплошной коллективизации, а коллективизация как раз помогает изжитию мелкобуржуазных настроений. Мы сейчас видим рост рабочего класса. 17 миллионов рабочих представляют собой громаднейшую силу. Но это вовсе не значит, что те задачи, которые ставил Владимир Ильич перед политпросветом, снимаются с очереди, — они нисколько не снимаются с очереди.

Мы знаем, что сейчас у нас нет безработицы, мы имеем новый и новый приток в ряды рабочего класса из деревни. Принят целый ряд мер для того, чтобы крестьяне из деревни шли в город, потому что нехватает рабочих рук на заводах. И вот эти пришедшие из деревень элементы, только что оторванные от своего хозяйства, идущие на завод, недавние домашние хозяйки, в первое время еще неясно себе представляют те задачи, которые стоят перед рабочим классом, и поэтому на профсоюзах лежит задача помочь им осмыслить все то, что совершается, помочь им отделаться от своих мелкобуржуазных настроений, примкнуть к той великой стройке, которая сейчас идет. В этом отношении надо проделать большую работу.

Точно так же сейчас мы видим, как у колхозников меняется вся их психология. Мне приходилось говорить со многими колхозницами. Колхозницы говорят, что женщина-крестьянка сейчас повернулась лицом к колхозу, но все же до конца осмыслить и понять не все может; в особенности это относится ко вновь вливающимся в колхозы массам. Поэтому нужно вспомнить, что говорил Владимир Ильич о том, как надо экономику увязывать с политикой, как надо политически осмысливать ту экономическую стройку, которая происходит. В этом отношении нужна еще большая работа.

Конечно, мы должны сказать, что за эти 10 лет и в области ликвидации неграмотности, и в области культурного строительства вообще сделаны большие успехи, но этого совершенно недостаточно в сравнении с теми запросами, которые сейчас предъявляет масса. Необходимо, чтобы работа глубже ставилась

политически, чтобы, когда, например, говорим о севе, о весеннем севе или говорим о вспашке под зябь, чтобы мы умели эти вопросы связывать с вопросами колхозного строительства вообще и с теми задачами, которые стоят перед всей нашей страной. Если мы хотим поднять сознательность рабочих масс на необходимую ступень, а сознательность эта на почве соцсоревнования и ударничества, о которых говорил все время Владимир Ильич, за последнее время чрезвычайно возросла, то необходимо, базируясь на этом, давать широкое политическое освещение всем вопросам нашего экономического строительства. И в этом направлении, конечно, необходимо сейчас развернуть широчайшую политпросветительную работу.

Когда два года тому назад реорганизовали Наркомпрос, тогда слили школьную работу, работу среди подрастающего поколения, с работой политпросветской в одном массовом секторе, в тех целях, чтобы не было между ними разрыва. Разрыв недопустим. Тут одна балка, так сказать, должна крепить другую. Надо, чтобы политпросвет помогал развитию школьного дела, а школьное дело — всеобуч — необходимо строить таким образом, чтобы у нас грамотность росла, чтобы у нас не было так, что обучили неграмотных, а выросли новые неграмотные. Так что увязка между политпросветской и школьной работой необходима. Сейчас Наркомпрос вновь восстанавливает политпросвет как организационную базу, которая давала бы больший размах всей работе. И вот, товарищи, перед нами, перед Обществом педагогов-марксистов, также встает задача создания политпросветской секции, где обсуждались бы все эти вопросы о том, как увязывать работу политпросветскую с политическими задачами, стоящими перед страной, как эту работу строить все глубже и добиваться не только того, чтобы она шла вширь, но чтобы она и качественно становилась более высокой.

Мы создаем эту политпросветсекцию при Обществе педагогов-марксистов, и хотелось бы, чтобы в ней принимали участие старые политпросветчики, которые уже принимали в свое время большое участие, и чтобы примкнула к ней также и та молодежь, перед которой эта задача встает во весь рост.

Отметка, сделанная Лениным на книжке Блонского «Трудовая школа» *

Тов. Ленин, как известно, очень внимательно следил за развитием дела народного образования. Он знакомился с новыми направлениями в советской педагогике, с работниками на этом поприще, читал их произведения, имел о работниках свое суждение, не полагался на чужие отзывы. В заметках на реорганизацию Наркомпроса (архив Института Ленина, № 10454) он подробно остановился на формировании ГУСа, намечая не только председателя ГУСа (Михаила Николаевича Покровского), председателей секций ГУСа, но высказался и по составу научно-педагогической секции. Рекомендовал в члены секции Л. Р. Менжинскую, Блонского. Откуда знал Владимир Ильич Блонского? Он прочел его книжку «Трудовая школа». Эта книжка была в его библиотеке со сделанной им на обложке пометкой. На обложке части 2-й «Трудовой школы» стоит пометка «с. 57». Приведу абзац, отмеченный на 57-й стр. Владимиром Ильичем:

«22. *Индустриально социалистическая культура.* — Даваемым ею образованием школа вводит своего ученика в мир той или иной культуры. Спрашивается, какая культура проносится перед нами, педагогами индустриально-трудовой школы.

Это — прежде всего культура технически сильного человека. *Для меня звучит чем-то диким, когда меня упрекают в техницизме* (подчеркнуто Вл. И.). Разве плохо быть сильным? Разве плохо подчинить себе силы природы? Разве плохо уметь работать самым успешным образом? Разве индустрия не является гордостью человеческого гения? Или мы и до сих пор лелеем идеалы деревенщины? Только в одном случае техника —

---

* Статья в журнале «На путях к новой школе» № 3, 1931 г.

зло: это — когда она направлена человеком против человека. (Дальнейшее отчеркнуто Вл. И. и около отчеркнутого поставлена NB.) Но может быть, читателю теперь уже не так трудно будет согласиться с тем, что огромные технические задачи предполагают именно объединение и сотрудничество и что *капитализм отвергается прежде всего в силу своей технически реакционной роли* (подчеркнуто Вл. И.). Неизбежным следствием последовательного индустриализма является *именно социализм* (подчеркнуто Вл. И.), и на известной стадии развития, как мы видим в «Введении» к нашей книге, *капитализм задерживает индустриализм в его технических и культурных достижениях* (подчеркнуто Вл. И.). Завод — та колыбель, в которой неизбежно взращивается *коллективизм* (подчеркнуто Вл. И.). Технически совершенное общество тесно сливается с социально-совершенным обществом. Культура будущего — индустриально коллективистическая культура, и только то образование, которое приобщается к этой культуре, есть подлинное образование» *.

Понятно, почему Вл. И., придававший громадное значение технике, индустриализации страны, подчеркнул именно это место.

Книжка П. П. Блонского «Трудовая школа» написана в 1919 г. Сейчас, 12 лет спустя, когда призыв Сталина овладеть техникой находит такой повсеместный отклик, небесполезно привести данную цитату. Вообще полезно было бы под теперешним углом зрения перечитать книжку Блонского «Трудовая школа». В ней много интересного.

---

* Блонский, П. Трудовая школа. Часть II, М. Госизд., 1919 г., стр. 57.

Очередные задачи политпросветработы *

Усилить внимание к политпросветработе

Товарищи, постановления XVII партконференции ставят перед политпросветами ряд серьезнейших задач.

Из резолюции по докладу т. Молотова видно, что вторая пятилетка будет громадным шагом в направлении к бесклассовому обществу, в направлении полного осуществления социализма. Это не значит, что классовая борьба ослабеет, но формы ее будут иные. Особенно остра она будет на идеологическом фронте. В резолюции говорится о том, что задачей второй пятилетки является «*преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества*». Это означает, что по линии политпросветработы нам надо развернуть очень широкую работу, помочь массам понять до конца, в чем эти пережитки старого заключаются и как их надо изживать. Надо уметь развертывать широкую политпросветработу, устраивая все расчетливо и в то же время не допуская «буржуазно-нэповских извращений принципа хозрасчета».

За последнее время внимание к политпросветработе несколько ослабело. Сеть политпросветучреждений, правда, растет даже, но качество их работы должно быть поднято на гораздо высшую ступень, оно должно идти в ногу со всем строительством. Глубже должны быть поставлены вопросы пропаганды и агитации в массах, широко развернута техпропаганда, библиотечная работа, кино и радио.

---

* Стенограмма выступления на областном совещании политпросветработников 17 — 19 февраля 1932 г.

Немного еще прошло времени с момента XVII партконференции, но уже чувствуется некоторый сдвиг в области политпросветработы, но по отдельным разговорам, по отдельным письмам, по отдельным статьям, которые появляются, видно, что идет собирание политпросветских сил, и эта работа приобретает сейчас исключительную важность, — поэтому она должна быть продумана особенно тщательно с марксистско-ленинской точки зрения.

Ориентироваться на массы

Я говорила о том, что необходимо охватить все население, всех трудящихся. Что это значит? Значит ли это, что мы должны ввести уравниловку, на манер буржуазной — кто больше заплатит, тот лучшую книжку получит, безразлично к тому, кто этот читатель. Я просматривала недавно официальные данные по библиотекам САСШ и чрезвычайно удивилась. По этим данным, в больших городах на одного человека книжек приходится столько же, сколько и у нас. Правда, там технически дело поставлено лучше и обращаемость книжки больше. Но что мы там имеем? Там охват населения библиотеками — 20%, значит, пользуется библиотеками только «верхушка». А у нас должна быть другая ориентация, ориентация на массы. Было бы совершенно не по-ленински, не по-марксистски, если бы мы стали одинаково подходить ко всем слоям населения, если бы не выяснили, что требуется в данный момент для обслуживания каждого слоя. Вот сейчас — библиотечным делом занялись профсоюзы. Конференция профсоюзов, которая проходила недавно, показывает, что на отдельных заводах (вроде Путиловского, Электрозавода) создаются новые формы обслуживания, там книга идет в самые широкие рабочие массы и доходит до каждого рабочего. Профсоюзы говорят: «мы рабочих должны обслуживать в первую голову». Это верно. Почему? Потому, что рабочий класс — ведущий класс, а если они сами читать не умеют, если они безграмотны, если никаких книжек не видали, то как же они будут осуществлять свою ведущую роль?

Если мы всмотримся в жизнь, то увидим, что рабочий сейчас не то, что был раньше. В капиталистических

странах под рабочим понимается тот, кто стоит «у станка». У нас — рабочий сегодня стоит «у станка», а завтра он председатель колхоза; сегодня он «у станка», а завтра он идет на рабфак, по пути учебы. У нас в этом смысле начинается известное изменение самого понятия «рабочий класс». Если возьмем рабочий класс 90-х годов, то это одно, рабочий класс перед 17-м годом уже другое, а теперь, на пятнадцатом году революции, рабочий класс — уже совсем иное понятие; он (рабочий класс) — уже из рамок класса вырастает, перерастает рамки, является руководителем целого ряда областей работы.

Мы видим, что рабочие усиленно учатся, мы видим, что в теоретическую работу втягиваются все большие и большие слои рабочих через рабфак, через всевозможные курсы. Мы ввели всеобщее обучение, создаем единую политехническую школу, которая будет содействовать изжитию разрыва между умственным и физическим трудом. Правда, еще очень многое нужно сделать, но уже сейчас наравне с физическим трудом и умственный труд в жизни рабочего играет все большую и большую роль, и самый рабочий класс, повторяю, перерастает уже свои классовые рамки.

У нас, в пролетарском государстве, рабочий играет ведущую роль и будет все больше и больше играть эту роль. Поэтому ему нужно как можно лучше подковаться, поэтому нельзя подстригать всю политпросветработу под одну гребенку. Мы должны на предприятиях в первую голову поставить как можно лучше и клубную работу, и пропагандистско-агитационную работу — работу во всех областях.

Мне вспоминаются давние времена — первые годы работы Владимира Ильича. Я помню письмо, которое он писал Аксельроду из ссылки, и брошюру, которую он тогда писал, «О задачах русских социал-демократов». Он говорил там про рабочих, что сейчас важно агитацию и пропаганду вести в первую очередь среди рабочих не потому, что не нужно вести среди других слоев, но потому, что движение еще в самом начале, что прежде всего нужно создать социальные кадры рабочих. Владимир Ильич говорил о ведущем звене, и сейчас мы не можем в политпросветработе вводить уравниловку. Но значит ли это, что, укрепляя работу

среди рабочей массы, мы не должны обращать внимания на работу в деревне, на работу в колхозах в первую голову? Нет. Если мы говорим о бесклассовом обществе, мы должны обращать серьезное внимание и на работу среди колхозников, и на работу среди единоличников, потому что их-то нам особенно нужно перевоспитать. Необходимо, чтобы рабочие, колхозные массы на них влияли, нужно усилить пути этого влияния, помочь проникновению в их сознание нового. Конечно, сама экономика уже подготовляет определенным образом ломку старого мировоззрения. Мне рассказывали — в совхозе «Гигант», когда стали там работать комбайны, крестьяне приезжали посмотреть, что за-зверь такой — комбайн? Для этого они на своей лошади версты гоняли, чтобы добраться до комбайна, который быстрее едет, а лошадь тихо. Товарищи рассказывали, какое это впечатление производило на крестьян: все старые понятия ломались; какой уж тут господь бог — бога вытесняет комбайн. Экономика влияет, но нужно, чтобы новое было осознано, чтобы было выработано сознательное отношение ко всему окружающему и в первую очередь — к труду.

В этом отношении предстоит большая работа.

Изжить разницу в культуре между городом и деревней

Посмотрим на культурный уровень города и деревни. По библиотечному делу пришлось вычислять, какая часть книги приходится на каждого жителя города и деревни. По этим вычислениям, между городом и деревней большая разница. В городе приходится 2,5, иногда даже 3 книги на человека, а в деревне — 0,1 — 0,3 книги. Чрезвычайно большая разница! А ведь мы должны в новой пятилетке особенно на это напирать, чтобы изжить разницу в культуре между городом и деревней. Экономически сейчас город и деревня все теснее и теснее между собой связываются. При механизации сельского хозяйства деревня уже не сможет жить без города, она должна быть органически с ним связана. Но и культура деревни должна быть поднята до уровня города.

В последних статьях Владимир Ильич особенно подчеркивал необходимость работы среди крестьянства, необходимость подтягивать культурный уровень деревни.

Это не по случайному поводу говорилось. Это было основной его мыслью. Он еще в 1911 — 1912 гг. подчеркивал, что культура более отсталых слоев заражает культуру более передовых слоев. Была такая статья, которую он писал за границей, — «Русские и негры». В этой статье он рассказывал, что в САСШ, где не было рабства, культура везде высока, а в южных штатах — одна культура была у американцев-рабовладельцев, другая — у негров-рабов. Но характерно, что и культура американцев в южных штатах гораздо ниже, потому что бескультурье негров заражает культуру американцев.

И вот эта точка зрения, что бескультурье заражает культуру, кладет печать на культуру, заставляла Владимира Ильича всегда спорить с Пролеткультом, который думал, что можно работать так, что рабочий получит очень высокую культуру, а кругом все хоть «пропадом пропади». Он подчеркивал, что это неверная точка зрения, не пролетарская точка зрения, что бескультурье заражает культуру.

И сейчас мы видим заводы, которые выносят резолюции: к такому-то числу ликвидировать неграмотность; резолюции выносятся с большим энтузиазмом, со знаменами — все как следует. Приходит это число, оказывается, что неграмотность не только не ликвидирована, но и возросла. Откуда это? Как это может быть? Не работали? Не делали? Нет, работали, но пришел новый набор рабочих и работниц из деревни, пришли — и своим бескультурьем сорвали весь культурный план завода. Поэтому завод не выполнил своих обязательств. Среди основных рабочих неграмотность ликвидирована, но пришли новые, и приходится все начинать сначала. Я была на одном заводе, говорю: «Что же это до сих пор завод не может вывесить плакат — «У нас ни одного неграмотного на заводе нет»». А они говорят: «А новые-то пришли из деревни!» И вот это бескультурье заражает культуру. Поэтому, конечно, нельзя так ставить вопрос, как ставят его отдельные работники профсоюзов: «Мы только будем для профсоюзов работать, а до остального нам дела нет». Неверно, нельзя так делать. Необходимо, чтобы рабочие, добиваясь всячески повышения культуры, *своей* культуры, в то же время работали и над повы-

нием культуры всего остального трудящегося населения — и колхозников, и единоличников, помогали тому, чтобы единоличник пошел в колхоз. Ведь он по темноте, по отсталости часто своей не идет в колхоз. Почему иной бедняк не идет в колхоз? Нехватает культуры, нехватает понимания преимуществ кооперированного хозяйства, общего коллективного хозяйства. Старое еще держит в своих лапах.

И тут развить работу необходимо также не в целях уравниловки, характер работы будет другой. Вы по-одному подойдете к рабочему, который 20 лет на производстве — он у вас с полуслова некоторые вещи поймет, а по-другому вы подойдете к молодому колхознику, который в колхоз пришел с энтузиазмом, но еще не знает, как в крупном хозяйстве работать.

Вот у нас первое время, когда пошло увлечение колхозами, очень многие (я знаю это из писем колхозников и из разговоров) пришли в колхоз с красными знаменами. А дальше они ждут, что будет, что кто-то придет и все устроит. А как взяться за работу — неизвестно.

Бороться с пережитками старого

Вот, например, что наблюдали наши бригадиры, которые ездили в колхозы. Вот, скажем, общая конюшня. Бригадир пошел в колхоз с большим увлечением. Но свой конь — это одно, он своего коня и напоит и накормит. А в колхозе он бригадир, и у него целая куча коней. Тут он думает, что можно пойти спокойно спать, что кони не подохнут за одну ночь. Это — пережитки старого, пережитки мелкобуржуазной психологии. Это еще очень живуче. Знаете, больше всего живуче то, что в быту, в повседневной жизни.

За последние годы у нас сдвиг большой. Бригадная плановая работа, организационная работа дала очень большой сдвиг в понимании коллективного хозяйства, но все же пережитков старого еще очень много. С этими пережитками надо бороться.

И тут избачу нужно провести огромную работу, чтобы это старое стереть, чтобы оно ушло бесследно, чтобы было новое отношение коллективиста к общему имуществу, к общей работе, которое есть у рабочих, давно в производстве находящихся.

Мне запомнились слова одной работницы из Тверского района. Она рассказывала про свою жизнь (она раньше в Ленинграде работала) и говорила так: «Ну, у рабочих как? Если у одного беда, то другие сейчас помогут. А как пришлось мне работать в деревне, то вот я со своим сынишкой на полосе маемся, и никому до нас дела нет». Другая психология — мелкособственнический подход. «Моя полоса — так моя, а твоя — так твоя». Вот такого коллективного умения выходить изо всех бед, этого пока нет. В колхозе это уже нарождается, и избачу нужно проделать здесь очень большую работу. Сейчас перед нами — задача посевной кампании. Конечно, задача в первую очередь производственная. Чтобы действительно повысить урожайность, надо, чтобы работа проводилась гораздо культурнее, гораздо сознательнее. Задача в том, чтобы поднять урожайность; но на этой работе можно лучше организовать массы, глубже пробудить в них сознательность, если умело подойти к делу, — надо знать только, как к массе подойти.

Умело, по-ленински подойти к каждому обслуживаемому

Вот, читая протоколы конференции по библиотечному делу, где описывается работа Путиловского завода, завода «Электросила», видишь, как рабочие находят пути подхода к каждому читателю. Так и в деревне, конечно, надо найти эти пути, как подойти к каждому, чтобы не просто ограничиться вывешиванием плакатов, нужно повести очень большую работу около этого дела. В материалах Госплана рассказывается, что по Нижней Волге, по Баландинскому району есть дом культуры, а в этом доме культуры есть районная библиотека, а в библиотеке только 120 читателей, и из них 85 человек ребят; и это *районная библиотека*, которая должна обслуживать всю работу. Туда ездила бригада, — может быть, теперь картина другая, но разве может такая библиотека, такой дом культуры, о котором даже не знают в районе, который не протянул всюду щупальцев, не поехал в каждое селение посмотреть, что там есть, как там нужно влиять на население.

А вот, например, путиловцы пришли к тому заключению, что нужно составить паспорта каждого цеха для того, чтобы знать, какой состав рабочих, откуда они,

чтобы каждый цех имел свой паспорт. А имеются ли у нас в колхозах такие паспорта? Знает ли колхоз, кто у него работает, откуда каждый колхозник? Нет, он этого не знает, а если не знает, он не может подойти по-настоящему к этому вопросу. Вот здесь-то и нужна большая работа, большое уменье подойти к каждому обслуживаемому, захватить его под свое влияние.

Этой особенностью отличался Ленин, он умел вглядываться во все мелочи, во все частности, знал, за какое звено нужно ухватиться и с чего начать, как подойти, чтобы захватить, увлечь человека. У рабочих и крестьян, которые его слышали, складывалось такое впечатление: «Он с нами всерьез говорит, он знает, что нам нужно». Мне кажется, что каждому избачу, каждому политпросветчику надо поставить себе задачей научиться так подходить, чтобы человек видел, что к нему относятся всерьез; а то у нас бывает так, что подходят к рабочему, который в долгие годы вырос, закалился в борьбе, и начнут ему говорить о пользе грамотности, о самом элементарном, а он уже давно грамотен. Не с того конца начинают. Конечно, рабочий послушает и уйдет — скучно ему станет. А с этим рабочим надо говорить о другом, знать только нужно, чем он живет, что его волнует, что его захватывает.

Точно так же и по отношению к колхозникам.

В основу работы — единый план

Нам нужна объединенная работа со всеми организациями, которые ведут работу на культурном фронте. У нас такая объединенная работа возможна, потому что цели общие — строительство социализма; пути общие — советская власть, советская организация; руководство единое — руководство партии. У нас нет того, что есть в буржуазных странах, где рабочий по-одному смотрит, буржуазия — по-другому, где непримиримые противоречия интересов; там никакого единого культплана не может быть. А у нас в стране, где мы ставим общие цели, у нас имеется возможность создания единого плана. Конечно, надо говорить не о бюрократическом едином плане, это тоже пережиток старого: взял, на бумажке распределил — тому денег дать, этому не дать, там работника сократить — это пережиток старого, бюрократизм — «бекратизм», как выразился один

крестьянин. Если тут такого «бекратизма» напустить, то можно такой «единый план» сочинить, который будет не помогать работе, а только мешать ей.

Но мы не о таком едином плане думаем. Мы думаем об едином плане, где нет стрижки под одну гребенку, а где каждая организация ведет работу применительно к условиям, изучая эти условия, зацепляя как можно глубже, где каждая организация несет ответственность за свой отрезок работы, но который объединяется общим стремлением к единой цели и пониманием того, что одна балка должна крепить другую, что только общими усилиями можно строить здание социализма.

Вот сейчас вопрос стоит о посевной кампании. С вышеизложенной точки зрения и нужно особенно подумать о посевной кампании. Позвольте пожелать, товарищи, чтобы вам на этой посевной кампании удалось поднять свою работу на более высокую ступень.

Роль Ленина в борьбе за политехническую школу *

Владимир Ильич всегда придавал совершенно исключительное значение воспитанию подрастающего поколения. В школе видел он орудие подготовки бесклассового общества, орудие перевоспитания всего подрастающего поколения в духе коммунизма. Сын выдающегося педагога, с громадным вниманием относившегося к массовой начальной школе, отдававшего все свое время на дело поднятия ее на более высокий уровень, Владимир Ильич с особенным вниманием читал то, что говорил Маркс и Энгельс о школе, о соединении обучения с производительным трудом. В 1897 г., когда марксизм у нас в России только что стал приковывать к себе внимание и шла острая борьба с народниками, совершенно неправильно представлявшими себе путь развития к социализму, Ленин написал статью «Перлы народнического прожектерства». Народник Южаков развивал планы, как дать возможность овладеть знаниями сыновьям и дочерям крестьян, создав в деревнях на хозрасчете гимназии, при которых были бы большие хозяйства. Богатые крестьяне платили бы за своих детей, а дети бедняков платили бы за свое содержание и обучение трудом. Сохранялся при этом дух и программы старой гимназии времен царизма. Ленин страшно возмутился этим проектом. Южаков считал, что можно без всякой борьбы, сохраняя существовавшее классовое деление и самодержавный строй, создать многочисленные сельские гимназии для крестьян. Цензурные условия заставляли Ленина говорить прикрыто, иносказательно, намеками, но Ильич сказал все же, что хотел, доказал всю утопичность этого проекта,

* Статья в журнале «За коммунистическое воспитание» № 9, 1932 г.

его бессилие, все непонимание Южаковым русской действительности, классового характера русского строя, доказал крепостнический дух всего проекта, прикреплявшего молодежь к земле, превращавшего крестьянскую молодежь в подневольных батраков, не имевших права даже в 25 лет жениться без разрешения школьного начальства. Южаковскому проекту Ленин противопоставлял единую трудовую общеобразовательную школу, где бы давались и серьезные знания и где бы все ученики работали.

Потом Ленин долгое время ничего не писал по этому вопросу, но все время уделял много внимания труду ребят, писал о необходимости самой строгой охраны этого труда, писал также о том, что надо ребят с ранних лет втягивать в политику.

Когда разразилась мировая война, Ленин, предвидя громадные исторические сдвиги в истории человечества и думая о подрастающем поколении, останавливается на вопросах воспитания. В статье «Карл Маркс», написанной для Граната, в разделе «Социализм» он приводит цитату из Маркса, касающуюся соединения обучения с производительным трудом. Владимир Ильич посоветовал тогда мне засесть за писание книжки о том, что делается в передовых в промышленном отношении странах в направлении соединения обучения с производительным трудом. В результате я написала книжку «Народное образование и демократия», которую он внимательно прочитал и стал заботиться, чтобы продвинуть ее в печать. За годы войны, — будучи в эмиграции, — он писал о необходимости участия молодежи в классовой борьбе, в гражданской войне, о необходимости подросткам, начиная с 15 лет, принимать непосредственное участие в общественной работе милиции.

Разрабатывая в 1917 г. проект партийной программы, Ленин так формулировал пункт о школе: необходимо «бесплатное и обязательное общее и политехническое (знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образование для всех детей обоего пола до 16 лет; тесная связь обучения с детским общественно-производительным трудом» (Соч., т. XX, стр. 305). Особо подчеркивал он в этом проекте программы обязательность детского общественно-производительного труда.

С момента взятия власти Ильич настаивал, чтобы Наркомпрос взялся за проведение в жизнь политехнической школы. Приходилось это делать без всякого опыта, в условиях величайшей хозяйственной разрухи. Работа шла сначала преимущественно по линии опытных школ. На первых своих шагах «политехническое» образование выглядело весьма убого и выражалось главным образом в самообслуживании, в работе в столярных, в пошивочных, в переплетных мастерских. Ленин же хотел, чтобы по-серьезному ставилось во всех учебных заведениях преподавание электрификации, и набросал даже целый план этой работы. Это было в декабре 1920 года.

Владимир Ильич считал, что работа по политехнизации школы идет у нас чересчур медленно. В Наркомпросе было течение, которое хотело ранней профессионализации школы, которое говорило, что политехническое образование не нужно, нужно монотехническое, были разговоры о том, что не везде возможно проводить политехническое образование, что его следует проводить лишь в больших городах, а в деревне не нужно. На Украине идея политехнической школы была совершенно извращена. Ленин настаивал на устройстве партсовещания. На этом партсовещании предполагался мой доклад о политехнизации. Предварительные свои тезисы я показала, само собой, Ильичу. Ильич написал на них свои замечания, причем надписал: «Приватно. Черняк. *Не оглашать*. Я еще раз и два обдумаю это». Эти тезисы оглашены теперь по моей инициативе. Много уже времени прошло с тех пор, вопрос о политехнической школе жизнь ставит очень остро. И мне казалось, что то, что не надо было оглашать в то время, теперь необходимо огласить. Мы ведь изучаем сейчас и все черновые заметки Ильича. Мои тезисы не были тогда пущены в ход. Я захворала и доклада на партсовещании не делала. О чем говорилось в замечаниях Ильича? О необходимости подчеркнуть *принципиальное значение политехнического образования*. Сам Ильич придавал ему громадное значение. Он считал, что политехническая школа поможет создать базу для построения бесклассового общества. И он хотел, чтобы это было подчеркнуто в моих тезисах. Далее Ильич считал, что необходимо сказать, что политехнизм надо

вводить тотчас. В моих тезисах была уступка профессионалистам. Я писала повидимому (текста моих тезисов у меня не сохранилось) о том, что вторая ступень должна слиться с реформированными профшколами, а Ильич добавлял, что сливать надо «не всю вторую ступень, а с 13—14 лет, *по указанию и решению педагогов*». На партконференции этот возраст был установлен партией в 15 лет. В статье «О работе Наркомпроса», написанной в связи с решениями партсовещания, Ленин писал: «Если мы вынуждены *временно* понизить возраст (переходя от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию) с 17 лет до 15, то «*партия должна рассматривать*» это понижение возрастной нормы «исключительно» (пункт 1-й директив ЦК) как практическую необходимость, как временную меру, вызванную «нищетой и разорением страны» (Соч., т. XXVI, стр. 161).

Очень часто то, что пишет дальше Ильич о профшколах, с которыми должны были слиться старшие группы школы II ступени, относят к школе-семилетке. О профшколах говорит Ленин, что они должны быть политехнизированы, не впадая в ремесленничество, говорит о необходимости бронировки в них общеобразовательных знаний, настаивает на необходимости политехнизировать их. Это относится к школам ФЗУ и техникумам. И это не следует забывать. И далее о чем говорит Ленин — это о необходимости конкретных указаний, как в наших условиях политехнизировать школу.

В архиве Института Ленина имеется за № 3946 еще запись Ленина, относящаяся к вопросу о политехнизации. Он пишет:

«добавить: 1) о политехническом образовании для юношей и взрослых, 2) самодеятельность детей в школе.

«*Для взрослых* — развитие профессионального образования с переходом в политехническое».

Когда и по какому случаю сделана эта запись — в архиве не отмечено. Но эта запись для нас очень важна.

Чрезвычайно много дает вышедшая в феврале 1921 г. статья Ленина «О работе Наркомпроса» и составленные им «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса». В «Директивах» говорилось о необходимости политехнизации школы, об обязательности увязки профтехнического образования с политехниче-

скими знаниями, о том, что должны быть разработаны и утверждены коллегией Наркомпроса программы учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий, говорилось о необходимости привлечения всех подходящих технических и агрономических сил к профессионально-техническому и политехническому образованию, говорилось об использовании каждого сколько-нибудь сносно поставленного фабрично-заводского и сельскохозяйственного предприятия.

На IX съезде советов, имевшем место в декабре 1921 г., Ильич настаивал на связи школьной и внешкольной образовательной работы «со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности».

В высказываниях Ленина мы имеем очень конкретные указания, как строить политехническую школу.

Пять лет эта работа велась под его руководством. В позднейшие годы продолжала строиться в указанном им направлении.

Теперь уже создан ряд общих предпосылок, которые облегчают это дело. Самая важная предпосылка — это успехи нашей промышленности, индустриализация нашей страны, перестройка сельского хозяйства на новых началах; громадное значение имеет плановость народного хозяйства, она ширит политехнический кругозор, показывает взаимозависимость различных отраслей производства; усиленно идет подготовка кадров нашей промышленности и сельского хозяйства, а наряду с этим растет сознательное отношение к труду широчайших масс трудящихся, чему особо способствует соцсоревнование, растет сознательная дисциплина. Школа I ступени охватывает всех ребят, она стала обязательной. Мы подходим уже к обязательности школы-семилетки; мы имеем обширные кадры комсомольцев и пионеров, помогающих школе; школы у нас прикрепляются к предприятиям. Делу политехнизации школы придает особое значение партия.

Все это предпосылки, которые облегчают строительство политехнической школы. Облегчает его и борьба за качество учебы, которая сейчас так широко развертывается. Но наша школа далеко еще не осуществила полностью указаний Ленина, нужна еще дальнейшая

борьба за ленинские установки в школьном деле. Пройденный путь поможет нам избежать многих ошибок. Мы знаем, как мало дает самообслуживание, с которого началась стройка политехнической школы; но мы знаем, что идет борьба за культурный быт, за его поднятие на высшую ступень, и школа не может оставаться в стороне от этого дела, она должна вооружить ребят знаниями и умениями, которые им нужны, чтобы рационализировать быт; мы знаем, что наша политехническая школа не должна скатываться в ремесленничество, но мы знаем, что нужен определенный минимум элементарных умений, чтобы глубже изучать современную технику; мы против многоремесленничества, которым часто подменяли политехнизм. Мы за производительный труд детей, но мы против того, чтобы производительный труд детей вытеснял учебу, которая сводилась бы к минимуму. На основе решения ЦК от 5 сентября 1931 г. против этого перегиба шла борьба весь прошлый год. Мы также против подмены производительного труда школьным учебным трудом. Мы знаем, что мало того, чтобы рядом сосуществовали учеба и производительный труд. Нужна теснейшая увязка между ними, но увязка эта не должна быть механической, она должна быть глубоко продумана. Ленин был против того, чтобы ребята учились только в четырех стенах школы, он был за то, чтобы ребята работали рука об руку со взрослыми рабочими; но мы знаем, что труд ребят на предприятиях должен быть педагогически организован, продуман со стороны политехнизации, со стороны учебы, подчинен и там учебным и воспитательным целям.

Пройденный путь строительства политехнической школы многому научил нас. Нам надо еще многому учиться, чтобы построить подлинную политехническую школу, но мы ее строим усиленно и построим такой, какой хотел ее видеть Ленин.

Учение Маркса—Ленина в учительские массы*

Масса советского учительства относится с уважением к памяти Ленина. Учительство хорошо знает то, что говорил Ленин об учительстве в последние годы своей жизни, знает его статью «Страничка из дневника». Но мало кто знает, что еще в 1899 г., будучи в ссылке и вырабатывая проект программы нашей партии, писал Ленин о народном учителе. «Затем, — писал Владимир Ильич, — не надо забывать и деревенской интеллигенции, например народных учителей, которые находятся в таком приниженном и материально и духовно положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению». Тогда революционные марксисты называли себя социал-демократами, теперь они называют себя коммунистами.

Учение марксизма и ленинизма, учение коммунизма должно стать современному учительству близко, как свое собственное дело. Знание марксизма и ленинизма поможет учительству подняться духовно на высшую ступень. Жизнь развивается очень быстрыми темпами, развивается в противоречиях; надо ясно видеть, понимать, куда идет общественное развитие, ясно видеть, понимать, что в окружающей жизни ходом развития обречено на гибель, а что будет расти и развиваться. Изучение марксизма и ленинизма поможет учительству стать подлинным воспитателем подрастающего поколения, дать ему необходимое коммунистическое воспитание, дать ему те знания, которыми ребята должны овладеть, чтобы стать не на словах, а на деле строителями бесклассового, коммунистического общества.

---

* Статья в газете «За коммунистическое просвещение», 22 апреля 1932 г.

Сейчас учительство чувствует, что качество учебы, качество воспитания надо поднять на высшую ступень, страстно хочет этого, но не знает часто, как это сделать. Ждет программ, директив, учебников, а получив их, часто не знает, как за них взяться, как провести их в жизнь.

Учение марксизма и ленинизма поможет учительству пойти по уверенному пути.

Конечно, важно знать не только то, что говорил Ленин о культуре (хотя и это надо знать), надо знать основы марксизма и ленинизма в целом, понимать, как неразрывно связаны со всем учением коммунизма в целом высказывания Ленина о культуре.

Общество педагогов-марксистов ставит себе целью помочь учительству в деле овладения учением Маркса — Ленина, превратить его в руководство к действию, осветить его светом всю свою работу.

Из статьи «Культурная революция в свете пятнадцати лет пролетарской революции» *

Октябрь, как прожектором, осветил стоявшие перед нашим культурным строительством задачи; массы рвались к знанию; широко развертывалась работа. Шла ломка старого. Правда, наши просвещенческие декларации 1917 — 1918 гг., наши речи и статьи того времени носили еще весьма общий характер. Годы 1919 — 1920 сделали всю работу уже гораздо более конкретной. Наркомпрос разрешил массу практических вопросов. В 1921 г. мы уже окунулись в самую глубь строительства.

Легче всего, пожалуй, было работать в области культурной работы среди взрослых, тут уж был определенный опыт, в эту область охотнее шли работать партийцы. Внешкольный отдел в 1919 г. преобразовался в Главполитпросвет. Все вопросы политпросветработы тесно увязывались с политическими вопросами, охватывали работу во всех слоях населения, увязывались с вопросами искусства. Политпросветработа получила в этот период громадный размах, в ее недрах зародились совпартшколы, агитмассовая работа принимала самые разнообразные формы, даже работа по ликвидации неграмотности тесно увязывалась с политикой. Главполитпросвету было легко работать еще и потому, что его работа шла под непосредственным руководством Владимира Ильича. Он выступал на политпросветских съездах, внимательно следил за библиотечной работой, за развертыванием ликбеза, школ взрослых, совпартшкол, учил, как увязывать при советском строе культработу с политикой, как увязывать ее с производственной пропагандой. Ильич стоял за теснейшую увязку политпросветработы в самых различных слоях населения и резко выступал против стремления Пролеткульта обособиться

* Статья в журнале «Большевик» № 20, 1932 г.

В проекте резолюции, набросанной им 8 октября 1920 г., говорилось:

«1. В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

«2. Поэтому пролетариат, как в лице своего авангарда — коммунистической партии, так и в лице всей массы всякого рода пролетарских организаций вообще, должен принимать самое активное и самое главное участие во всем деле народного просвещения».

В п. 5 предлагалось сказать:

«Съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает как теоретически неверные и практически вредные всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта и т. п. или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п.» (Соч., т. XXV, стр. 409—410).

Владимир Ильич считал, что политпросветработа должна вестись и среди учительства, и говорил о том, что перед политпросветчиками стоит задача пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы полумиллионную армию учительского персонала. Задача агитатора и пропагандиста — «руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь» (там же, стр. 453).

В октябре 1921 г. на II Всероссийском съезде политпросветов Ленин дал указания, как должна вестись политпросветработа при переходе к нэпу. Он говорил о том, что нельзя рассчитывать на непосредственный переход к коммунизму, что пролетарская организованная власть — и передовые рабочие и небольшая часть

передовых крестьян — должна суметь организовать вокруг себя народное движение. Ильич говорил о том, что необходимо подвести под все политические завоевания советской власти экономический фундамент. Для этого нужны годы учебы, нужно громадное повышение культуры. Нужно ликвидировать неграмотность, но этого мало, нужно такое повышение культуры, которое помогло бы бороться с бюрократизмом, взяткой и волокитой. Нужны не декларации, необходимо проводить практически то, что намечено. Надо вести большую культурную работу среди крестьянства. Готовя план речи на XI съезде РКП(б), происходившем с 27 марта по 2 апреля 1922 г., Ильич писал:

«15. «Гвоздь момента» (звено цепи) = разрыв между величием поставленных задач и *нищетой* не только материальной, но и *культурной*.

«16. Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море. *«Полоса пропаганды декретами» прошла.* Массы поймут и оценят *лишь* деловую практическую работу, *практический* успех в хозяйственной и культурной работе» (Соч., т. XXVII, стр. 217).

И в 1923 г. в своих последних статьях писал Ленин о необходимости культурной работы среди крестьянства, о приближающейся культурной революции.

О Всероссийском конкурсе на лучшие образцовые школы и на лучших педагогов в них*

У нас проводится сейчас всеобщее обязательное обучение в размере четырехлетки. Мы подходим уже вплотную к всеобщему обязательному обучению в размере семилетки. Если до революции в 1914—1915 г. число учащихся в массовой школе равнялось 5 532 тыс., то в прошлом году по РСФСР их было уже 11 896 тыс., т. е. *вдвое* больше. Чрезвычайно выросло число школ, выросло число учителей. Сейчас у нас очень много молодых учителей.

Борьба за охват учебой всех детей — и мальчиков и девочек — идет успешно.

Сейчас на фоне успехов всеобщего обучения с особой остротой выдвинулся вопрос о *качестве* учебы. Необходимо, чтобы школа была *подлинно советской*, чтобы она *хорошо вооружала учащихся знаниями*. Знание — сила. Кто этого не знает. Надо, чтобы ребята в школе научились не только кое-как читать и писать. Современная жизнь требует очень много знаний и в области математики, техники, естествознания, и в области общественных наук. Необходимо, чтобы школа дала *основное*, самое важное, и в то же время научила ребят *самостоятельно учиться дальше*. Надо, чтобы уже на школьной скамье дети *учились применять получаемые ими знания к жизни, к улучшению жизни*. Вместе с тем школа должна давать ребятам *современную общую культуру труда*, уменье каждую работу выполнять четко, рационально, деловито, определенными темпами. Школа должна научить ребят *коллективно жить, работать и учиться*.

---

* Статья в газете «За коммунистическое просвещение», 30 октября 1932 г.

Чему и как учить ребят, как их воспитывать?

Этот вопрос приобрел сейчас исключительную остроту.

Еще в феврале 1921 г. в статье «О работе Наркомпроса» Ленин писал: «Весь центр тяжести работы должен быть перенесен в дело «учета и проверки *практического* опыта», в дело «систематического *использования указаний* этого опыта».

«Как ни мало у нас толковых, знающих, опытных в педагогической *практике* людей, они все же, несомненно, есть. Мы страдаем от неуменья их найти, поставить их на надлежащее руководящее место, от неуменья *изучать* вместе с ними практический опыт советского строительства»... «Надо, чтобы местные работники обменялись своим опытом в этом отношении и помогли партии выдвинуть образцовые губернии или уезды, или районы, или учебные заведения, или образцовых педагогов, которые добились хороших результатов в сравнительно узком, местном или специальном масштабе. Опираясь на эти, уже проверенные практикой, достижения, мы должны двигать дело вперед, расширяя — после надлежащей проверки — местный опыт до размера всероссийского, передвигая талантливых или просто способных педагогов на посты более ответственные, с кругом деятельности более широким и т. д... Руководитель-коммунист тем, и только тем, должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет им* помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть»... «Коммунист-руководитель, исправивший программы преподавания педагогов-практиков, составивший удачный учебник, добившийся хотя бы ничтожного, но *практически-осуществляющегося* улучшения в содержании работы, в условиях работы *десяти, сотни, тысячи* педагогов-спецов, — вот это настоящий руководитель». Так писал Ленин. «Показу», *как* надо делать, он придавал исключительно большое значение (Соч., т. XXVI, стр. 161 — 163).

На данном этапе развития дела народного образования эти указания Ленина имеют особое значение.

Недавно Наркомпрос вместе с Цекпросом провели премирование лучших учителей.

А теперь Наркомпрос создал целую сеть *образцовых школ* по всей РСФСР. В настоящее время по РСФСР имеется 2 799 образцовых школ.

В эти школы даны лучшие учителя, и Наркомпрос старается всячески помогать этим школам стать *тем образцом, по которому смогут равняться все другие школы.*

Но мало *назваться* образцовой школой, *надо ею стать на деле,* на практике.

Вот почему особенно важен *у ч е т* работы образцовых школ.

Есть *разные формы учета:* школы дают отчеты, на места выезжают инспектора, бригады и пр.

Конкурс является одной из важнейших форм учета, в котором принимает широкое участие советская общественность.

Сейчас объявлен конкурс на лучшую образцовую школу, в котором принимают участие, кроме НКП, еще ОПМ и также ЗКП.

Прежде всего, сама школа должна проверить себя, отдать себе отчет, *готова ли* она к тому, чтобы включиться в конкурс, или ей еще много надо поработать над тем, чтобы стать таким образцом, на котором можно учиться другим.

В школе имеются учителя, технические служащие, учащиеся, пионеры, имеется совсод, школа прикреплена к предприятию, существует ряд окружающих школ, которые должны равняться по данной школе.

И необходимо, чтобы все они осознавали *ведущую роль образцовой школы* в деле культурного строительства и считали своим долгом, *делом чести* поднять работу своей школы на должную высоту.

Какие *показатели* того, что школа действительно образцовая?

Больным местом в практике нашей школы было то, что она *недостаточно вооружила ребят знаниями,* — это был коренной недостаток школы. И вот образцовая школа должна быть показом того, как добиться, чтобы не только отдельные ученики, а все *учащиеся п о г о л о в н о* возможно *более быстро,* возможно более *основательно и прочно* овладевали знаниями, чтобы у ребят была *о х о т а* к учебе и *уменье учиться,* чтобы ребята понимали, как применять *полученные ими знания к жизни.* Это первый показатель успеха школы.

Второй показатель — это, насколько школа умеет *воспитывать из ребят* сознательных, выдержанных, владеющих собой, дисциплинированных людей. Весь *режим* школы должен этому способствовать. Учительский коллектив должен вести дружную слаженную работу. В школе должен быть порядок, не должно быть суетни, нервности, крика; занятия должны начинаться во-время; сам учитель должен быть образцом аккуратности, точности, должен уметь подойти к ребятам, должен пользоваться у ребят авторитетом, уметь влиять на них, помогать им воспитать в себе крепкую волю, уменье дружно работать, помогая друг другу; учитель должен помогать ребятам развиваться и организовываться.

Третьим показателем образцовой работы школы является правильная постановка политехнического образования.

Надо, чтобы ребята учились в школе не просто что-то делать, а учились работать по-современному: планово, четко, рационально, определенными темпами, работать коллективно, понимая, как их работа связана со всей социалистической стройкой. Необходимо, чтобы производительный труд ребят самым тесным образом связывался с изучением математики, физики, химии, биологии, общественных наук. Надо, чтобы труд ребят был полезным производительным трудом, дающим определенные ценности, но недопустимо, чтобы ребята использовались в школе, в совхозе или на фабрике просто лишь как «рабочие руки». Образцовая школа должна быть подлинно политехнической.

И, наконец, образцовая школа должна *уметь показывать* свои достижения, уметь *помогать* учителям других школ, помогать культармейцам.

Бороться за поднятие учебной и воспитательной работы образцовой политехнической школы будет прежде всего *само учительство*. Сейчас уже из ряда школ приходят горячие, полные энтузиазма письма учителей. Берутся учителя за это дело вплотную.

Хотелось бы, чтобы примкнули к этому делу *технические служащие*. Они много могут сделать в борьбе за чистоту, за порядок, за налаженность всего режима.

А затем *сами учащиеся*. В борьбе за качество школы ребята будут расти как *общественные* работники, будут крепнуть *их воля и сознание*. Они должны понять, что только дружной организованной работой они могут помочь школе стать образцовой. Они должны понять, *как многое зависит от них*, они должны стать примером для ребят других школ.

Собсоды помогают школе, но они должны помогать не только материально. Они могут сделать очень много для поднятия *качества* работы школы. Быть культармейцем образцовой школы — значит принимать участие в соцстройке. Каждый отец, каждая мать, наряду с учителями, наряду с собственными ребятами, должны помогать школе, должны *учиться* помогать школе.

Предприятия, совхозы, колхозы, к которым прикреплены школы, шефы школы могут сделать чрезвычайно много. Они должны окружить школу, учителей, ребят вниманием и заботой. Мы имеем примеры очень серьезной помощи со стороны заводов и колхозов, но имеем и примеры полного равнодушия к школе. Каждый рабочий, каждая работница должны примкнуть к армии борцов за школу.

За качество школы, за то, чтобы наше молодое поколение росло сильным и смелым, чтобы оно было вооружено знанием, умелыми руками, широким горизонтом — учил бороться Ленин. Его примеру последуем, будем бороться за то, чтобы нашу советскую политехническую школу поднять на необходимую высоту. Примем участие в содействии конкурсу на лучшую образцовую школу в РСФСР.

Диалектический подход к изучению отдельных дисциплин *

В конце декабря 1920 г. и в январе 1921 г. шла дискуссия о профсоюзах, обсуждался вопрос о роли профсоюзов на данном этапе развития. Во время обсуждения этого вопроса Ленин в немногих словах охарактеризовал, как надо изучать тот или иной предмет, явление, вопрос по-марксистски, подходя к вопросу с точки зрения диалектического метода изучения. Вот что он писал:

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (так говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану ** это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, *связь* его с окружающим миром. В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов» (Соч., т. XXVI, стр. 134 — 135).

Эти немногие слова являются результатом многолетней работы Ильича над вопросами философии. Философией

---

* Статья в журнале «На путях к новой школе» № 1, 1933 г.

** Вопрос о том, как надо определять предмет, поднял Бухарин и для примера взял предмет — (стакан). Владимир Ильич возражал т. Бухарину, находя его подход к вопросу не диалектическим.

Ильич занимался не потому, что это «очень интересная дисциплина», а потому, что в философии Ленин искал руководства к действию. Он нашел его в диалектическом материализме, который вооружил его умением чрезвычайно глубоко изучать явления, находить пути организованного влияния на эти явления, диалектический метод вооружил его необычайной дальнозоркостью, устойчивостью во взглядах, умением, как говорится, «брать быка за рога», выявлять самое существенное, важное в каждом вопросе.

Для всякого, кто хочет понять до конца ленинизм, надо бы, вооружившись вышеприведенными строками, проанализировать ряд произведений Ленина, проследить, как он подходил к трактовке каждого вопроса. Возьмём пример. В 90-х годах шел вопрос о том, развивается ли капитализм в России или нет. Это был актуальнейший вопрос, который определял весь характер той революционной деятельности, которую надо бы проводить. И Ленин берется за большую работу «Развитие капитализма в России». Он разрешил этот вопрос, и ясен был вывод: надо пойти по пути организации поднятия сознательности рабочих масс.

У Ленина *выбор тем всегда очень актуален;* каждая статья, каждое произведение дают определенный ответ на вопрос: что делать? *Каждое произведение, каждая статья — руководство к действию.*

Вопрос о развитии капитализма взят во всей конкретности. Берется не вопрос о капитализме вообще, а вопрос о конкретном капитализме, капитализме в данный период времени в нашей отсталой в то время стране. *Конкретность постановки всех вопросов* характерна для всех произведений Ленина. Вопрос развития капитализма Ленин берет не односторонне, а в полном объеме, рассматривает капитализм в городе и в деревне, во всех его формах и проявлениях.

Широкая постановка всех вопросов — это также особенность ленинского подхода к вопросам. Ленин берет вопрос о развитии капитализма в России во всех связях и опосредствованиях. Необходимость писать легально в те времена, когда свирепствовала царская цензура, заставляла часто не ставить точки над «и», и тем не менее Ильич сумел вскрыть связи русского капитализма с недавним крепостническим прошлым, взять его

в связи со всем общественным укладом, с культурным уровнем населения и пр. *Ленин брал вопросы во всех связях и опосредствованиях.* Вот почему, если сравнить то, как он рассматривал один и тот же вопрос в разные эпохи, на разных этапах развития, можно проследить, в каких новых связях он берет вопрос, как по-новому ставит каждый раз один и тот же вопрос.

Ильич, рисуя картину развития капитализма в России в конце прошлого века, дал прямо гору фактического материала, изучил весь имевшийся тогда опыт многообразных форм развития капитализма в нашей стране, выбирая самое типичное, самое характерное. Ленин тщательнейшим образом изучал фактический материал, весь имеющийся опыт. То, на чем особенно важно было остановиться, он определил на основе изучения опыта тех стран, в которых капитализм был уже гораздо более развит, — он *изучал весь человеческий опыт в данной области,* на фоне его брал наш опыт. И, наконец, *брал весь вопрос в его развитии.* Все это давало ему возможность сделать правильные выводы, выводы крайне убедительные.

Преподавателю всякой отдельной дисциплины надо отдать себе отчет в том, что для того, чтобы стать хорошим преподавателем ее, надо прежде всего глубоко овладеть знанием данной дисциплины. Конечно, это условие далеко не достаточное, но условие это *необходимое.* При изучении *каждой* дисциплины, — будь то литература, язык, обществоведение, история, география, математика, физика, химия, биология, педагогика и пр., — необходимо *всестороннее* изучение ее, и тут особо важен диалектический подход к ее изучению. И тут указания Ленина особенно важны. В 1933 г. намечаются широкие конференции «предметников», и необходимо, чтобы к этим конференциям вопрос этот был подработан. Может быть, было бы целесообразно, чтобы сейчас же интересующиеся этим вопросом «предметники» стали прорабатывать его в кружках. Мне кажется, это могло бы дать очень многое самим «предметникам».

Возьмем математику. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»». Таково первое требование диалектического подхода к изучению предмета. Математик должен знать основные отрасли математики,

понимать, как они связаны между собою, как одна отрасль дополняет другую. Но этого мало. Необходимо знать те проблемы, которые она разрешает. А если так подойти к изучению математики, то надо отдать себе отчет, какую роль играет математика в изучении явлений и сил природы, какую роль она играет в развитии техники и пр. С другой стороны, необходимо осознать, как толкает вперед развитие математической науки, развитие техники, промышленности, планирования хозяйства. Необходимо, чтобы были перекинуты прочные мосты между математикой и астрономией, физической географией, физикой, химией, обществоведением. Без понимания наличия связующих нитей между математикой и обществоведением непонятно, почему, например, Маркс и Энгельс так много занимались математикой. Что это было с их стороны — причуда или глубокое понимание роли математики в общественных науках?

Чрезвычайно важно посмотреть, как и под влиянием чего развивалась математика, отметить узловые пункты ее развития, взять математику в «самодвижении», в ее развитии. Это поможет как раз осознать моменты, на которых особо обстоятельно надо будет остановиться педагогу при преподавании, ярче выявятся трудности, которые при преподавании данного раздела надо преодолеть.

Затем, продумывая курс математики, надо отдать себе отчет в том, как на каждом этапе надо перекидывать мост между теорией и практикой, отметить, насколько и чем важна математика для разрешения жизненных проблем. Это увязывание теории с практикой особо важно, чтобы ощутить романтику, увлекающую своеобразную поэзию математики, это особо будит инициативу, мысль. Преподаватель математики особенно должен обращать внимание на составление вместе с учащимися жизненных задач, на стимулирование учащихся в этой области. Истина должна быть конкретна. И надо уметь самые отвлеченные математические понятия иллюстрировать конкретными примерами.

Любивший парадоксы Лев Толстой утверждал, что никуда не годен тот профессор математики, который не умеет изложить основы высшей математики понятно для каждого. Значительная доля истины в этом утверждении есть. Преподаватели математики, начав думать

над вопросом о диалектическом подходе к математике, сумеют разрешить его, конечно, гораздо полнее и глубже.

Возьмем другую дисциплину: экономгеографию. И тут надо всестороннее изучение, и тут надо обратить внимание на развитие этой науки, надо взять эту науку в связи с развитием других естествоведческих наук, вскрывающих богатства и производственные возможности каждого края, района, его перспективы,—вскрыть связь с геологическими изысканиями, успехами биологии, с одной стороны, с другой — поставить в связь с развитием техники и социалистических форм хозяйствования. Показать, чем была экономгеография при капитализме и чем она становится в советском строе. Вскрыть перспективы развития этой науки.

Надо связать изучение экономгеографии с практическими задачами планового хозяйства, на ряде примеров проследить, как экономгеография может помочь рационализировать хозяйство. И, наконец, надо выработать конкретный план обследования природоведческого и экономического конкретного района и непременно сделать выводы из этого обследования.

Экономгеография — наука, где диалектический подход к изучению ее прямо диктуется жизнью. Я не знаю, думал ли т. Паустовский, написавший свою интереснейшую книжку «Кара-бугаз», о диалектическом подходе к описанию этого залива Каспийского моря, но несомненно, по этой книжке следует учиться такому подходу.

Не будем останавливаться на таких науках, как биология, физика, химия, — тут дело ясно. Возьмем для примера другого типа науку, науку — обществоведческую — литературу. Всякий знает, как органически связана она с обществоведением. В царские времена это была наука, через которую контрабандой врывалась политика, наука, которая учила всматриваться в жизнь внимательными глазами и сознательно-критически относиться к окружающему укладу. Без прочного моста между обществоведением и литературой мертвеет обществоведение, выпадают из него живые образы людей. Недаром Плеханов говорил о том, что изучение Успенского и других писателей той переходной от крепостнического уклада к капиталистической эпохе не менее важно для ее понимания, чем изучение ряда

научных исследований. Литература всегда насквозь пропитана политикой, поэтому и изучение ее не может быть аполитичным. Литература органически связана с наукой об языке. Если мыслить науку об языке как набор определений и орфографических правил, то такое «языковедение» можно отделить каменной стеной от литературы, но если понимать, как язык связан с непосредственными переживаниями людей, с их бытом, трудом, работой мысли, то жалкими кажутся все разговоры об отрыве изучения литературы от изучения языка. «Холоден и жалок нищий наш язык», писал в 80-е годы Надсон, поэт-индивидуалист эпохи реакции. Горячее, могучее, богаче, интернациональнее будет становиться с каждым днем язык страны, где миллионами рук строится новый социалистический уклад. По мере того, как шире и глубже будет развиваться всеобуч, по мере того, как знание будет вливаться в массы, будет крепнуть смычка между наукой и трудом, по мере того, как будет ликвидироваться разрыв между культурой города и деревни, как будет расти и крепнуть коллективизация деревни, — будет расти неустанно запас слов и понятий, становиться проще структура языка, ярче, выразительнее речь. Разве может литература быть оторвана от языковедения? Разве может быть литература оторвана от истории? В истории литературы неизбежно отражается ход общественного развития, литература яркими штрихами отмечает особенности эпохи. Литература связана с искусством, с музыкой, с изобразительным искусством. Это знает всякий. Литература все крепче и крепче связывается с трудом. Она была оторвана от точных наук, от преобразования лика земли, от борьбы за овладение силами земли. Но по мере того, как романтика этих наук будет охватывать массы, будет меняться и содержание литературы, будет ширится охват трактуемых ею тем, литература будет становиться на службу точных наук, помогая массам лучше, глубже понять достижения точных наук, проблемы, ими разрешаемые. Литература должна изучаться во всех связях и опосредствованиях, изучаться в ее развитии. Но вместе с тем она должна быть тесно связана с тем, что сейчас нужно. Перед ней стоят громадные задачи, которых я отчасти коснулась выше. Она должна стать элементом соцстроительства.

Я не буду касаться других дисциплин.

Если преподаватель дисциплины не человек в футляре, диалектический подход к изучению дисциплины даст ему чрезвычайно много. Увлекаясь изучением дисциплины, он сумеет передать свой интерес к ней и учащимся.

Но преподаватель дисциплины должен не только овладеть знанием данной дисциплины, научиться понятно, популярно, конкретно передавать ее другим, связывая ее с текущими задачами строительства. Это умение сделает из него хорошего политпросветчика. Но чтобы стать преподавателем данной дисциплины в начальной и средней школе, он должен внести еще один элемент во всестороннее изучение дисциплины. Он должен все время подходить к этому изучению с точки зрения педолога, знающего все особенности возрастного развития, знающего уровень развития современных ребят соответствующего возраста, их уровень знаний и представлений. Он должен уметь глазами ребенка, глазами подростка взглянуть на каждую дисциплину. Только тогда он может подойти к правильному разрешению проблемы «частной методики», найти наиболее рациональные методы преподавания данной дисциплины.

Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма» *

Статья «О значении воинствующего материализма» обдумывалась Ильичем, когда он жил в Корзинкине, ранней весной 1922 г. Владимир Ильич чувствовал себя плохо, ГПУ считало, что жить в Горках в то время было опасно, оно напало на белогвардейские следы, и потому его устроили в Корзинкине — старом помещичьем доме. Дом был нелепый. Внутри большой темный зал, вышиной в два этажа. Во втором этаже галерея, из которой шли двери в несколько комнат. В комнатах на стенах висели портреты Л. Толстого и была уймища каких-то сонных мух, которых надо было вытравливать. Я тоже на недельку приехала к Ильичу. Кстати надо было просмотреть имеющуюся литературу по антирелигиозному вопросу. В это время МОНО проводил кампанию по антирелигиозной пропаганде в школе. Проводить ее, однако, было трудно, был целый ряд грубых извращений; в одном детском доме с ребят поснимали кресты, в одной деревне усердный какой-то парень пальнул в икону. Надо было установить правильные формы антирелигиозной пропаганды, для этого необходимо было повести эту пропаганду среди учительской массы. Помню, как во Фрунзенском (тогда Хамовническом) районе в конце доклада одна пожилая учительница вздохнула и сказала: «А как с царством небесным теперь быть?!» В перерыв учителя очень оживленно говорили, как вести антирелигиозную пропаганду среди ребят... Неладно вышло только в Городском районе. Председательница после моего заключительного слова предоставила слово какому-то учителю второй ступени, естественнику, который стал утверждать, что современная наука не только допускает существование

* Статья в журнале «Под знаменем марксизма» № 1, 1933 г.

бога, но неопровержимо его доказывает. Учительская публика растерялась и стала спешно уходить. Я возражала оратору уже в опустевшем на три четверти зале. Учителя второй ступени в то время далеки были от воинствующего атеизма.

Религиозные настроения стали крепнуть среди этой публики. Серьезно обсуждалось, можно ли заменить вино для причастия клюквенным морсом. В «Педагогической Мысли», выходившей в Петрограде, в 1921 г. помещена была статья профессора Гревса «Два педагогических идеала», где он писал: «К свету духовному, научному и религиозному тянутся людские умы и сердца по неодолимому врожденному влечению к самостоятельному и самодовлеющему, независимо от всякого иного, личного, либо классового интереса, во имя правды, по которой в человеке голод так же неодолим, как и по хлебе». Среди преподавателей-биологов росли антидарвинские ревизионистские течения. Обо всем этом я рассказывала Ильичу.

Мне предстояли дальнейшие выступления, и потому я забрала всю популярную литературу, вышедшую в то время, а Иван Иванович Степанов дал мне еще Древса на немецком языке. В № 3 «Коммунистического Просвещения» за 1922 г. помещена 21 рецензия моя на имевшиеся тогда книжки, это как раз те книжки, которые я брала с собой в Корзинкино. Там были: 1) В. И. Невский, «Праздники христианские и рабоче-крестьянские», 2) И. Степанов, «О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах», 3) И. Степанов, «О таинстве святого причащения», 4) Мещеряков, «Поповские обманы», 5) С. К. Минин, «Религия и коммунизм», 6) Э. Даенсон, «О боге и чорте», 7) проф. Р. Ю. Виппер, «Возникновение христианства», 8) Гуго Винклер, «Вавилонская культура и ее отношение к культурному развитию человека», 9) Поль Лафарг, «Миф о непорочном зачатии», 10) Кальвер, «Социал-демократия и христианство», 11) А. Бебель, «Христианство и социализм», 12) К. Каутский, «Происхождение первобытной библейской истории», 13) К. Каутский, «Социал-демократия и католическая церковь», 14) Поль Лафарг, «Происхождение религиозных верований», 15) К. Каутский, «Этика и материалистическое понимание истории», 16) Никулихин, «Почему я не верю в бога», 17) Н. Бухарин, «Церковь и

школа в советской республике», 18) И. Бляхин, «Как дурманят народ», 19) Н. М. Никольский, «Иисус и первые христианские общины», 20) М. Брикнер, «Страдающий бог в религиях древнего мира», 21) В. Вреде, «Происхождение книги Нового завета».

Ильич просматривал все эти брошюры, листовал их, ворчал, взял себе Древса и стал читать. В это время пришла большая посылка книг от Уптона Синклера на мое имя с интересным письмом, где он писал о той борьбе, которую ведет при помощи своих романов. Из кипы присланных Синклером книг Ильич выбрал книжку о религии — «Выгоды религии» («The profits of Religion»), вооружился английским словарем и стал читать по вечерам. Книжка в отношении антирелигиозной пропаганды мало удовлетворила его, но ему понравилась критика буржуазной демократии.

Мне запомнились разговоры с Ильичем на антирелигиозные темы. Приближалась весна, набухали почки, мы с Ильичем ходили далеко в лес по насту. Снег размяк, но сверху покрылся ледяной коркой, можно было итти, не проваливаясь. На прогулках мы толковали о Древсе и Синклере, о том, как поверхностно ставится у нас антирелигиозная пропаганда, сколько в ней вульгаризации, как неглубоко она увязана с естествознанием, как мало вскрываются социальные корни религии, как мало удовлетворяет она запросам рабочих, так колоссально выросшим за годы революции. Но однажды у Ильича вечером сделался первый припадок кровоизлияния, он почувствовал дурноту. Мы скоро перебрались в город, у меня вылетела из головы вся антирелигиозная пропаганда, а Синклеру я так и не ответила на письмо. Поднялась тревога за здоровье Ильича.

Теперь, много лет спустя, когда я перечитываю статью Ильича о воинствующем материализме, страницы, посвященные воинствующему атеизму, и последние абзацы этой статьи об «образованных» крепостниках и преподавателях старого закала, встают передо мною эти недели в Корзинкине. Вспоминается и другое: та громадная работа, которую проделал Владимир Ильич в области философии, как он учился у Маркса диалектическому материализму, как все шире и шире применял диалектический метод к оценке явлений, как много дал ему этот метод. Советы, как работать над Гегелем,

заключают в себе горячее, хотя не высказанное до конца пожелание, чтобы та работа, которую проделывал сам Ильич в области философии, нашла своих продолжателей: чувствовал он, что силы его уходят, и хотелось, чтобы работа не оборвалась.

IX и XII Ленинские сборники отражают очень полно работу Ильича на философском фронте. Мы видим, как она была велика.

Нашим ребятам нужна книжка, которая воспитывала бы из них подлинных интернационалистов*

Мне вспоминается одно мое посещение швейцарской школы. В описании школы говорилось, что при школе имеется детская библиотека. Я обратилась после урока, на котором я присутствовала, к учительнице и просила указать мне, как пройти в школьную библиотеку. Учительница отвечала мне: «Видите ли, библиотеки у нас нет, но к чему нам школьная библиотека? Пусть дети хорошо усвоят то, что написано в учебниках. Посмотрите, на какой прекрасной веленевой бумаге они напечатаны, какие в них прекрасные рисунки!» Так говорила учительница в школе тихой швейцарской заводи.

Через год я попала в Париж, с его кипучей жизнью. Там детей-школьников усиленно снабжали детскими книжками. Но какой мещанской моралью, каким преклонением перед богатством пропитаны были все эти детские книжки. Это было в 1908 — 1909 г. Я писала об этом в свое время. Теперь «тихих заводей» нет уже на свете. Гибнущий капитализм, как утопающий за соломинку, хватается за подрастающее поколение и старается всеми путями, в том числе и через детскую книжку, затуманить сознание молодежи. Искусно пишутся эти книжки. Написаны волнующе, просто и в то же время обманно. У нас в этом году учебники тоже не плохи, но мы, добившись более или менее приличных учебников, устраиваем теперь при школах школьные библиотеки, боремся за то, чтобы ребята побольше читали. Нам дозарезу нужны хорошие, настоящие, пропитанные духом коммунизма детские книжки, написанные волнующе, просто, но правдиво.

---

* Статья в «Литературной Газете» 17 октября 1933 г.

Их надо писать. Притом надо иметь в виду не только детский актив, который у нас ярко выявляет себя — он всем, который так поражает иностранцев. Нам надо иметь в виду и рядового школьника, и, пожалуй, надо уметь его обслужить не в меньшей, а еще в большей мере, чем актив. Знаем ли мы этого рядового школьника? Я боюсь, что не знаем. Мы забываем, что это поколение, которое не только не видало городового, но оно не видало и капиталиста, оно не видело эксплуатации. Поэтому у него представления настоящего о противоположности классовых интересов, о классовой борьбе, о борьбе рабочего класса против класса капиталистов нет. Теперешние взрослые в детстве прекрасно знали, что такое «хозяин», что такое «рабочий», что такое «эксплуататор», что такое «эксплуатируемый», и потому взрослый не может себе совершенно представить, что многие из современных ребят этого не знают, что это для них все понятия абстрактные. И современный «ударник учебы» с красным галстуком иногда вдруг ляпнет что-нибудь такое несусветное, что никто из взрослых даже не поверит, что он не знает таких элементарных вещей. Он знает массу такого, о чем понятия не имели прежние ребята, а о тех вещах, которые прежние деревенские и городские ребята, дети трудящихся, знали с малых лет, он часто не знает совершенно. Учитель не подозревает этого, вожатый тоже этого не замечает. А ребята, благодаря незнанию элементарных вещей, очень страшно иногда воспринимают то, что им рассказывают. Необходимо, чтобы ребята побольше читали, надо создать побольше книг о капиталистическом прошлом, правдивых, горячих, зажигающих ненавистью к прежнему укладу. Но надо давать этот прежний уклад правдиво, рисуя его таким, каким он был, во всей его сложности и в то же время как можно конкретнее. Таких книжек надо создать побольше. Надо создать ряд детских книжек, которые рисовали бы образно, ярко ту борьбу, которая сейчас ведется в капиталистических странах. А то один немецкий товарищ, недавно приезжавший в СССР, рассказывал: «Говорил я с вашими пионерами, они совсем, совсем не понимают, в каких условиях живут наши пионеры, какую трудную борьбу им приходится вести! Не понимают!»...

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — глубокий смысл этого призыва надо объяснять ребятам по-настоящему. Ведь без понимания этого призыва, всего его значения, нельзя быть подлинным борцом за дело рабочего класса. Этот призыв — руководство к действию, в нем залог победы рабочего класса во всем мире. Его должны всем существом своим понять ребята. Поняв его, они поймут и суть фашизма, его боязнь объединения трудящихся всего мира.

Учитель обществоведения часто гонится за тем, чтобы дать ребятам побольше «фактов», загружает память их фактами, которые имеют преходящее значение, в лучшем случае могут быть лишь иллюстративным материалом, ставит «неуд» за нетвердое знание какой-нибудь частности, но ему и в голову не приходит проверить, хотя бы в связи с международной детской неделей, понимают ли ребята основное. Ведь только глубокое понимание лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» может гарантировать ребят от всяких шовинистических настроений.

Пионервожатый на линейке очень заботливо следит за тем, чтобы ребята запоминали все лозунги к международной детской неделе, но ему и в голову не приходит, как могут неожиданно преломиться эти лозунги в уме какой-нибудь девчурки, пионерки, если она не понимает основного. А между тем «интернациональный пятачок» требует большой разъяснительной работы, чтобы не выродиться в пустую благотворительность, нужна большая разъяснительная работа, чтобы ребята поняли, о чем нужно говорить на «международных детских конгрессах», которые прошли весело, но на которых докладчики другой раз забывали сказать о борьбе международного пролетариата.

Нужны детские книжки, в которых ребята могли бы получить необходимую им интернациональную зарядку. Не станем спорить о форме. Пусть это будет сказка на манер «Олео, закрой глазки», только была бы это сказка-правда, только бы в ней было не слезливое сожаление о страдающих ребятах, а зарождалось бы уважение к мужеству борющихся с темной фашистской силой малышей, уважение к родителям, боящимся за своих детей, но, несмотря на это, говорящих им: «Или и борись!», только бы воспитывала эта сказка из нашей

смены горячих борцов. В этом суть. Нам нужны такие книжки, которые говорили бы с ребятами всерьез, не сюсюкая. Сказка часто говорит о более серьезных вещах, чем сладенький рассказец «для детей». Не в форме дело, а в содержании.

В ногу с партией*

Выступая 1 мая 1919 г. на Красной площади, Ленин говорил: «До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети». (Соч., т. XXIV, стр. 270). Раньше говорили о том, что дети увидят. Но Ильич знал, что наши дети — молодежь, которая сложилась в комсомол в огне величайшей в мире революции, революции социалистической, не будут только смотреть на строительство социализма, они будут сами активными, усердными участниками этой стройки. Как думал Ильич, оно так и есть, его слова оправдываются.

В октябрьские дни того же 1919 г., когда во-всю развернулась гражданская война, Ильич говорил о молодежи: «Мы знаем, что есть десятки, сотни тысяч резервов рабоче-крестьянской молодежи, которые видели и знают весь старый гнет помещичьего и буржуазного общества, которые видели неслыханные трудности строительства, которые наблюдали, какими героями выступал первый призыв работников в 17-м и 18-м гг., которые идут к нам тем более широко, с тем большим самоотвержением, чем нам труднее» (Соч., т. XXIV, стр. 526). «С тем большим самоотвержением, чем нам труднее»... Это ведь громадная похвала.

В 1920 г., когда к концу подходила гражданская война, Ленин на III съезде комсомола дал ему установки работы на наступающий период стройки социализма в условиях мирного времени. Комсомол хорошо изучил эту речь. Каждый раз комсомольская масса вычитывает, однако, в этой речи новое, глубже понимает ее. В том же 1920 г. Ильич пишет о необходимости вовлечения

---

* Приветствие в «Комсомольской Правде» 29 октября 1933 г.

молодежи в работу РКИ, в 1921 г. — о вовлечении в борьбу за чистоту, за благоустройство.

В октябре 1922 г., тяжело заболев уже, Ленин, глядя в будущее, напоминал нашей молодежи о том, какие обязанности на нее лягут, когда созрест мировая революция: «Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи» (Соч., т. XXVII, стр. 306). Но для того, чтобы оказаться вполне на высоте задачи, надо овладеть знанием. И в декабре 1922 г., два месяца спустя, Ленин пишет молодежи: «Надеюсь, что, несмотря на высокое звание, вы не забудете самого главного — необходимости деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье» (Соч., т. XXVII, стр. 371). Знание — сила; теперь больше, чем когда-либо, знание нужно для победы.

Много лет прошло с тех пор, как было все это сказано, скоро будет 10 лет, как нет Ильича, переменилась вся жизнь, весь ее уклад, меняются люди. За эти 10 лет выросла сила и мощь нашей партии. В ногу с партией идет комсомол, под ее руководством работает. Принимает самое энергичное участие в соцстройке. Растет на этой работе. Идет широко туда, где особенно трудно, где особенно нужна самоотверженная работа. Участвует на всех фронтах общественной работы. Учится — хочет оправдать уверенность Ленина в том, что к моменту назревания мировой революции он должен «оказаться вполне на высоте задачи».

Горячий коммунистический привет Ленинскому комсомолу.

Культурная революция на новом этапе*

Это лето было периодом напряженной работы в совхозах и колхозах. Результат — не только успехи в деле поднятия урожайности, в деле уборки урожая, но люди учились работать гораздо организованнее, учились работать планово, коллективно, сообща преодолевать трудности. Мы знаем, как воспитывает людей коллективная плановая работа на фабрике, на заводе, как ломает она старую мелкособственническую психологию. Организация политотделов при МТС помогала улучшению организации труда, осуществлению плановости, помогала осмысливать происходящее. Сейчас происходят слеты ударников-колхозников и колхозниц, которые закрепляют достигнутые результаты, идейно осмысливают их. И характерно, вопросы культурного строительства выдвигаются при этом колхозниками с особой настойчивостью. Но разговор идет уже не о ликвидации неграмотности, антирелигиозной пропаганде и пр., — вопрос идет о том, как окультурить всю жизнь. Мы подходим вплотную к вопросу о социалистической культуре.

Люди боролись в колхозах за то, чтобы стать зажиточными. В старину среди крестьянства были также зажиточные. Но прежде зажиточность покоилась на эксплуатации чужого труда, на обмане, на рвачестве. Теперешняя зажиточность покоится на умении напряженно, культурно, организованно работать, вовлекать в эту работу других. Прежний зажиточный противопоставлял свои интересы интересам других, это был антиобщественник, заботился только о том, чтобы устроить побогаче себе обстановку, побольше заставить людей себе услуживать,—про прежнего зажиточного говорили: «он по две обедни слушает, да по две души ку-

* Статья в «Правде» 30 сентября 1933 г.

шает». Теперешний зажиточный ничьих душ не кушает и никаких обеден не слушает. Он общественник. Он работает коллективно, спаян со своим коллективом общими интересами, и нужна ему культурная жизнь не только для себя, ему, как воздух, необходимо, чтобы вся жизнь кругом стала культурной. И естественно, что зажиточные — ударники труда — будут становиться и ударниками социалистической культуры.

Вопрос о благоустройстве всей жизни выдвигается сейчас с особой настойчивостью. Нетерпимы стали в быту грязь, вонь, неряшество, бестолочь. Борьба за чистоту жилищ, за благоустройство жилищ, их штукатурку и побелку, за фортки, за общественные столовки, за хлебопекарни, водопроводы,—все это стоит на очереди дня. Надо начинать делать с самого простого, с того, что под рукой. Организация бригад штукатурщиков-общественников для побелки жилищ показывает, как горячо берется за это общественность. Устройство клубов-читален, красных уголков вошло уже в быт. Вошло в быт радио. Бытовой культпоход начал уже развертываться. Его необходимо всячески поддержать. Надо поддерживать всякую деловую инициативу, идущую снизу, надо помочь организации массовой самодеятельности. Ильич говорил о ликвидации неграмотности: «можно быстро ее ликвидировать, если массы сами возьмутся за это дело». Массы взялись, и страна стала грамотной. Надо массам взяться и за культурную организацию быта. Пять лет тому назад при ВЦИКе была создана комиссия так трагически недавно погибшего т. Гольцмана, которой ВЦИК поручил развернуть широко работу по культурно-бытовому строительству. Мне пришлось работать тогда в этой комиссии по детскому быту. Мы старались связаться с культурно-бытовыми секциями советов, целым рядом организаций (помню очень помогал Наркомюст), работа стала было развертываться, была подхвачена передовыми работницами, но в общем председатели советов, профсоюзы довольно равнодушно отнеслись к этой работе, колхозное движение только что тогда начало развертываться, и на первый план там выдвинулись другие вопросы. Массы еще не были подготовлены к этому делу. Повис в воздухе и призыв Комсомола поднять одновременно с борьбой за грамотность и борьбу за чистоту.

Прошло с тех пор 5 лет, лицо страны стало другое. И сейчас подымается уже с низов борьба за быт. Начали шахтеры Донбасса, дело перекидывается в Московский угольный район. Рабочий класс начинает. Колхозная деревня подхватывает. Я говорила с колхозниками-ударниками Татарии. Они говорят — эта зима пройдет под знаком борьбы за культуру. Идут письма на эту тему из деревни. И наряду с этим повышается тяга к учебе. Все хотят учиться. Вопросы о коллективном пользовании книгой, о библиотеках встают с новой остротой. Недаром при Наркомате просвещения создается специальное библиотечное управление. Мы имеем точные указания в этой области Владимира Ильича, что значительно облегчает работу. Необходимо поднять дело на нужную высоту. Вопросы самообразования теснейшим образом связаны с вопросами правильной постановки библиотечного дела. Библиотека должна стать тем стержнем, около которого развернется на данной стадии та культурная работа, которой так жаждут массы в данный момент.

В 1929 г. был выброшен лозунг «бибпохода», издана брошюра «Что говорил Ленин о библиотеках», но тогда у населения нехватало еще грамотности, чтобы поддержать это дело. Теперь на съезде ударников-колхозников колхозники говорили мне: «Кое у кого из нас есть книги, но когда книга у отдельного человека, другие ничего о ней не знают. Когда книга в библиотеке — о ней узнают все. Нам нужна библиотека, нам нужен хороший библиотекарь». Эти речи показывают, что сейчас может развернуться настоящий бибпоход. Без книги, без библиотеки, без умелого использования книг читателем не может быть культурной революции. Первая ступень к культурной революции — была всеобщая грамотность. «В стране безграмотной построить социализм нельзя», говорил Ленин. Нельзя потому, что социализм строится руками масс. Благодаря тому, что масса сама вплотную взялась за это дело, обучились грамоте миллионы неграмотных. Теперь в основном Страна советов перестала быть неграмотной. Особые успехи мы видим в этом отношении в национальных республиках, раньше наиболее отсталых. Введение всеобуча навсегда подрезывает корни безграмотности. Теперь в центре внимания должны встать привычки чи-

тать, уменье учиться из книг, обслуживание масс нужной книгой.

В СССР идет громадная работа во всех областях. Эта работа идет вглубь. И каждый советский работник знает, как много изо дня в день ему приходится учиться. Без учебы он не может двигать дело вперед, потому так велико стремление к учебе.

Нет никакой возможности охватить школами всех взрослых, желающих учиться. Кроме того, нельзя сейчас отрывать лучших, активных работников от работы и посылать на учебу. Это можно делать только частично. Кроме того, человеку нужна учеба по запросам дела. По запросам дела ему надо ознакомиться, скажем, с основами здравоохранения. Но школы работают по определенным программам. И для того, чтобы познакомиться с основами здравоохранения, человеку надо учить и историю, и литературу, и географию, а время бежит... Или человеку надо знать основы конституции, структуру советской власти, и он поступает в школу, где наряду с конституцией он должен изучать физику, химию, биологию. Проучится год и не узнает того, что ему надо знать о структуре советской власти. Важно грамотным людям научиться учиться самостоятельно. Библиотека должна научить их этому, инструктировать определенным образом. Нужно начать организовывать целую сеть кружков для лиц с разной подготовкой, краткосрочного типа и более длительного, надо научиться, как подбирать состав кружков, как работать в кружках, как учитывать их работу, дать программы, книги и т. д. и т. п. Необходимо учебу поднять на высшую ступень. Вместе с массами это можно сделать. Тут должно помогать более систематично радио.

Текущий год должен превратиться в культурно-бытовой поход. Борьба за создание культурных бытовых условий, борьба за учебу и создание материальной базы для этой учебы — должны стать основными частями этого похода.

Поменьше шумихи, штурмов, авралов, больше дела, больше самодеятельности, больше чуткости в работе.

Сделаем новый крупный шаг по пути к культурной революции. На данном этапе соцстройки успех его обеспечен.

*

Важный участок соцстройки *

Ленин придавал громадное значение хорошей постановке библиотечного дела, уделял этому участку культурного фронта исключительно большое внимание. Об этом красноречиво говорит книжка «Что говорил и писал Ленин о библиотеках», где собран ряд его писем, статей, речей, распоряжений, проведенных им декретов. Из них видно, как внимательно следил он за постановкой библиотечного дела, как конкретны были его указания. За годы гражданской войны и годы нэпа на библиотечном фронте создано было не мало ценного, но не мало было и погублено ценнейших начинаний, благодаря крайне тяжелой обстановке гражданской войны и неправильному часто пониманию на местах «хозрасчета».

Сейчас завет Ленина, как построить библиотечное дело в Стране советов, чтобы густая сеть библиотек разного типа обслуживала своевременно поголовно все население нужной ему книгой, удовлетворяла все растущую потребность масс в знаниях, ширила их горизонт, отвечала на их запросы — этот завет Ленина далеко еще не выполнен.

Вот почему сейчас в Наркомпросе организуется особое библиотечное управление, которое должно поднять все дело на должную высоту.

Первая неотложная задача — это *обеспечить существующим уже библиотекам нужное им помещение.* Необходимо, чтобы помещения для библиотек были просторны, светлы, сухи, хорошо отапливались, чтобы при библиотеках были удобные читальни.

Такую же заботу, какую мы видим сейчас о школьных зданиях, надо проявить и в отношении библиотечных зданий. Этого надо добиться. Надо раз навсегда положить конец такому положению вещей, что заведу-

---

* Статья в «Правде» 6 октября 1933 г.

ющий ОНО занимает под детсад, школу, студенческие общежития помещения библиотек, переводя их в более тесные, темные, сырые, неудобные для читателей, либо просто выкидывает книги в подвал, где они гибнут. Таких заведующих ОНО надо немедля снимать с должностей, передавать дела прокурору. Но не только ОНО распоряжается. Мы знаем не мало случаев, когда райсоветы берут библиотечные помещения под квартиры, под торговые помещения. Библиотечное управление должно положить этому конец. На помощь ему должны притти прокуратура, РКИ, советская общественность и в первую голову советы и их секции. Страна наша культурно выросла, *такое отношение к библиотекам и библиотечному имуществу, к книжной общественной собственности надо клеймить позором.*

Наша библиотечная сеть совершенно недостаточна, особенно в деревне; надо строить новые библиотеки, но надо строить разумно. Сколько наблюдалось случаев —затрачиваются очень большие средства, но средства выкидываются зря, или строится библиотека рядом с другой, только более роскошная (часто ведомства «соревнуются», строят рядом друг с другом большие библиотеки), или строится в таком месте, где неудобно ею пользоваться населению, или переделывают под библиотеки сараи старых казарм, получаются холодные, сырые, негодные помещения. Тут нужны *плановость, учет местных условий, учет завтрашнего дня.*

Между ведомствами и организациями нужна договоренность, нужно выработать типовые договоры, которые помогали бы максимально использовать каждую библиотеку.

Особенно большое внимание надо уделить разработке типов *колхозных библиотек,* в которых так нуждаются сейчас колхозы. Политотделы при МТС тут очень много могут помочь.

Районные библиотеки должны помогать в комплектовании библиотек изб-читален, библиотек колхозных клубов, должны инструктировать руководителей этих библиотек, помогать им овладеть библиотечной техникой. Должны помогать школьным библиотекам.

От вопросов *библиотечной техники* зависит очень многое — сохранность книг, максимальное использование книжного богатства, удовлетворение запросов

читателей и даже политическое лицо библиотеки. Для различного типа библиотек нужна различная техника. Важно уметь рекламировать нужную книжку, продвигать ее, важно уметь повысить ее обращаемость, организовать инструктаж, кружки и т. д. и т. п. В области библиотечной техники у нас царит большая неосведомленность, мешающая правильной постановке дела.

Быстрые темпы хозяйственного и культурного строительства требуют создания в сравнительно короткие сроки кадров специалистов. Им, как и всем участникам соцстройки, приходится много самостоятельно учиться. Им нужны книги. *В наших условиях научные библиотеки не могут быть чем-то замкнутым, доступным лишь узкому кругу лиц.* Они должны помогать научной квалификации кадров уже вступивших в работу и готовящихся к ней специалистов.

Научные библиотеки должны шире открывать свои двери людям, всерьез желающим учиться, углублять свои знания. Необходимо продумать, как это наилучшим образом сделать. В библиотечное управление войдут не только массовые, но и научные библиотеки.

Очень важный и большой вопрос — это *вопрос снабжения библиотек книгами*. Как питать библиотеки? Чем питать?

Книги имеют способность, как говорится, «морально устаревать», они особенно устаревают морально в условиях нашей быстро текущей жизни. Книги, написанные по старым цензурным условиям эзоповским языком, книги, написанные для прежних господствующих классов, касающиеся вопросов, волновавших эти чуждые классы, если они даже были художественно написаны, мало интересуют современного массового читателя. Он жаждет книг, близких ему, говорящих о вещах, его волнующих в данную минуту. Ударника соцстройки старой литературой не накормишь. И библиотека, которая не пополняется все время вновь выходящей литературой, теряет для читателя интерес, он перестает ходить в библиотеку, равнодушен к ней.

Между нашими массовыми библиотеками и современными нашими писателями нужно установить тесную связь. Писателю нужно учитывать запросы читателей, и при составлении планов издательств голос библиотечного читателя должен быть слышен.

Это одна часть вопроса. Другая — техника снабжения, техника распределения. Что греха таить, наши книгоснабжающие органы сплошь и рядом рассуждают в отношении библиотек по-старинке: «на тебе, боже, что нам не гоже» — лучше пустим в продажу, а библиотеке сбудем то, что останется. А распределение у нас должно быть социалистическое, и в первую голову лучшей книгой мы должны снабжать органы коллективного пользования книгой — библиотеки, а не частного потребителя. Надо будет много и много затратить сил, чтобы сломить установившиеся традиции в деле снабжения библиотек.

Далее идет *вопрос учета.* Учет на библиотечном фронте у нас хромает на все четыре лапы. Берешь данные одной области, — там учтены лишь одни политпросветские библиотеки, данные другой области включают профсоюзные библиотеки, данные третьей не включают профсоюзных, зато включают библиотеки изб-читален и т. д. и т. п. Зато учет каждой библиотеки включает в себя массу показателей, берет уйму времени. Материалы получаются несравнимые, материалы, с которыми нельзя оперировать. Очевидно, придется держать совет с *ЦУНХУ* и *Госпланом,* как провести учет самых основных данных, но учет настоящий, без которого все финансово-плановые вопросы повисают в воздухе, все расчеты производятся «на-глазок».

Библиотека не может работать без библиотекаря. *Библиотекарь* — душа дела. От него зависит страшно много. Он должен быть энтузиастом своего дела, уметь работать с массой читателей, владеть методами библиотечной работы, уметь при помощи этих методов организовывать всю работу библиотеки. Библиотекарь в наших советских библиотеках не может быть простым техническим выдавальщиком книг, он должен владеть не только техникой выдачи, записи книг, уменьем учитывать число подписчиков, хотя обязательно должен уметь делать и это. Это умение необходимо, но далеко не достаточно.

Наша советская массовая библиотека не может, не должна превращаться в бюрократическое учреждение, она должна быть живым культурным центром, а это требует от библиотекаря умения подходить к массе, работать с массой, знать ее запросы, умения направлять

ее интересы в определенное русло, будить самодеятельность читателей, вести среди них большую инструктивную работу. Советский библиотекарь должен быть человеком образованным и политически подкованным, *советский библиотекарь — ответственный участник соцстройки.* В деревне его роль не меньше, а еще больше, чем в городе.

До крайности важен поэтому умелый *подбор библиотечных работников, правильная их подготовка и переподготовка.* По данным на 1933 г. 36% библиотекарей не имеют никакой библиотечной подготовки, 24% — это имеющие семилетнее образование и либо годичный стаж библиотечной работы, либо библиотечную подготовку на краткосрочных курсах. Другими словами, 60% теперешних библиотекарей — неподготовленные новички в этом деле, и понятна громадная текучесть этого состава, а текучесть на библиотечном фронте означает фактическое разбазаривание библиотечных фондов, отучивание читателей от библиотеки. Из остальных 40% — 15% «библиотекари, имеющие образование в объеме библиотечного техникума (очного или заочного), а также работники с незаконченным средним образованием, имеющие практический стаж работы не менее двух лет».

Как видим, этот разряд — также очень слабо подготовленный, и только остальные 25% можно назвать настоящими библиотекарями.

Итак, *на фронте библиотечных кадров мы имеем форменный прорыв.* Об этом надо сказать открыто, отдать себе отчет в том, что надо обратить исключительное внимание на подготовку кадров, что сейчас это самая ударная задача. *Было бы громадной ошибкой по случаю организации библиотечного управления закрывать при педтехникумах существующие библиотечные отделения,* свертывать и ту небольшую работу, которая имеется в настоящее время. Надо прежде всего укрепить то, что есть, а затем надо предоставить библиотечному управлению материальные возможности развернуть необходимую сеть специальных библтехникумов.

Отдел подготовки кадров, к счастью, разделяет эту точку зрения.

Но дело подготовки и переподготовки библиотечных

работников будет иметь успех лишь в том случае, если *положение библиотекаря, и материальное, и моральное, будет улучшено*. Тут нужна большая забота со стороны библиотечного управления и Цекпроса.

Библиотекаря нужно окружить таким же вниманием и заботой, каким окружают учителя. Нужно, чтобы лучшие силы мобилизовали себя на этот фронт. Недаром еще в 1919 г. Владимир Ильич в специальном письме во внешкольный отдел писал *о необходимости организации на библиотечном фронте соцсоревнования*. Соцсоревнование — путь к выдвижению лучших работников, путь превращения их работы в практический показ того, как надо поднять работу на должную высоту. Соревнование, правильно поставленное, зажигает огнем энтузиазма работников в той области работы, где оно проводится.

Ряд причин—и наше прошлое бескультурье, и слабая постановка библиотечного дела, и необходимость сосредоточить главное внимание на создании базы соцстроительства — привел к тому, что *библиотека не вошла еще в быт*. Бывает так — под боком великолепная доступная библиотека, но люди не знают об ее существовании, а если и знают, что она есть, то им и в голову не приходит, что ею можно и надо пользоваться. Надо проделать большую работу *по привлечению массового читателя*. Каждая библиотека должна обрасти читательским активом, который может сделать страшно много для поднятия работы библиотеки на должную высоту.

Ильич считал, что и в библиотечном деле, как и в деле ликвидации безграмотности, важно, чтобы массы сами взялись за это дело. Их надо только систематически инструктировать об очередных задачах библстроительства.

Подведем итоги. Положение на библиотечном фронте тяжелое. Нельзя закрывать на это глаза. Но у нас, в СССР, существуют испытанные пути ликвидации самых тяжелых прорывов. Мы умеем мобилизовать силы. Теперь, когда внимание партии, внимание советской власти направляется на библиотечное дело, нельзя ни минуты сомневаться, что дело быстро сдвинется с мертвой точки. Будут помогать советы и их секции, поможет печать. Комсомол уже примыкает к этому делу.

Несомненно помогут политотделы МТС; уже приходят письма из политотделов по поводу библиотек. Поможет Цекпрос и вся масса просвещенцев, которые понимают роль библиотек в деле строительства социализма, которые будут учить и ребят и взрослых, как пользоваться библиотекой. Поможет рабочий актив, ударники колхозных полей, помогут писатели, помогут ИТР, вузовские работники и студенты, будут помогать все советские органы.

И тогда наша Страна советов станет не только грамотной, она станет читающей, использующей все достижения науки, все, что веками добыто человечеством в области знания, техники, искусства, впитает в себя весь опыт применения знаний к практике. Масса научится по-настоящему учиться. Развитие библиотечного дела будет подкрепой школе, облегчит во много раз ее работу.

Завет Ленина будет выполнен.

К борьбе за культурно-организованную жизнь, за жизнь просвещенную и светлую*

Ленин много писал и говорил о необходимости широко развернуть культурно-бытовую работу. Но особенно стал он налегать на эти вопросы, когда гражданская война стала близиться к концу и надо было вплотную браться за перестройку всей жизни. Ильич говорил тогда, в январе 1920 г., о том, что вот война кончена, но мы начинаем другую войну, которую не скоро кончим; это борьба широких масс рабочих и крестьян за просвещенную, светлую, здоровую, сытую Россию.

Борьба эта будет долгая, — подчеркивал Ильич. «Мы легко сбросили царя в несколько часов. Помещиков и капиталистов в несколько недель. И это только полработы. *Нужно научиться работать по-новому*». И Владимир Ильич говорил, что это задача трудная, требует большой учебы, подъема всего культурного уровня. «Но мы кончим эту войну, — говорил он, — такой же решительной победой, какой окончили и борьбу против белогвардейцев».

У нас за все время, протекшее со времени января 1920 г., много побед и на фронте культурного строительства. Лицо нашей страны стало иное, мы все это знаем. Но великая борьба, о которой говорил тогда Ильич, еще не кончена, она в полном разгаре. Старой темноты уже нет, страна в основном стала грамотной — выросло чрезвычайно сознательное отношение к труду, уменье его организовывать.

Это лето шел настоящий бой за то, чтобы колхозы стали жить зажиточно. А сейчас поднимается с самых низов *борьба рабочих и колхозников за жизнь культурную, просвещенную, светлую.*

---

* Статья в газете «За индустриализацию» 27 октября 1933 г.

Начинается поход за чистоту, благоустройство, за школу, за учебу взрослых, за развертывание всех культурных учреждений, за повышение качества их работы.

Сейчас на селе народ стал много сознательнее, организованнее — коллективизация сыграла тут большую роль, на селе больше культурных сил, чем было раньше, есть «советы культурного строительства», есть политотделы МТС. Деревня стала грамотнее, слушает радио, в ней есть телефоны, грузовики. Город научился лучше помогать селу.

Все это говорит за то, что за эту зиму, если приналечь на это дело, можно будет сделать много.

Но в бой надо итти вооруженными, а не с голыми руками. *Книга в культпоходе, в соцстроительстве — что винтовка в бою.* Это, конечно, относится не к каждой книге, а только к книге хорошей, нужной для поднятия политической сознательности, для практической работы по налаживанию по-социалистически всего жизненного уклада.

Нужна книга, которая вооружает, дает силу. «*Нужную книгу в деревню*» — таков наш первый призыв.

Раз книга — орудие борьбы, а чтение не только времяпрепровождение, развлечение, а учеба, книга не должна разбазариваться по рукам. Нельзя, чтобы нужная книга была частной собственностью — что хочу, то с ней и делаю; книга «моя», хочу читаю, хочу в печку бросаю. *Нужная книга должна стать общественной собственностью, которую надо беречь, как зеницу ока.*

Надо научиться пользоваться нужной книгой организованно. В библиотеке собираются нужные книги, за ними организуется нужный уход, организуется правильное ими пользование. И потому мы говорим: «*Развернем на селе — в колхозах и совхозах — широкую сеть сельских библиотек, укрепим библиотеки в домах культуры, клубах, избах-читальнях, дадим для них хорошие помещения, дадим им хороших библиотекарей, будем беречь библиотеки, как зеницу ока*».

Это завет Ленина. Ленин очень много говорил, писал, заботился о библиотеках. Окружим библиотеки общественным вниманием и заботой, будем вербовать для них читателей.

Надо, чтобы каждый ударник и ударница колхозных полей, партийцы, комсомол, рабочие и работницы сов-

хозов, все колхозники и колхозницы, все жители села стали ходить в библиотеку, научились ею пользоваться. Необходимо, чтобы школы детские и школы взрослых, курсы, сама библиотека учили, как пользоваться библиотекой, как работать с книгой. Мы зовем: «*Записывайтесь все в библиотеки, привыкайте побольше читать, соблюдайте библиотечную дисциплину; соблюдайте тишину в читальнях, бережно обращайтесь с книгой, по-время возвращайте книги.*

Библиотеки повысят обращаемость книг, сделают книгу во много раз доступнее массам.

Ильич хотел, чтобы библиотеки организовывали читки самых нужных книг и документов, чтобы они обрастали кружками читателей, чтобы библиотеки помогали соцстройке.

И мы зовем: «*Сделаем библиотеки на селе опорными пунктами борьбы за организованную культурно жизнь, за жизнь светлую и просвещенную*». Будем заботиться о библиотеках, будем учиться из нужных книг, это поможет легче справляться с трудностями, избегать ошибок, дружнее, сплоченнее итти по пути к социализму.

Пять лет работы в вечерних смоленских классах*

Я работала в вечерне-воскресной Смоленской школе, что за Невской заставой, с 1891 по 1896 г., и эти занятия на всю жизнь остались для меня одним из самых светлых воспоминаний, они дали мне чрезвычайно много в смысле понимания рабочей среды, рабочего быта. Эти годы совпали с годами, когда у меня складывалось и крепло марксистское миросозерцание. Как только стала раскрываться предо мною роль, которую рабочий класс должен сыграть в деле освобождения всех трудящихся, так неудержимо потянуло меня в рабочую среду, к работе среди рабочих. Нелегальные кружки рабочих тогда были немногочисленны; желающих вести кружки было гораздо больше, чем кружков, и мне, молчаливой, застенчивой девушке, тогда только начинающей разбираться в вопросах марксизма, не было почти никакой надежды получить кружок. На мои настоятельные просьбы дать мне работу мне предложили обучать грамоте жену одного из активных рабочих. Я согласилась, но и этот проект не мог осуществиться благодаря категорическому отказу со стороны той, которую предполагалось обучать. Пробовала получить кружок через народовольцев, но там у меня, вполне естественно, потребовали принадлежности к народовольческой партии; я же не могла и не хотела утаить, что мне кажется, что социал-демократы стоят на более верном пути. Очевидно было, что нужно искать самостоятельных связей с рабочими. Однажды я поехала с одной своей гимназической подругой посмотреть воскресную школу в селе Смоленском на Шлиссельбургском тракте. Помню, что уроки, которые

---

* Статья в сборнике «Политпросветработа». 1932 года.

я посетила, понравились мне. Оба урока проведены были очень талантливо; на одном уроке разбиралась басня Крылова «Пруд и река», урок вела А. М. Калмыкова, другой урок проводил В. Я. Абрамов — о труде и роскоши, носил он определенный толстовский привкус. Рабочие мало высказывались; те, что высказывались, соглашались с преподавателями. Мне казалось, что надо говорить иначе. С осени 1891 г. я стала учительницей воскресной школы в селе Смоленском.

Жили мы тогда с матерью бедновато — сдачей комнат, перепиской и т. п. Я с утра до вечера бегала по урокам, но все они носили случайный характер. Прочен был лишь вечерний урок при гимназии. Но с ним нельзя было совместить ни посещения собраний, ни работу в вечерней школе, и пришлось от него отказаться. Чтобы быть принятой в число учительниц Смоленской воскресной школы, надо было обратиться к председателю фарфоровского попечительства, Николаю Александровичу Варгунину. В то время смоленские воскресные школы (их было, собственно говоря, три: две в селе Смоленском — мужская и женская — и одна в селе Александровском), в общем обучали около тысячи рабочих и работниц; одних учащих было 50 человек. Воскресная школа была любимым детищем Н. А. Варгунина, он заботился о всех мелочах, постоянно бывал там. Н. А. Варгунин сделал чрезвычайно много для развития дела просвещения на тракте. Он не только давал деньги, — он отдавал себя. Это был очень образованный и умный человек. Я его не знала близко, но не могла не ценить его. Помню, как он председательствовал на собраниях учащих объединенных вечерних воскресных школ. Поражала его беспристрастность и тактичность. Только раз он возмутился и воспротивился, когда собрание потребовало однажды перерешения только что принятого решения. Николай Александрович не был революционером. Когда Смоленская школа превратилась в очаг революционной деятельности, он отошел от нее, перенес центр тяжести своей деятельности в народный театр, но никогда ни одним словом, ни одним поступком он не старался помешать революционизированию школы. Он видел, что делалось в школе, не мог не видеть, — да никто ничего и не скрывал от него, — видел и покрывал своим молчанием. Заботился

только об одном: чтобы соблюдались «приличия», чтобы школа не подводилась под закрытие. Времена же тогда были такие. Приехал в школу как-то инспектор и пошел на урок в так называемую повторительную группу. Там в это время проходились десятичные дроби, ученики блеснули своими знаниями. Инспектор рассыпался в похвалах. Но на другой день пришла бумага: «Закрыть повторительную группу за превышение программы». Можно было по программе лишь повторять четыре действия арифметики, преподавание же десятичных дробей считалось слишком революционным.

В школе никто меня не знал, и сначала встретили меня недоверчиво. Наконец, уже в октябре, дали мне небольшую захудалую группу безграмотных. Она в громадном большинстве своем состояла из пожилых рабочих, и, кажется, только трое из них были без какого-нибудь физического недостатка: чахоточные, один безрукий, один кривой и т. д. Надо сказать правду: обучала я свою группу очень плохо; технически я не умела в то время учить грамоте, да и в смысле развития вряд ли много дала, не знала еще, как приступиться к взрослому рабочему.

Зато я очень старалась, жила успехами своих учеников. И мне прощалась моя неумелость; отношения у меня с учениками сложились очень хорошие.

Большинство учеников были рабочие с прядильно-ткацкой мануфактуры Максвеля, от Паля, много было с суконной фабрики Торнтона, с другого берега Невы, от Семянникова, с Александровского завода, с табачной фабрики, со склада Громова и др.

Как сейчас помню своих учеников первой группы, учившихся грамоте. Один—небольшого роста, кривой, рябой, с десяти лет работал на мануфактуре. По воскресеньям он напивался пьян и в школу не ходил, бушевал. «Сегодня кривого нашего в участок отвели», — сообщали ученики. По вечерам (занятия происходили по воскресеньям и два вечера в неделю) ходил аккуратно. Поражало в нем полное отсутствие инициативы. Не скажешь, как держать перо, что писать надо по строчкам, — сам не догадается. Скажешь — выполнит замечательно аккуратно. Работа с детства при машине обратила его самого в какую-то машину.

Другой — Васильев — работал на табачной фабрике. Весь был пропитан тяжелым запахом табака. Когда наклонялась к нему, то начинала кружиться голова. И он пил по воскресеньям. Помню такую сцену. Пришел Васильев — бледный, как полотно, еле сидит. Проходит дежурная девушка Катя, со звонком, и спрашивает: «Где тут сейчас пьяный прошел?» Мы промолчали. Минут через десять вижу: разбирает человека. Говорю: «Вы бы домой, Васильев, пошли, нездоровы ведь». Засмеялись. Васильев встал: «Не нездоров, — пьян я», — и пошел, держась за стену, к двери. Остановился около доски: «Мелом бы пописать». — «Ну, вечером попишете». Выучился когда писать, сначала пропускал гласные, — я понимала, что моя тут вина.

Раз приносит исписанный листок. Я прочитала: «Нашли девочку, взяли в артель, забавная такая, надо отдавать в полицию, а жалко». Когда я прочитала вслух, что он написал, — засветилось все лицо у него. Как-то приносит рубль — купить книжек. «Много, — говорю». «Нет, — говорит, — купите мне на все, все равно пропью».

Карасев еще. Чахоточный, худой рабочий от Максвеля, с впалой грудью. Страстно хотел одолеть грамоту. Недавно приехал из деревни. Как стал писать, написал раз: «Выучи грамоте — подарю на сарафан». Другой раз пожелал удалого жениха.

Раз вечером приходит взволнованный. «Уж так сегодня расстроился, — рассказывает, — у меня должность такая — смотреть, чтобы двери были затворены. Ну, я с книгой сижу, — не досмотрел. Проходит, мастер, увидел, оштрафовал на полтинник».

От Торнтона ходила группа пожилых рабочих — смоленские плотные мужики. Торнтон брал к себе на фабрику все больше смоленских, подбирал односельчан, даже престольные праздники справлять позволял. Хотел, чтобы жили его рабочие обособленно от других рабочих, держась за односельчан. А чтобы в Смоленскую школу не ходили, завел Торнтон воскресную школу и пригласил туда студентов духовной академии: таскали они рабочим всякий черносотенный вздор, жития святых и прочее барахло. Но торнтоновские рабочие в свою торнтоновскую школу ходили мало, а ходили в варгунинскую школу. Я была как-то в казармах для

рабочих при фабрике Торнтона. Сменив шапочку на платок, ходили мы вдвоем с Аполлинарией Якубовой в гости к знакомому рабочему, моему ученику Кроликову. Громадное здание, с бесчисленными комнатами, с не доходящими доверху перегородками в коридор, страшный шум, особенно внизу, — в верхнем этаже потише; но стены зелены от сырости, по две семьи в небольшой комнате; тут же в коридоре сушится белье, воздух такой спертый, что плохо горят в нем лампочки. Общие спальни страшно тесны. Мы пришли вскоре после гудка. Рабочий день тогда был неимоверно длинен (12 — 14 часов на текстильных фабриках). И мы видели в женском общежитии, как несколько работниц в изнеможении лежали на кровати, уткнувшись лицом в подушку; одна лежала в ящике. Условия работы были непомерно трудны. Особенно про красильню рассказывали, как отравлялся там народ. Общей столовки тогда не было, была лишь общая кухарка, которой платила каждая семья по 2 руб. в месяц, чтобы ставила кухарка горшок со щами на плиту. Но все горшки не умещались, щи не упревали, иногда вода только чуть нагревалась.

Собранный через Кроликова материал Владимир Ильич положил в основу своего листка к торнтоновским рабочим и работницам (написан листок был в ноябре 1895 г.).

Ученики от Торнтона в моей группе были все люди семейные, положительные. Сидят земляки рядом, один лукаво поглядывает в тетрадь соседа, закрывая написанное в своей тетради рукавом,—не дал ли сосед промашку, не написал ли, где не надо, твердого знака вместо мягкого. Один из торнтоновцев умел читать, пришел в школу, чтобы подучиться писать. Однажды он принес с собой книжку «Хождение богородицы по мукам», которую ему дал студент духовной академии. «Хорошая очень книжка, возьмите, почитайте!» — предложил он ее мне. Я взяла. Сколько там было изуверства, черносотенства: на какое невежество была рассчитана эта книжка и в то же время как фабульно, эмоционально она была написана. Я долго потом беседовала с рабочим, давшим мне «Хождение богородицы по мукам». После этой беседы он стал по воскресеньям водить с собой на урок восьмилетнего сынишку: «Пусть послушает».

Самая интеллигентная группа была — четверо рабочих от Максвеля, все из одной артели. Пожилой, седоватый рабочий, с привязывавшимися белыми кромками очками, говоривший авторитетно, часто от лица всей группы, прирожденный вожак, рассудительный, знающий, что говорить. Всегда делал сам свое дело, ничего не спрашивая. Быстро выучился писать. Писал свое: то «Вот мчится тройка удалая», то «Хотца чайку попить», то «У нас лес весь свели, топить нечем,— у нас не степь».

Другой ученик из той же артели — Михайло — высокий, молодой рабочий, всегда с шарфом на шее; мало говорил, но выучился быстро читать и писать, все хватал на лету. На другой год пришел его соученик, товарищ по артели, однорукий солдат, и сказал: «Приказал Михайло долго жить, перед смертью велел вам кланяться». «Отчего умер?» — спрашиваю. «Да так, на работе надорвался».

Группу максвельцев дополнял молодой парнишка Зотов, с полудетским лицом, в кафтане с непомерно длинными рукавами, только что приехавший из деревни и быстро овладевший грамотой. «Он еще в пастухах научился», — говорили про него товарищи.

Этот первый год моих занятий облек для меня рабочее движение живой плотью, навсегда связал меня с рабочим классом.

Основной группой учащих Смоленской воскресной школы были учительницы детских школ села Смоленского, жившие при школе: Ольга Петровна Поморская, Зинаида Алексеевна Никитина, Мириманова, Пожалова и др. Заведующей школой была О. П. Поморская. Она несла большую ответственную работу по вечерне-воскресной школе, являясь ее организатором. Очень хороший человек и страшно непосредственный, прямой и искренний, она накладывала свою печать на школу. Политика ее мало интересовала, хотя она и относилась отрицательно к самодержавному строю и желала всяческих свобод. О конспирациях каких бы то ни было она не имела понятия, да и всякая конспирация противоречила всей ее натуре.

Другой видной фигурой был Вячеслав Яковлевич Абрамов — народный учитель в школе села Волкова, что за Волковым кладбищем; каждое воскресенье и чуть не

каждый вечер мотался по конкам с Волкова кладбища за Невскую заставу. Он был также чужд политике, но отдавал всего себя делу просвещения.

Труд в воскресно-вечерней Смоленской школе был бесплатен, ездившим из города оплачивалась только конка. Езда на паровой конке, набитой всегда рабочими, давала яркие картинки рабочего быта того времени.

Из города ездило много народу: Н. И. Рубакина, Н. А. Герд, А. В. Кузнецова, О. А. Филатова, учительница Данкворт, Дивилькова, Арцимович, Самохина, П. Ф. Куделли, А. А. Роде, А. И. Чечурина (теперь Мещерякова), Николай Леонидович Мещеряков, Евгения Александровна Караваева и др. Куделли и Мещеряков были тогда народовольцами, что-то конспирировали, ездили на вечеринки в Капорье.

Хотя у меня сложились очень хорошие отношения со всеми в школе, но ближе всего, пожалуй, первый год я стояла к группе Караваевой и находящихся под ее влиянием Роде и Чечуриной. Роде и Чечурина целый день бегали по урокам, учили в какой-то профессиональной школе за гроши. Семья Караваевых была типичной интеллигентской семьей — целая куча молодежи, студенток-фельдшериц, детей, учившихся дома, и куча дел. Евгения Александровна была очень интересный работник, но исключительно культурница.

Мещерякова я знала по встречам на нелегальных собраниях, где он выступал как народоволец. Он давал мне нелегальщину, издания Группы «Освобождение Труда», и мы спорили дорогой, пока проходили те полторы версты, что было от паровой конки до школы, о том, кто более прав: народники или марксисты.

В общем, когда я стала заниматься в школе, общий тон, царивший там, был интеллигентски-народнический, очень многие приемы занятий с детьми переносились и в школу взрослых — изобилие диктовок, грамматики.

Когда я немножко освоилась в школе, пустила там корни, присмотрелась к тому, что там делается, я стала предлагать кой-какие новшества.

По четвергам в школе проводились обычно чтения с волшебным фонарем, на которых присутствовали все группы. Собиралось человек 200. Обычно читалась какая-нибудь беллетристика, часто сочинения Л. Толстого.

Я стала выдвигать ту мысль, что надо бы вместо чте-

ния по беллетристике рассказывать о других странах: Швеции, Норвегии, Германии, Англии, Франции. Утверждала, что это заинтересует рабочих не меньше, чем «Бог правду видит, да не скоро скажет». «Что ж, попробуйте», — предложила Поморская. Я стала готовиться. Для начала была взята Швеция.

В один из четвергов волшебного фонаря в большом классе не было, на доске висела карта Швеции, а на скамьях плечо к плечу сидела многочисленная рабочая аудитория. Слушать лекцию пришло и несколько преподавателей.

В то время я была дико застенчива и с трудом начала свой доклад, но когда минут через пять решилась поднять глаза, увидела перед собой внимательные, оживленные лица, — я приободрилась и довела свой доклад до конца. Только вместо полутора часов он занял у меня всего три четверти часа. Расходясь, рабочие оживленно толковали. «Как это вы могли так спокойно говорить?» — заметила Поморская, а я ушла в темный класс и разрыдалась там от волнения.

В воскресенье ряду учительниц ученики подали сочинения о Швеции.

С тех пор «география» вошла в моду. Ученикам раздавались хрестоматии Баранова, раскрывалась страница, где нарисован был английский матрос в шапке с ленточками — это на случай приезда инспектора, — и шли рассказы о жизни и борьбе рабочих в европейских странах; об английском парламенте, о роли машин и пр. Помню одну очень интересную четверговую лекцию Калмыковой «О государственном бюджете», которую ученики слушали с захватывающим интересом и которая также попала в «географию».

На следующий год я попросила, чтобы мне дали повторительную группу. С повторительной группой занималась искони Екатерина Николаевна Щепкина, специалистка по истории, либералка до мозга костей. Ее либерализм возмущал меня. Мне хотелось повести эту группу по-другому, хотелось повести через группу пропаганду марксизма. Повторительную группу мне дали. Она была очень разношерстна. Часть состояла из молодежи, хорошо грамотной, любившей грамматику, не очень давно еще покинувшей стены школы, полуребят по настроению.

Другая группа состояла из пожилых рабочих, плохо писавших, но желавших узнать побольше «о жизни». Я взяла среднюю линию, но это было ошибкой, и молодежь все же у меня разбежалась. «Бороды» доходили до конца. Между ними была пара рабочих, уже высылавшихся из Петербурга. К занятиям в этом году приходилось усердно готовиться. Слушатели ставили сплошь и рядом весьма серьезные вопросы. Спец по библиотечной части у нас была А. И. Чечурина. Она возила ученикам книги из города.

По примеру Чечуриной я стала подписываться для учеников на книги в городской библиотеке. Абонемент на пять книг стоил 75 коп., на ученика приходилось 15 коп. Подписались и читали книги человек 25. Я превратилась в верблюда, таская книги из города на тракт и с тракта в город. Редко требования были определенны. Приходилось часто самой определять, что для какого ученика подходит. Неожиданно для меня забраковали «Войну и мир». «Это только на диване развалясь читать». Забраковали «Хронику села Смурина», — молодежь требовала усиленно Мордовцева «Двенадцатый год», Жюль Верна. Помню, как один из учеников, по виду подросток (по паспорту ему было больше 18 лет; в школу моложе 18 лет не принимали и в сомнительных случаях требовали метрического свидетельства), получив «80 тысяч миль под водою», блаженно охватил книгу руками и так и просидел до конца урока, потом исчез на две недели, пока не перечитал два раза всей книги. Большой популярностью пользовались «Спартак» и «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. С последней вышел целый инцидент. В группе был ученик Сергеев, пожилой рабочий, очень развитой, речистый, староста артели, очень умный, работавший на стеариновом заводе. Глотал книги с необыкновенной жадностью. Как ни тщательно я обертывала их газетою, все же частенько возвращались они захватанные жирными пальцами.

Сергеев взял читать «Историю одного крестьянина». Стал читать ее во время работы, ушел ворочать сало, подошел тем временем инженер-толстовец, взял книгу и возмутился: «Вы бы Беллами лучше читали, чем такие возмутительные книги», — выговаривал он Сергееву. Книга оказалась испещренной чьими-то надписями. Так

против места, где говорилось о казни Людовика XVI, было написано: «Вот и с нашим надо бы так расправиться». Вызвал инженер Н. А. Варгунина, книгу забрали, отвезли в библиотеку и взяли с владельца ее расписку об изъятии из обращения данного экземпляра.

На тракте, неподалску от церкви Михаила архангела, была «Народная читальня». Список разрешенных книг был очень невелик; запрещен был, например, Некрасов.

В последние годы моего пребывания в школе библиотекаршей смоленской читальни стала А. И. Чечурина. К ней шли рабочие не только за книгами, но и поговорить по душам, посоветоваться. Часто устраивались в библиотеке свидания с теми или иными рабочими. Тов. Запорожец, арестованный потом одновременно с Владимиром Ильичем, вел там занятия с кружком рабочих. Мы, учительницы-марксистки, также широко использовали читальню. Была эта читальня своеобразным агитпунктом.

Ученики писали очень интересные сочинения. Любимой темой была «Моя жизнь». Каждое сочинение давало яркие картинки крестьянского и рабочего быта.

Некоторые писали стихи. Один, помню, в стихах описывал, как издеваются мастера над рабочими. Скажешь слово — и вылетишь с фабрики.

И пойдешь потом скитаться
Возле фабрик у ворот,
Год целый дожидаться
Работы... (конец забыла).

Другой — высокий, кудрявый, здоровый блондин Трифонов с наслаждением читал Лермонтова и подражал ему. «Брянцы, поэт!» — начиналось одно его стихотворение. Однажды он изложил в стихах тургеневского «Бирюка»:

А Тургенев на лавке сидел
И на вора с любовью глядел,
Наконец Бирюку он сказал,
Чтоб он мужика развязал... и т. д.

Не было тогда широкой рабочей прессы, не было рабкорства. Только учительницы да их знакомые читали эти повести тогдашних рабочих о днях их крестьянской и рабочей жизни. Усердно читал их Ильич.

Группа преподавателей пополнилась новыми лицами. Стала работать в школе Аполлинария Александровна

Якубова, Лидия Михайловна Книпович, Александра Львовна Катанская, Марья Вильямовна Бернштам, Тренюхин, Николай Николаевич Яковлев и др. Лидия Михайловна была уже старой революционеркой, работала раньше с Рогачевым и обладала громадной выдержкой. Глубокий, вдумчивый человек, она совсем по-особенному относилась к ученикам. Мы, другие марксисты, слишком благоговели перед учениками, но в то же время слишком опекали их. У Лидии не было этого. Может быть, потому, что она выросла в Финляндии, может быть, в силу своих индивидуальных свойств — она умела подойти к каждому ученику совсем просто, по-товарищески. У нее в группе учился И. Бабушкин. Как-то вначале во время урока грамматики он написал на доске фразу: «У нас на заводе предвидится стачка». Лидия Михайловна после урока отозвала его в сторону и отчитала: «Вы что — рисоваться, что ли, хотите? Если вы думаете не о рисовке, а о деле, то неуместно такие штуки выкидывать». Бабушкин покраснел, но стал еще лучше, еще с большим доверием относиться к Лидии Михайловне. И нас журила она не меньше. Помню, как раз отчитала она меня за то, что я пошла в театр на тракте вместе с инженером с Александровского завода, с которым мы работали в одной организации, как жучила за то, что я позволяю Ольге Петровне Поморской называть себя при людях «марксисткой». И я, и Якубова, и Куделли безгранично привязались к Лидии Михайловне.

С ее появлением в нашей работе были поставлены какие-то точки над «и», культурная работа более быстрым темпом стала принимать революционный характер.

В этом году в школе прочел несколько лекций Борис Александрович Витмер. Чрезвычайно талантливый лектор, широко образованный естественник, он взбудоражил всю школу. Он давал ученикам не навязшие в зубах сведения о воде и воздухе, а стал рассказывать о происхождении земли, о происхождении человека. Среди учеников шли бесконечные разговоры на эти темы. Меня ученики повторительной группы прямо забрасывали вопросами, на которые, не справившись в книжке, я не умел им обычно отвечать. В одной малограмотной группе — у Роде, кажется, — ученик посредине диктовки положил перо и недоуменно воскликнул: «Подумать только, что я состою из клеточек!»

Знакомство с естественно-историческими фактами действовало на учеников революционизирующе. Зашла как-то в воскресенье в читальню на тракте. Сидит там почтальон. Он всегда брал, когда приходил в читальню, «Новый завет». Сегодня он был на экскурсии и сидел, не беря никакой книги. «Подумайте, — стал он делиться впечатлениями, — гусеница — и окрашена под цвет сучка или листка. Если досмотрелись до этого ученые, то и до другого досмотрелись — и верить им можно». И с тех пор не брал он ни разу «Нового завета».

По тогдашним правилам, ученики обязаны были по воскресеньям посещать уроки закона божия. Из моей группы никто не ходил. Поп устраивал скандалы. И я убедила учеников, чтобы не закрыли группу, устроить очередь: в порядке повинности ходить по два человека по очереди. К тому же надо было знать аргументацию попа, чтобы уметь ей противостоять.

Я помню, как один из учеников, улыбаясь, говорил: «Невтерпеж ведь. Спорить нельзя, а что он несет! С Дарвином спорил. Брось, говорит, курицу в воду, разве у нее вырастут перепонки». Дарвин был в большом почете у наших учеников после лекции Б. А. Витмера.

Изменился весь облик школы. Стала она заполняться новыми элементами и из учеников. В школу стали ходить не только жаждущие просветиться, — стали ходить и организованные рабочие. Во время занятий они приглядывались к наиболее развитым ученикам и затем старались завербовать их в свои ряды. Между ними и нами, марксистками-учительницами, устанавливалось как бы известное молчаливое соглашение. Иногда они задавали нам вопросы, понятные нам одним, вроде: «Какая разница между архангельским мужиком и питерским рабочим?» или «Может ли мелкая промышленность выдержать конкуренцию с крупной?» Мы понимали, что это человек, состоящий в организации, а он потом, проходя мимо, кланялся с оттенком большей почтительности. Но более отсталые ученики относились к учительницам сначала с известной долей недоверия. Так, например, однажды на уроке географии, когда говорили о шарообразности земли, один ученик (дело было в малограмотной группе), повторив все доказательства шарообразности земли, усмехнулся и добавил: «Только я этому не верю... Это господа нам, рабочим,

голову морочат, — станут они нам правду говорить». Понадобились месяцы, чтобы сломить это недоверие к географии.

Осенью 1893 г. я помогала Поморской проводить поверочные работы. На одной работе, очень слабо написанной с точки зрения грамотности, стоял эпиграф: «Крестьянина... деревни Терпигоревой, Неелова, Горелова, Неурожайки то-ж». «Ого, вы Некрасова читали!» — воскликнула Поморская, отдавая работу высокому, стройному рабочему с русыми кудрями и блестящими глазами. «Всякий человек должен знать Некрасова», — ответил он. «Должен, а многие ли читают?» — «А кто виноват, что не читают? Капиталисты!»

Тема «Капиталисты и рабочие» была излюбленной темой Фунтикова. Она постоянно повторялась в его работах.

Даже в весенней поверочной работе, которую надо было отправлять в округ, излагая рассказ «О рыбаке и рыбке» в десять строк, он ухитрился вклеить сюда рабочего и капиталиста, уподобив рыбака, закидывающего сети, капиталисту, а рыбку — рабочему.

В 1893 г. был такой случай. В этом году на передвижной выставке была картина Н. Ге «Христос и разбойник». Когда царская фамилия посетила выставку, возмущенный царь велел убрать с выставки «эту бойню».

Картину убрали; она была перевезена в квартиру профессора математики Страннолюбского, жена которого была толстовкой. Картину сначала приходили смотреть знакомые, потом круг все разрастался и разрастался. На меня картина произвела сильное впечатление; при втором посещении познакомилась я с Ге.

Он был толстовец. Когда он говорил как толстовец, это было скучно. Но чаще он говорил как художник. Он рассказывал, как он писал картину, что при этом переживал, что думал, как менялись в ходе работы его представления об искусстве, рассказывал, как владела им творимая картина и как в минуту смерти любимой жены он, вглядываясь в ее угасавшее лицо, старался уловить тень смерти, чтобы отобразить ее на своей картине.

И о чужих картинах он хорошо говорил. О «Небе» Дубовского, о «Николае-чудотворце» Репина и т. д. Соберется публика разношерстная вечером около картины, а он рассказывает.

Публика очень пестрая собиралась. Помню такую сцену: какая-то дама из общества усиленно звала Н. Ге к себе на журфикс. Н. Ге согласился: «Вот кстати. Мы хотели собраться, так вот и соберемся у вас. Итак, друзья мои, встретимся, значит, там». Дама пришла в неописуемый ужас, — многие из тех, кого Ге назвал «мои друзья», имели весьма-таки не салонный вид. Конечно, никто из друзей к даме не пошел.

Мне захотелось, чтобы ученики сходили посмотреть картину Н. Ге. «Зачем это? — возмутилась Лидия Михайловна. — Что даст им картина? Господь терпел, да и нам велел». — «Нет, такого вывода не сделают». Собрали человек десять учеников из наиболее развитых. Фунтиков тоже пошел. Картина произвела на рабочих впечатление. Тут и Н. Ге был.

Стал Фунтиков говорить о картине, и опять, какими-то судьбами, выплыли на сцену капиталист и рабочий, рабочее движение, социализм. Внешне это было нелепо, но внутренне, логически — осмысленно. И то, что хотел сказать Фунтиков, поняли и его товарищи, сочувственно поддержавшие его. У Н. Ге заблестели слезы на глазах, он взволнованно обнял Фунтикова и говорил, что он именно это-то и хотел сказать картиной. Ученикам он подарил снимки картины и надписал на каждом: «От любящего Ге». И позднее, когда учеников арестовывали по разным поводам, жандармы удивлялись, находя у них эти снимки с надписью.

Потом Ге говорил, что он хотел бы, чтобы его картина стала народным достоянием и была выставлена в какой-нибудь галлерее, которая будет посещаться массами.

Я видела эту картину потом в Женеве. Одиноко и никчемно стояла она в зале, и недоуменно смотрели на нее проходящие в шляпах и перчатках. А я вспомнила ту обстановку, в которой видела эту картину, вспомнила своих учеников.

Мы водили каждую весну учеников на передвижные выставки в Эрмитаж, и их меткие замечания, их реализм заставляли глубже понимать многие произведения. Быстро ухватывали они всякую фальшь, неточность в отображении, проходили презрительно мимо картин из господского быта, подолгу стояли перед ландшафтами, изображавшими лес, болото, луга, равнодушно

проходили мимо крымских видов; нравились им исторические картины, в картине искали содержания.

Я сказала уже выше, что облик школы к 1894 — 1895 гг. изменился. В революционных рабочих кругах она стала пользоваться хорошей славой. В нее стали приезжать даже рабочие из других мест. Так, ко мне в группу по воскресеньям «из-за географии» приезжал рабочий с Путиловского завода. Приходилось наблюдать, как приедет с осени паренек, входит в класс, крестится на иконы, за географией читает «Новый завет», а к весне, смотришь, вечером идет уже с кем-нибудь из организованных и, застенчиво улыбаясь и прижимая книжку, говорит: «Я сегодня на занятия не приду,—мы с ним к товарищу идем» — и глаза договаривают: «в кружок».

Рабочие в то время преследовались за всякое слово, говорившее об их развитии. У меня в группе был ученик Бакин, молодяга, хотя уже женатый человек. Необыкновенно способный. Был он мюльщиком у Максвеля. Изнурительная это работа — бегай по мокрому полу от машины к машине и на ходу перевязывай рвущиеся нити. И вот перевели Бакина с одной работы на другую, увеличили число машин, за которыми надо следить. Пошел Бакин объясняться с управляющим. Управляющий у Максвеля был сволочь невероятная, гнул рабочих в бараний рог, у него в конторе плеть висела, и когда говорил он с рабочими посерее, только что приехавшими из деревни, пускал ее в ход. Вот Бакин и стал ему объяснять, что раз ему теперь надо следить за большим числом машин, интенсивность труда увеличивается — значит, нужно и жалованье увеличить. Мы как раз незадолго перед этим в группе говорили о ручном и машинном труде, об эксплуатации рабочих и об интенсивности труда.

Не только мы, учительницы-марксистки, понимали, что значит, когда рабочий владеет такими терминами, как интенсивность труда, — понимал это и максвелевский управляющий. Бакина тотчас же разочли и отправили в участок, а оттуда выслали на родину по этапу.

Десяток лет спустя я встретилась с ним как-то на улице. Он был булочником, сознательным участником рабочего движения; хорошо так мы с ним поговорили.

Не все могли спокойно смотреть на такие вещи. У

того же Максвеля работал некий Точилов. Упорно искал он «бога», уходил в штундисты, потом был еще в какой-то секте. Осенью он обычно появлялся в школе, переходя из группы в группу, и, не найдя того, что хотел, бросал занятия. Наконец, он попал в группу Лидии Михайловны Книпович и остался. Весной он писал ей: «Всю жизнь искал бога, а на пасхе узнал от Рудакова (другого ученика), что бога вовсе нет, и так легко стало: потому нет хуже, как быть рабом божьим, — на людей-то управу можно найти».

Тогда не было рабочих организаций, не было массового рабочего движения. Точилов решил действовать в одиночку. Летом ударил ножом в бок мастера, издевавшегося над рабочими. Потом, в тюрьме уже, он стал социал-демократом. Был суд. Мы с Лидией ходили на суд. Максвель сумел подобрать достаточно свидетелей против Точилова: двух мастеров, управляющего, старого бессознательного рабочего, — но как жалки были их выступления по сравнению с мужественной речью Точилова!

В последний год моих занятий в школе мы осенью произвели своеобразный опыт. Выискали в уставе технического общества, что при постоянных курсах могут читаться лекции по отдельным предметам. В Смоленских классах наряду с вечерне-воскресной школой были и технические курсы. При них-то мы и хотели поставить лекции. Вывесили объявление, и несколько воскресений под-ряд в большом классе шли пробные лекции. Каждый лектор объяснял, какой предмет он собирается читать, и тут же давал пробный урок. Затем рабочие записывались — кто на какой предмет хотел. Больше всего записалось на географию Европы, которую разрекламировала во-всю Зинаида Павловна Кржижановская, и на геометрию, которую должен был преподавать Я. П. Коробка. Но ни того, ни другого не утвердили: География Европы была заменена географией России, которую вела я. Ученики были на подбор, и о многом мы с ними говорили. Потом все в разные сроки были арестованы, все вошли в движение. Мы по вечерам обычно запирали парадную дверь на ключ, оставляя открытым лишь черный ход, и таким образом бронировались как от могущего внезапно приехать инспектора, так и от непрошенных посетителей.

Внутреннюю охрану ученики взяли на себя. «Сегодня ничего не говорите, — предупреждает кто-нибудь из учеников, — новый какой-то пришел, не знаем его еще хорошенько, в монахах, говорят, ходил». И не только меня предупреждали ученики. «Черного того берегитесь, — говорит Лидии Михайловне Киниович пожилой религиозный рабочий, — в охранку он шляется».

В конце концов мы знали все, что делается на тракте: какая партия ведет работу в рабочей массе, как рабочие к ней относятся, как на нее реагируют, что им в ней нравится, что не нравится. Когда стали выходить листки, мы получали через школу, — ничего даже не спрашивая, — самые подробные сведения о том, как они были распространены и какое впечатление произвели.

Прасковья Францевна Куделли была учительницей городской детской школы. У себя в школе она организовывала кружки рабочих. Раз она позвала меня и Лидию Михайловну на заседание кружка. Пришло человек 15 наших-самых развитых рабочих. У Прасковьи Францевны — незаурядный пропагандистский талант. Она провела блестящее занятие по истории, опираясь на работу самих учеников. Я мало видала таких талантливых руководителей занятий. Но в то время Прасковья Францевна не была еще марксисткой, и мы с Лидией развели воркотню в отношении содержания беседы. Следующее занятие должно было быть посвящено 8-часовому рабочему дню. Но оно уже не могло состояться. В школе был сделан обыск, и Куделли и Самохина уволены со службы.

Через школу же собирали мы сведения о порядках на фабриках и заводах. Так были собраны сведения для № 1 «Рабочего Дела», которое готовил к выпуску «Союз борьбы» и который был уже в готовом к печати виде захвачен жандармами.

Много в последний год высказывались ученики по душам. Обычно дело происходило так. Я ставила вопросы, ученики начинали между собой горячий спор. Был, например, у меня в группе один максвелец — Якушев. Он любил писать длинные сочинения «о фазах развития» и т. п. В то же время он был церковный староста. Ученики корили его, а он им доказывал, что не может он уйти из церковных старост, потому что боль-

но попы народ обдувают и их надо на чистую воду выводить, а церкви он совсем даже не привержен. Рассказывали про работу на фабриках, про условия жизни. Некоторые мои ученики (И. В. Бабушкин, Грибакин, братья Бодровы — Арсений и Филипп) ходили в кружок Владимира Ильича. Мы тогда много говорили с Владимиром Ильичем о методах пропаганды, об агитации, о содержании пропаганды. Ученики Владимира Ильича догадывались о нашем знакомстве.

Когда в декабре 1895 г. были арестованы Ленин, Кржижановский, Старков и др., ко мне в школе подошел И. В. Бабушкин и заявил, что они напишут листок по поводу арестов, и просил изготовить его и доставить им. Когда этот листок зачитывался на заседании «Союза борьбы», он показался всем чересчур уж «политическим», — в те времена листки заполнялись обычно лишь экономическими требованиями, — публика была очень смущена, и только потому, что листок был написан рабочим, его все же решили издать.

Весной 1896 г. подготовлялась стачка текстилей, и, надо сказать, школа сыграла немалую роль в подготовке этой стачки.

В конце концов мы нарвались на провокатора — некоего «Ларионыча». Один из учеников, Рудаков, перед отъездом в деревню свел меня с женой другого ученика, — у них была удобная квартира, отдельный домик, там бывал и «Ларионыч». Во время стачек 1896 г. провалились все мы с треском. Провалился ряд учеников, провалились и мы, учительницы, члены «Союза борьбы».

Из учащих членами партии стали Л. Н. Книпович, П. Ф. Куделли, Н. Л. Мещеряков, А. И. Чечурина (Мещерякова), З. П. Невзорова (Кржижановская), А. А. Якубова, А. Л. Катанская. Помогали партии А. М. Калмыкова, Б. А. Витмер, М. В. Бернштам, одно время была она в «Союзе борьбы», и т. д. Из учеников И. В. Бабушкин расстрелян в 1906 г. у открытой могилы; Грибакин замучен в тюрьме в годы реакции, Арсений Бодров погиб на южном фронте во время гражданской войны.

Многое уже стерлось за эти годы из памяти. Работа в школе дала мне навыки политпросветработы, понимание того, как надо ставить работу.

На «Красной звезде»*

1919 год был годом острой гражданской войны. Она кипела и на Западе. В январе было восстание рабочих и солдат в Берлине, убиты Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Рабочие массы волновались и во Франции и в Англии. Французские солдаты и матросы в Одессе отказались сражаться с русскими революционными войсками. Начались волнения в английских войсках, оккупировавших север нашей страны. В марте шли уличные бои в Берлине, образовалась советская республика в Венгрии, которая, правда, просуществовала очень короткое время, в апреле возникла Баварская советская республика. В такой мировой обстановке состоялся в начале марта в Москве I конгресс Коммунистического Интернационала.

В России на всех фронтах шла гражданская война: в Польше, на Украине, в Крыму. В марте началось наступление Колчака на восточном фронте. В мае с юга стал наступать Деникин, Юденич двинулся на Петроград.

В марте 1919 г. состоялся VIII партийный съезд, где была принята партийная программа, дававшая четкие установки по всем линиям работы. Пункт 12 программы давал установки по линии народного образования. На этом съезде были взяты также ясные установки по отношению к среднему крестьянству. Владимир Ильич выступал на съезде с речью о работе в деревне, предостерегая от встречавшегося иногда зачисления середняка в категорию кулачества. В мае был I съезд по внешкольному образованию, где Ленин выступал с приветствием и большой речью.

Он говорил: «едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и

---

* Статья в сборнике „Политпросветработа“ 1932 г.

просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки и старые препятствия». И далее: «Мне сдается, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условностями образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями. Оба препятствия мы унаследовали от старого капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас книзу тысячами и миллионами нитей, канатов и цепей.

«Первый недостаток — это обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения для крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто-пролетарского искусства и «пролетарской культуры» преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное... Второй недостаток — это тоже наследие капитализма. Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли. Мне приходилось это наблюдать, когда в Совнаркоме ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я делал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части... Когда мы ставили вопрос о мобилизации грамотных, то больше всего бросалось в глаза то, что у нас революция одержала блестящий успех, не выходя сразу из рамок буржуазной революции. Она давала свободу развития наличным силам, и эти наличные силы — мелко-буржуазные, с тем же лозунгом — «каждый за себя, а бог за всех», с тем же самым капиталистическим проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, кроме как к Колчаку и к старой буржуазной реставрации, не ведет... Наша общая задача здесь — понять, что необходима организованность пролетарских элементов... Сейчас

необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосом, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу... Не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции» (Соч., т. XXIV, стр. 275 — 277).

В июне на восточном фронте стала побеждать Красная армия, она заняла Уфу, Бирск.

В конце июня был оборудован агитационный пароход «Красная звезда», который должен был проехать от Нижнего до Камы, потом подняться вверх по Каме, до которых пор будет возможно, потом спуститься вниз по Волге, до того места, как позволит ход борьбы. При пароходе было кино, продажа книг, которые должны были привлекать на пароход широкие массы. Задачи «Красной звезды» были — ехать по следам белых, вести агитацию, проводить линию, принятую на VIII съезде партии, закреплять всюду советскую власть. Комиссаром на «Красной звезде» был Вячеслав Михайлович Молотов, были агитаторы тт. Александров и Бухарцев, был редактор газеты Николай Иванович Смирнов (на пароходе было радио, типография, выходила газета), были представители от ряда комиссариатов. От Наркомпроса ехали я и т. Цикуленко — главполитпросветский библиотечный работник. Из ездивших на «Красной звезде» помню еще тт. Бурова, Иванова (петроградского), т. Евреинова. Я только что оправилась после тяжелой болезни, и приехавший провожать на вокзал (мы ехали в Нижний поездом) Владимир Ильич толковал с ехавшим с нами на пароходе доктором о моем режиме и пр. Я, по совету Владимира Ильича, завела дневник, где изо дня в день записывала виденное и пережитое. Этот дневник, к сожалению, пропал. Одно время был план — издать воспоминания о поездке на «Красной звезде». Об этом говорил Владимир Ильич. Тов. Буров взял у меня для этой цели дневник, и он где-то пропал в недрах издательства *. Но самый процесс записывания помог сохранить в памяти многое из виденного. Кроме того этому способствовала и организация работы. Мы останавливались в ряде городов,

* Начало дневника отыскалось, печатается ниже.

сел, заводов, расположенных по берегам Волги или Камы, или поблизости ее — помню остановки в Работках неподалеку от Нижнего, в Васильсурске, в Казани, в Верхних Полянах, в селе Богородском при слиянии Волги и Камы, в Чистополе, в Елабуге, на Бондюжском заводе, Ижевском, Воткинском, в Осе, в Нытве, в Перми. И перед каждой остановкой т. Молотов собирал нас, работников «Красной звезды», и мы тщательно обсуждали план выступлений, план той организационной работы, которую надо провести. Потом собирались после остановки и подводили итоги. Такая организация работы давала очень много.

В Нижнем оказалось, что пароход еще не готов, пришлось пробыть там несколько дней. В Нижнем была порядочная разруха. Все еще жило там недавним прошлым большого торгового города.

Осталось у меня в памяти выступление в клубе водников (точного названия клуба не помню), поездка на нижегородскую верфь, где стояло на ремонте много полуразрушенных пароходов, и особенно рассказ ездившего с нами туда матроса о разрушении водного транспорта на Волге. Было большое собрание учителей, я делала доклад о трудовой школе. Нельзя сказать, чтобы собрание было враждебное, но учителя были очень консервативные. Заведывал в то время отделом народного образования т. Таганов, помощницей его была т. Лосева. Толковала я с ними о работе среди учительства, о том, как ставить политпросветработу. Тов. Шикуленко (политпросветский работник Наркомпроса, ездившая с нами) говорила с библиотекарями о постановке библиотечной работы. Библиотечная работа была поставлена не плохо, но плохо было, конечно, с составом книг. Выходило тогда книг советских страшно мало. Выходили они на плохой бумаге, в небольших тиражах, распространялись очень слабо, в библиотеки почти не попадали. Старые же дореволюционные книги оказались, как выражаются на библиотечном языке, «морально изношенными», устаревшими и при изменившейся ситуации наполовину прямо вредными, враждебными.

Помню в Нижнем еще митинг в Сормове.

Первая остановка после Нижнего была в селе Работках Макарьевского уезда.

В Работках подробно беседовала я с учителями. Учителя рассказывали, как идет у них работа в школе. В школу ребят ходит масса, школа битком набита. Ребята и подростки разных возрастов, до 19 лет включительно, учатся бок о бок.

Характерно, что ребята предъявили учителям требование определенной программы: естествознание, история культуры, политэкономия. Насчет естествознания дело обстояло благополучно. Учитель, молодой естественник, умел заинтересовать ребят и подростков, работал с микроскопом. Но остальные две учительницы жаловались. Они ничего не знают по политэкономии и истории культуры, книг не было, ездили в Нижний и там ничего не сумели дать. Одна из учительниц назвала книжку по политэкономии какого-то мало известного автора, которую ей удалось раздобыть и по которой она учила. Ребята задают вопросы, на которые они ответить не умеют. Я думала потом, откуда взялся этот спрос на политэкономию и историю культуры у ребят. Очевидно, тут сказалось влияние какого-нибудь старого рабочего, который ходил когда-то на нелегальные марксистские кружки, где в 90-х годах эти предметы занимали крупное место.

В Васильсурске запомнились жалобы на запрещение кустарных промыслов. Там искони изготовлялись рыболовные крючки. Спрос на них громадный. Рыболовство на Волге широко развито. А местные власти запретили. Нельзя-де тратить железо на рыболовные крючки, железо нужно для фабрик и заводов. В одном из следующих городов, поближе к Казани, мы слышали о запрещении кустарного изготовления бус. «Ни к чему эти бусы», — решили местные власти. Владимир Ильич, когда я ему потом рассказывала об этом, возмущался до крайности.

В Васильсурске или Чебоксарах, не помню уж, на берегу ко мне подошла какая-то возбужденная гражданка. Она говорила, что хочет жаловаться на своего сына Ленину. Сыну 5 лет, она ему запрещает, а он бегает в детский сад. Детские сады и ясли в те времена были еще новостью. Когда мы ехали по Каме, в одном месте крестьяне подали на пароход ходатайство за сотней подписей: просили советскую власть не брать их ребят в детские сады, не делать из них солдат.

Если бы не знать истории, не знать, как при Аракчееве забирали ребят в кантонисты, нельзя было бы понять, как могла придти в голову такая дикая идея.

Обычно митинги кончались пением «Интернационала». Но странное дело, на Волге между Нижним и Казанью «Интернационал» пели на какой-то церковный мотив. Дело объяснялось просто. В клубы приглашали церковных регентов, которые и учили петь «Интернационал» по-церковному.

В то время спекуляция хлебом шла во-всю. И вот вспоминается разговор с одной ивановской работницей-текстильщицей, у которой в кофту была вколота иголка с ниткой. Она пришла на пароход купить книжку. Разговорились. Фабрика стоит. Хлеба нет. Ее и еще нескольких работниц нанял торговец и повез с собой хлеб раздобывать. Надо же кормиться. Мы разговаривали, а около нас вертелся этот спекулянт-торговец, нанявший себе в подсобники работниц-текстильщиц.

В Казани в день приезда пришлось выступать в Казанском университете, однако аудитория была не студенческая, а учительская, просвещенческая и рабочая. В первом ряду сидела работница в высоких сапогах и желтом платке — почему-то запомнилось ее лицо. Было много рабочих.

Учительство в Казани было куда демократичнее, чем в Нижнем, особенно татарское. Раньше, до революции, в татарской деревне учитель не получал определенного жалованья и всецело зависел от муллы и зажиточной части деревни, оплачивавших его труд. Постоянное жалованье делало его положение независимым. В Казани и под Казанью был устроен целый ряд курсов для татарских учителей. Мне пришлось беседовать с курсантами, и впечатление от этой беседы осталось самое положительное. С русскими учителями дело было хуже. Были среди них даже такие элементы, которые весьма прохладно относились к советской власти. Насчет трудовой школы представления были у публики самые первобытные: школа-де должна учить трудолюбию. Большой особняк был превращен в Дворец книги. Все библиотеки со всей Казанской губернии были свезены в Казань, а далее заведующий не знал, да и никто не мог ему посоветовать, что с этими книгами

делать. Театр играл громадную роль. Коран запрещает ходить в театр, но татары ходили, притом с женами. Театр революционизировал в то время умы, организовывал определенным образом.

При слиянии Волги с Камой находится село Богородское. Когда «Красная звезда» пришла в Богородское, был разгар покоса, учителя также были на покосе. Удалось поговорить лишь с одной учительницей. «Не знаем мы, как работать, — говорила она мне, — от отдела народного образования никаких указаний нет. Приезжал как-то из Казани инструктор. Спрашиваю я его: «По-старому учить нельзя, — это мы все понимаем. А по-новому как надо?» Инструктор подумал и говорит: «О вече ребятам расскажите». «Хорошо, — отвечаю я ему, — но не могу же я все о вече рассказывать». Он ничего не сумел сказать, говорит: «Подождите, скоро придут указания из отдела, а до сих пор указаний никаких нет». Эта учительница рассказывала, как они учат ручному труду. Школьники должны носить воду. Богородское на горе. Зимой гора скользкая, мерзлая. Жители села никогда не посылают детей за водой, ходят только взрослые. Школа посылает. И вот учительница рассказывала: «Пошлешь ребят за водой и ждешь, в окно заглядываешь, как дошел, не поскользнулся ли. Другой раз, пока принесет воду, раза три поскользнется, расплещет половину. Надо ли так делать?»

Когда стали подниматься по Каме, сразу пахнуло гражданской войной. На одной из ближайших остановок, кажется, в Елабуге, к нам на пароход пришел один из героев восточного фронта — красный командир Азин. Он недавно был ранен в ногу — хромал. Он был казак, ушел от белых к красным. Его любили красноармейцы. Был он бесстрашен, шел всегда впереди всех. Заботился о красноармейцах. В борьбе был беспощаден. Потом на Нижней Волге при ранении заразился столбняком и сильно мучился, а затем на Дону попал в руки белых, тех, среди которых он рос. Они всячески издевались над ним, потом повесили вниз головой. Этот боец пришел в Елабуг поговорить со мною не о своих подвигах, не о себе говорил он, он говорил о красноармейцах, рассказывал о том, как надо заботиться о них, чтобы были они сыты, одеты, обуты.

Заезжали мы на химический Бондюжский завод. Встретили нас на берегу со знаменами, и ребята были тут. Больше половины рабочих были татары. Устроили большое собрание. Учитель переводил мою речь на татарский язык. Татарки пришли на собрание с детьми — с грудными, с малышами, по-двое, по-трое приходило с матерями. Потом митинговала я еще с рабочими на горке. И опять бросилось в глаза отношение татар к детворе. Детвору пропустили вперед, старшие стояли кругом.

В культурном отношении Бондюжский завод был обставлен недурно, и библиотека, и клуб обслуживали взрослых. Но прямо поражало, как оторван завод от окружающего крестьянского населения. Ни изб-читален, ни клубов, ни библиотек, ни школ для взрослых, ни школ для детей — ничего кругом не было. Темь непроглядная. Завод — какой-то оазис в пустыне.

Запомнился Чистополь. Педагоги казанские постарались сорганизовать чистопольское учительство. Я делала доклад о трудовой школе. После доклада слово взял педагог и стал говорить: «Вы докладом о трудовой школе не отделаетесь; потрудитесь ответить на вопрос, почему большевики вешают людей, такого-то повесили». Шла острая гражданская война. Белые расстреливали, жгли, вешали. Я в заключительном слове говорила о гражданской войне, о том, кто за что борется, и что получится, если большевики не будут давать отпора. Собрание молчало. За всю поездку на «Красной звезде» это было единственное собрание, которое было настроено недоброжелательно. Обычно встречали очень горячо. К вечеру того же дня пришлось выступать перед другой аудиторией. Навстречу нам спускался по Каме пароход, везший сибиряков, перешедших на сторону советской власти. Сибиряки назвали себя коммунистическим полком. Комиссаром, сопровождавшим полк, оказался т. Дрязгов, которого я два года тому назад знала как члена союза молодежи Выборгского района. Тогда он считал себя меньшевиком. Теперь он целиком перешел на сторону большевиков, поехал работать на фронт. Сибиряки сошли на берег. Полк пел много сибирских песен, перенятых от ссыльных. Пел с большим подъемом. На берегу было сооружение, бревна на козлах — мостки,

рассчитанные на весенний разлив. Мы по очереди взбирались на эти бревна и говорили оттуда. Красноармейцы слушали, не шевелясь. Далеко по воде слышны были слова говоривших. Как-то хорошо говорилось перед этими красноармейцами сибиряками. Сюда же на берег пришел и рабочий люд Чистополя. Присутствовавшие понимали, что идет гражданская война, понимали, кто с кем воюет.

На другой день со мной разговорились вахтенные, стоявшие накануне на часах. Они оба родом были крестьяне Нижегородской губернии. «Все вы правильно говорили, — сказал один из них, — за советскую власть надо стоять всеми силами, только вот без соли трудно в деревне... Грибы нечем засолить. Ну, грибы еще высушить можно, а с огурцами как быть»? После этого разговора вахтенные стали окружать меня заботой. До глубокой ночи на пароходе стоял шум. Служащие ходили по палубе, разговаривали. И вот раз утром смотрю — участок, куда выходило окно моей каюты, отгорожен; по обоим краям его стоят перевернутые скамейки, баррикады какие-то. Это вахтенные придумали, чтобы ночью не проходили мимо окна гуляющие и было потише.

Останавливались мы в Ижевском и Воткинском заводах. В Ижевский завод я не попала, а в Воткинском заводе была. Белые там особенно зверствовали. Был на Воткинском заводе молодежный клуб, украшен он был большевистскими лозунгами, красными знаменами. И вот, когда пришли белые, стали пристреливать подростков. Редкая семья была, где не было бы убитых белыми подростков. «Большевистское отродье проклятое», — ругали белые ребят. И вот, когда по случаю приезда «Красной звезды» был устроен тысячный митинг, когда запели «Вы жертвою пали...» — тысячный зал зарыдал.

Ушли белые. Оставшиеся в живых ребята опять организовали в том же месте, где раньше, клуб. В заводе видно было, сколько пережито, передумано каждым. Никогда не чувствовала я такой ответственности за каждое свое слово, как перед этой аудиторией. Когда мы ехали назад на пароход (Воткинский завод в нескольких верстах от Волги), с нами поехало много рабочих, работниц. Один рабочий рассказывал, как его

белые полуживого бросили в могилу, в яму вместе с убитыми, и как еле-еле удалось ему выползти оттуда. Рассказывали, как белые, когда они пришли второй раз, погнали тех, кого им удалось захватить, разрывать красные братские могилы и жечь трупы на костре. Много жутких рассказов пришлось слышать на Урале. Одна молодая учительница рассказывала, как ей пришлось бежать, скрываясь от белых. А белые пришли к ней в дом, стали допрашивать ее старуху мать, и так как та ничего им не сказала, то запороли ее до полусмерти.

Но характерно было, что в огне гражданской борьбы напряженная шла борьба и за культуру. Захотелось мне остаться на Урале, не хотелось возвращаться в Москву, написала об этом Ильичу.

Помню, как митинговали еще в Челнах, в Осе. Были на Нытвинском заводе. Надо туда было ехать по узкоколейке; в траве лежали опрокинутые вагоны.

Нытва уже близко к Перми. Там были работницы из Перми — латышки. Они рассказывали мне, как ведут работу с крестьянками. В воскресенье утром вся их женорганизация рассыпается по деревням. Заходят в крестьянские избы и начинают помогать крестьянке по хозяйству: становятся рядом с ней за корыто, чинят одежду. Это очень скоро рассеивает всякое недоверие, и крестьянка начинает внимательно прислушиваться к их словам, а потом сама уже среди других крестьянок начинает агитировать за советскую власть.

Этот метод подхода я потом особенно рекомендовала применять в работе. Надо быть как можно ближе к массе, пользоваться ее безграничным доверием. На одних плакатах и лозунгах далеко не уедешь. Нужна большая разъяснительная работа.

Наконец, приехали в Пермь. Когда я в день приезда шла по улице Перми, ко мне подошел извозчик. «А как, гражданка, что с Москвой?» — «Ничего, — ответила я, — голодновато только». — «А разве Москва не сгорела?» Белые пустили уже слух, что Питер взят белыми, что Москва сожжена и т. д. Я мало выступала в Перми. У меня от постоянных выступлений взбесилось сердце, ноги распухли и покрылись экземой, приходилось отлеживаться. С учителями толковала т. Цикуленко. Она рассказывала мне о политической несознательности

учителей. О том, как учительница рассказывала ей, что спокойнее было бы уйти с белыми, да вот денег не было подводу нанять — дорого очень уж брали. Говорили, очевидно, совсем не понимая, что они говорят.

Вечером пришел ко мне агитатор из стоявшего в Перми полка и стал страстно уговаривать меня выступить у них. «Ну, хоть в батальоне». Красные банты украшали его грудь, и говорил он так убедительно, что я согласилась. На другое утро он заехал за мной, и мы на извозчике поехали в полк. Дорогой он рассказал о себе. До Октября он был попом. «За Льва Николаевича посылали в монастырь картошку чистить». И вот пришла весть об Октябре. «Сидим мы накануне вечером с попадьей, вдруг стучат в дверь. Я пошел отворять. Смотрю, никого нет. Ну, думаю, быть чуду. На другой день приходит весть о революции. Ну, я говорю попадье: Оставайся с детьми, — четверо их у меня, — а я пойду к большевикам. И вот теперь при полку работаю».

Выступать пришлось не перед батальоном, не перед двумя-тремя стами людей, как я думала. Пришло 6 тысяч, все красноармейцы города. Вряд ли кто слышал то, что я говорила, но митинг был ужасно интересный. Недавний поп был незаурядным оратором. Хоть и употреблял он поповские сравнения вроде того, что «большевики подобно апостолам пошли в народ, чтобы понести им свет истины», но говорил в общем дельно, и ясно было, какое громадное значение имело его выступление. «А как насчет крещения?» — задал вопрос один красноармеец. «Насчет крещения? Подробно — говорить надо бы часа два, а коротко сказать — один обман». Масса молча слушала: кому же и знать лучше, как не бывшему попу. И ясно было, какое громадное агитационное значение имели речи этого попа-агитатора. Запомнилось еще выступление одного красного командира. «Страна наша непобедима на предмет пространственности и квадратности», — говорил он. Потом, когда я рассказывала об этом выступлении Владимиру Ильичу, он говорил о том, что неправильная по форме эта мысль глубоко верна. Не была бы так скоро разбита Венгерская советская республика, если бы она не была так мала, а то самое большее 60 верст от границы находится Будапешт.

Получив мое письмо, где я писала о том, что мне охота остаться работать на Урале, Ильич дал телеграмму т. Крестинскому в Свердловск, чтобы по дороге в Москву он заехал в Пермь и взял меня. Крестинский пришел как раз на наш красноармейский митинг и стал настаивать на моем отъезде в Москву. Я не очень спорила, ибо расхворалась порядком. Сели мы на обычный пароход, в Казани пересели на другой, на «Карла Маркса». Остановились на обратном пути опять в Нижнем. Там были т. Каганович и т. Сергушев. Помитинговали и вернулись в Москву.

Долго потом обдумывала я виденное и слышанное, думала о том, как надо перестраивать всю нашу политпросветработу, чтобы шире и глубже захватывала она массы.

НАЧАЛО ДНЕВНИКА

28 июня. Весь день ушел на переезды. Водворились, наконец, на «Красную звезду». Рядом баржа, окрашенная в яркий красный цвет. Говорят, к 1 июля не будем готовы. В затоне (Доскинском), где стоит наш пароход, тучи комаров, но местность прекрасная: Ока, гористый, покрытый лесом берег. Завтра звали в Нижний на собрание ответственных работников. Звали всех. Пойдем.

Нижний и Сормово

29 июня. С утренним пароходом отправились в Нижний на собрание ответственных работников. Еле-еле пробрались в Кремль, где происходило собрание (Дворец свободы). Красноармейцы не пропускали даже с мандатами ЦИК, о существовании которого они даже не знают. На террасе Дворца свободы собралось 150 человек ответственных партийных работников. Мы просидели на собрании около часу, потом нужно было ехать на митинг в Сормово. Общее впечатление от собрания — очень хороший подбор работников, среди них много рабочих. Но речи звучали странно. Говорилось о «партийном кризисе», об апатии в рядах партийной организации, о недостаточной связи с массами и пр. Такая самокритика очень важна и указывает на серьезную постановку дела в организации. Но все же

это странно слышать: оторванность от масс — это теперь-то! Уныние, апатия — точно для этого время есть! Из наших говорил Молотов, потом я немного.

В Сормове нас встретила своя партийная публика — повезли сначала в так называемые «сормовские приемные комнаты», где напоили чаем и накормили картошкой, потом поехали на митинг. Собралось около тысячи человек в народном доме. Застали местного оратора Смирнова, который говорил больше часу, восхваляя советскую власть и ругая ее противников. От нас говорил Александров. Он очень хороший оратор, и, так как он еще рабочий, его слушали напряженно. Потом говорил Молотов, тоже хорошо. Потом говорил воткинский рабочий-красноармеец, говорил о зверствах белых, их отношении к рабочим. Кончили митинг пением «Интернационала».

Публика напряженно слушала, не было никаких ядовитых замечаний, недоброжелательных выкриков и пр.

1 июля. Вечером было два митинга: один для рабочих водного транспорта, другой — общегородской. Митинг у рабочих водного транспорта был замечательно хорош по настроению; на балалайках исполняли «Интернационал». Очень хорошо сказал приветствие матрос от волжской военной флотилии. Прекрасный голос и уменье говорить.

Второй митинг — общегородской — устроен был в зале дворянского собрания. На митинг с иностранцами были специально приглашены профсоюзы. При нашем входе нас встретила организация молодежи с красным знаменем и восклицанием: «Да здравствуют вожди всемирной революции!» После митинга пели «Интернационал», с пением «Интернационала» вышли на улицу. Толпа, продолжая петь, окружила автомобиль и махала отъезжающим шапками и пр.

Я с т. Ивановым осталась еще на прощальный вечер с отъезжающими на фронт санитарками. Их 45 человек кончили специальные курсы. Тов. Гуревич, которая ведет работу среди женщин, в краткой ясной речи рассказала об успехах женской организации в Нижнем-Новгороде. За два месяца (работа была начата лишь в конце апреля) удалось вовлечь в организацию много работниц. Приходилось обходить мастерские и там вести агитационную работу. Потом я говорила. Потом Иванов.

Общее впечатление от нижегородской работы самое положительное. Хороший состав коммунистических работников очевидно влияет на всю постановку партийной работы.

2 июля. Сегодня три митинга в городском саду для красноармейцев и на Брянском заводе. Но я сегодня на митинги не назначена, у меня сегодня посещение школы агитаторов, губернского отдела народного образования, женской комиссии и вечером в 7 часов собрание городских учителей. Впрочем в школу агитаторов очевидно не поеду, так как автомобиля не прислали, и мы пропустили время.

В губернском отделе народного образования беседовали о представительстве на губернский съезд по внешкольному образованию, о домах-музеях, преобразовании их в народные дома (дома-музеи непосредственно находились в заведывании губернского отдела) и о переводе народных домов в ведение уездных отделов; о библиотеках (условились о собрании библиотекарей городских библиотек, где должна сделать доклад т. Цикуленко).

Вечером было собрание городских учителей обеих ступеней школы. На повестке было написано: явка обязательна. Поэтому ли или потому, что интересно посмотреть приезжих, собралось человек 900 учителей и учительниц.

Делала обычный доклад об единой трудовой школе, об отличии ее от буржуазной классовой школы, о ее задачах (см. отчет «Нижегородской Коммуны» от 4 июля). Возражал ряд ораторов. Наиболее идейно близко стоящим оказался учитель Тивов, выставлявший конкретные предложения к улучшению дела. Хотя он был членом Всероссийского учительского союза, держался он крайне лояльно. Что касается остальных, то в их речах звучало лишь недовольство своим положением и непонимание задач трудовой школы. Учитель Анешин говорил, что сам Наркомпрос не отдает себе отчета в том, что такое единая трудовая школа, — чего же требовать от учителей? Еще более враждебно звучала речь бывшего учителя высшего начального училища Капралова, бывшего правого эсера. Он говорил, что понимал единство трудовой школы лишь в том смысле, что не будет тупиков, какими были, например,

высшие начальные училища, а переход из низшей в среднюю школу, а оттуда в университет будет облегчен, а совсем не в том смысле, что школа перестанет быть классовой. Двухступенная школа является большой ошибкой. Первая ступень охватывала 5 лет. Но разве пятилетняя школа доступна рабочему и крестьянину? Народ с трудом выдерживал и двухлетнюю школу, трехлетняя для него совершенно недоступна. Затем Капралов требовал привилегированного положения учителей в продовольственном отношении, повышения ставок учителям и двухмесячного отпуска.

В заключительном слове я сказала, что если при старом режиме нельзя, может быть, было устроить даже трехгодичной школы, то при Советской республике — дело другое. Что касается продовольствия, то положение продовольственного дела не улучшится до тех пор, пока не будут изгнаны враги с территории Советской республики. Тут нельзя рассуждать так: правительство хорошо, если дает большой паек, плохо, если этот паек уменьшится, а такое мерило применяет т. Капралов. Насчет отпусков — дело отдела единой трудовой школы. Школа должна быть открыта всегда, но учителя должны получать отпуска.

3 июля. Вечером был доклад у коммунистической молодежи в Канавине. Было человек 200 молодежи и человек 100 взрослых. Тема была: «Роль молодежи в строительстве новой жизни». Сначала я говорила о тех условиях, в которых живет современная молодежь. Потом сравнила строй капиталистический со строем социалистическим (коммунистическим), указывая на то, что характерным отличием капиталистического строя является хаос производства, а коммунистического — планомерность. Указала, какими мерами может быть достигнута планомерность. Указала на роль молодежи в организации планомерности производства. Затем говорила о политической стороне дела. Сравнивала Советскую республику с республикой буржуазно-демократической, выясняла основы советской конституции и указала на роль молодежи в политическом строительстве. Потом говорила о культурном строительстве.

После доклада было собеседование. Когда я собралась уже уходить, подошла ко мне женщина, немолодая уже, замечательно симпатичная. Стала благодарить

за лекцию: «Очень хорошо сказали, я уж поплакала на лекции-то». — «Чего же плакали?» — Она стала утирать глаза кончиком платка. «Сын у меня 19-ти лет, коммунист, ушел на фронт, убит теперь. Знаю, за правое дело, — а жалко». Потом, когда я уезжала уже и молодежь меня провожала, она опять подошла ко мне, радостно рассказывая: «Младший сын тоже слушал, 13 лет ему, прибежал, говорит: Мама, я все понял. Он уже все понимает».

От молодежи поехали на собрание городских библиотекарей, где сказала немного о значении библиотеки.

Утром была в Сормовском отделе народного образования. Ютятся они в крохотной избушке. Внешкольным образованием заведует Ставская, а председатель отдела — рабочий Чукмасов. У них при отделе был совет народного образования, но занимался только школьным делом, а внешкольным не занимался. У отдела с учителями хорошие отношения, но трудовое начало сводится только к самообслуживанию. Что касается внешкольного образования, то дело сводится к двум народным домам, при которых нет никаких учреждений, кроме сцены, одной библиотеки в 4 тысячи томов и тремя маленькими (есть 30 тысяч книг, но нет помещения для библиотеки), рабочего клуба, картинной галлереи из двух комнат. Теперь внешкольный отдел образовал Пролеткульт, назначив туда представителей от организаций. Пролеткульт находится в Сормове в ведении внешкольного отдела, имеет художественно-музыкальную и драматическую студии.

Общее впечатление, что работников во внешкольном отделе мало, что на политическую агитацию через отдел обращено мало внимания. Впрочем, каждую пятницу в народном доме бывают политические митинги, устраиваемые партией. Имеется отделение городского государственного университета и общеобразовательные курсы, но и те и другие мало посещаются рабочей публикой. Итак, библиотечное дело, дело обучения взрослых и народные дома не стоят на высоте задачи. Жалуются, что нет денег и особенно людей. В Сормове культурная работа должна быть развернута во всю ширь.

Побывала в музее. Музей состоит из двух комнат с картинами, недурно подобранными. Музей посещается

мало, так как вероятно все сормовцы уже перевидали его. Рабочий клуб в уютном особняке: чайная, читальня (без книг и с небольшим числом газет, тут же пара качалок и разные игры — шахматы, шашки и пр.), комната для бесед. Говорят, в клубе бывает много народу.

4 июля 1919 г., пятница. Вечером был митинг в Сормове, начали собираться в 7 часов. Собралось больше 4 тысяч народу. Наши приехали только около 10. Около 9 я поехала на митинг, думая, что наши уже приехали из Нижнего, но оказалось, что никто не приехал еще. Чукмасов повел меня на сцену, там стояли дети, которые очень хорошо спели «Интернационал». Затем пришлось выступить, чтобы публика не разошлась. Речь слушали очень внимательно, как и остальных ораторов. Выступали Буровцев, Вознесенский, Александров. Все с успехом. Возражать не возражали, но десятка полтора записок подали. В одной из поданных записок говорилось: «Почему паек считается равным для всех, а советские служащие носят ведрами щи и кашу к себе и еще всякое в узелках, и еще в столовых наедаются». Жаловались еще, что когда в Сормове был пожар, обещали заплатить за прогульный день целиком, а заплатили одну четверть. Жаловались, что нельзя переезжать из губернии в губернию. Но общее настроение митинга было хорошее.

Сормовские рабочие находятся в особых условиях: большинство их имеет свои домики, огороды, поля. Один, подавший записку, спрашивал, будут ли отпускать на полевые работы. Эта связь с землей делает сормовского рабочего полурабочим, полукрестьянином. Этим, вероятно, объясняются некоторые меньшевистские настроения сормовских рабочих, постоянно колеблющихся между левым и правым крылом.

5 июля, суббота. В 4 часа я и т. Цикуленко приехали в партийную агитаторскую школу. Главные средства на нее дает военное ведомство. Руководителем школы является т. Марьин, главным лектором — т. Самохвалов. Курсы 6-недельные. Кончает уже четвертый выпуск. Собрались в саду 100 человек. Среди них несколько девушек. Приветствовала их, указала на значение коммунистической партии в борьбе рабочего класса. Потом говорили Самохвалов и Марьин. Затем взял слово совсем молоденький красноармеец, обещал от имени

товарищей отдать всю жизнь на защиту Советской республики. Потом пели очень хорошо (их обучает учитель из оперы) «Интернационал», «Варшавянку», «Вы жертвою пали». Просили передать привет т. Ленину. Когда провожали автомобиль, опять один из курсантов сказал речь, заверяя от имени всех курсантов о своей готовности к борьбе. Говорил, волнуясь, бледнея. Общее впечатление от курсов очень благоприятное. Обстановка скудная, библиотека плохонькая, но прекрасное настроение, горящие энтузиазмом глаза.

Такие партийные школы воспитывают.

Из партийной школы (Тихоновская, 35) поехали на дошкольные курсы (Звездинка, 33). Курсантов человек 80; 15% работницы. Слушали внимательно, не спуская глаз. Заведующая курсами — Ольга Павловна Голубцева. Библиотека страшно скудна. Готовятся к экскурсии. Публика молодая.

ЛЕНИН ОБ АГИТАЦИОННЫХ ПОЕЗДАХ И ПАРОХОДАХ

25 января 1920 г. по докладу т. Гурова об итогах работ, проделанных агитационно-инструкторскими поездами ВЦИКа, т. Ленин дал следующие указания:

1. Частного характера:

1) *Усилить экономическую и практическую части работ поездов и пароходов* включением в политотделы их агрономов, техников, отбором технической литературы, соответствующего содержания кинолент и пр.

2) *Изготовить* через кинокомитет производственные (показывающие разные отрасли производства), сельскохозяйственные, промышленные, антирелигиозные и научные *киноленты*, заказав такие немедленно за границей через т. *Литвинова*. Телеграфный заказ дать на подпись т. Ленину.

3) *Разработать* волостную показательную карту в большом масштабе, демонстрирующую всю проделанную работу и означенные ею районы. Карту эту выставить на месте скопления народа, свободном от всяких пропусков.

4) *Разработать* полученные при поездках *материалы*, издав схемы, диаграммы и пр.

5) *Обратить внимание* на необходимость тщатель-

ного *подбора* киноленг и учет *действия* каждой киноленты на население на время демонстрирования ее.

6) *Расширить работу* поездов и пароходов *в стороне от рельсов и берегов* посредством усиления вспомогательных транспортных (мотоциклы, автомобили, велосипеды) средств в поездах и пароходах, а также использования местных транспортных средств.

7) Организовать за границей *представительство для закупки* и транспортирования киноленг, пленок и всякого рода кинематографического материала.

8) Обратить внимание на подбор сотрудников в поездах и пароходах.

9) Тов. *Гурову предоставляется право* в срочных случаях по вопросам деятельности инструкторских поездов и пароходов ВЦИКа обращаться к т. Ленину непосредственно, а в несрочных случаях — к т. Ленину через секретаря.

2. Общего характера:

1) Назначить немедленно через ЦК партии собрание из представителей ВЦИКа, ЦК, народных комиссариатов и бывших на поездах и пароходах политработников. Означенное собрание должно ознакомиться с итогами работ поездов и пароходов и разработать *положение о поездках* от имени ВЦИКа, ЦК и Совнаркома.

2) Выработанное положение будет проведено т. Ленинным через ЦК, Совнарком.

3) При Совнаркоме предполагается созвать особую постоянную комиссию по руководству поездками, согласно выработанному положению.

Сообщая обо всем вышеизложенном, Отдел агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИКа уведомляет, что по изложенным указаниям Отдел вошел в сношение с Кинокомитетом. Кроме того, указания и пожелания Владимира Ильича были переданы т. *Воровди*, т. *Стасовой*, которой в ближайшее время предполагается созыв предварительной комиссии по выработке положения о поездках на поездах и пароходах ВЦИКа.

Предполагаемый состав комиссии: секретарь президиума ВЦИК т. *Енукидзе* и *Луговинов*, представители ЦК партии тт. *Стасова, Крестинский* и т. *Гуров*.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Заветы Ленина в области народного просвещения	7
К вопросу о работе культотделов	34
На путях к социализму	39
Изучение Ленина и ленинизма в школе	43
Учащиеся должны знать об едином хозяйственном плане	45
Перед лицом культурной революции	47
Ленин о просвещении и народном учителе	51
Речь, посвященная десятилетнему юбилею Наркомпроса, 14 ноября 1927 г.	55
Ленин о воспитательной работе пролетариата	62
К вопросу о подготовке рабочей силы	66
О производственной пропаганде	71
Из статьи «О политехническом образовании»	75
Из предисловия к четвертому изданию книги «Народное образование и демократия»	79
Забота Ленина о детях	81
Приложения:	
I. Декрет о бесплатном детском питании	82
II. Постановление Совета народных комиссаров	83
III. Разъяснение к декрету от 17 мая 1918 г. о бесплатном детском питании	—
К вопросу о национальной культуре	84
О задачах национально-культурного строительства в связи с обострением классовой борьбы	88
Высказывания Ленина по вопросам культуры и просвещения за время работы в Питере, в тюрьме и ссылке	97
Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе	123
Политпросветработа в обстановке 1918—1921 гг.	128
I. Восемнадцатый и девятнадцатый годы	—
II. Двадцатый год	130
III. Двадцать первый год	134

Стр.

Ленинские дни 137
Десять лет назад и сейчас 151
Десятилетие речи Ленина на II съезде политпросветов 155
Отметка, сделанная Лениным на книжке Блонского «Трудовая школа» 164
Очередные задачи политпросветработы 166
Роль Ленина в борьбе за политехническую школу 175
Учение Маркса — Ленина в учительские массы 181
Из статьи «Культурная революция в свете пятнадцати лет пролетарской революции» 183
О Всероссийском конкурсе на лучшие образцовые школы и на лучших педагогов в них 186
Диалектический подход к изучению отдельных дисциплин . . . 191
Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма» 198
Нашим ребятам нужна книжка, которая воспитывала бы из них подлинных интернационалистов 202
В ногу с партией 206
Культурная революция на новом этапе 208
Важный участок соцстройки 212
К борьбе за культурно-организованную жизнь, за жизнь просвещенную и светлую 219

Приложения:

Пять лет работы в вечерних смоленских классах 222
На «Красной звезде» 240

Цена 1 р. 20 к.

Переплет 50 к.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО